

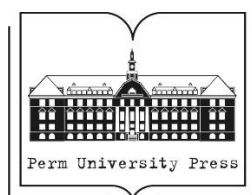
МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**КАФЕДРА СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ:
СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ РАЗВИТИЯ**

МОНОГРАФИЯ

Под редакцией Т. А. Балиной

Пермь 2025

УДК 378:910
ББК 74.58+26.8
К305

Кафедра социально-экономической географии: семь десятилетий
К305 развития : монография / под общ. ред. Т. А. Балиной ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2025. – 132 с.

ISBN 978-5-7944-4297-7

Монография приурочена к 70-летию со дня основания кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета.

Коллективная монография охватывает широкий круг вопросов географического изучения территориальной организации общества, которые были заложены в многочисленных трудах М. Д. Шарыгина и получили развитие в современных исследованиях. Первый раздел объединил воспоминания друзей, коллег и учеников об ученом, его вкладе в географическую науку и образование; второй раздел освещает теоретические, концептуальные, методологические и конструктивные аспекты исследований общественного развития.

Монография предназначена для специалистов в области социально-экономической географии, истории географии, региональной экономики, для научных работников, преподавателей и учащихся вузов.

УДК 378:910
ББК 74.58+26.8

*Издается по решению кафедры социально-экономической географии
Пермского государственного национального исследовательского университета*

Рецензенты: д-р географических наук, доцент, профессор кафедры географии
Нижевартковского государственного университета **С. Н. Соколов**;

д-р экономических наук, доцент, профессор кафедры туризма и природопользования Тверского государственного университета **С. И. Яковлева**

ISBN 978-5-7944-4297-7

© ПГНИУ, 2025
© Коллектив авторов, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив	4
Предисловие	5
Раздел 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ РАЗВИТИЯ КАФЕДРЫ	
1.1. Профессор М.Д. Шарыгин: Слово об учителе и учениках	6
1.2. События и тенденции новейшего этапа развития кафедры социально-экономической географии ПГНИУ	11
1.3. Роль кафедры социально-экономической географии Пермского госуниверситета для тюменского высшего географического образования	27
1.4. О моей работе на кафедре экономической географии Пермского университета	33
Раздел 2. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВКЛАД КАФЕДРЫ В РЕШЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	
2.1. Метагеографический базис науки	43
2.2. Моделирование пространственных эффектов в контексте регионального развития	54
2.3. Особенности уральского агломерирования глазами уральских географов	77
2.4. Географические подходы к изучению социальной активности и самоорганизации населения	98
2.5. Историко-культурное наследие региона: теоретико-методологические подходы к географическому анализу ..	111
Библиографический список	121

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Балина Татьяна Анатольевна – кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии ПГНИУ (*предисловие, п. 2.4 совместно с Чекменевой Л.Ю. и Осоргиным К.С.; п. 2.5 совместно с Е.Р. Мельниковым*)

Букина Татьяна Витальевна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической теории, руководитель департамента экономики и финансов Высшей школы экономики в Перми (*п. 2.2*)

Конышев Евгений Валерьевич – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономической географии ПГНИУ (*п. 1.2 совместно с А.С. Лучниковым и Т.В. Субботиной*)

Лучников Андрей Сергеевич – старший преподаватель кафедры социально-экономической географии ПГНИУ (*п. 1.2 совместно с Е.В. Конышевым и Т.В. Субботиной*)

Мельников Егор Романович – аспирант кафедры социально-экономической ПГНИУ, заведующий подразделением ГКБУК "Пермский краеведческий музей (*п. 2.5 совместно с Балиной Т.А.*)

Осоргин Константин Сергеевич – старший преподаватель кафедры социально-экономической географии ПГНИУ (*п. 2.4 совместно с Т.А. Балиной и Л.Ю. Чекменевой*)

Петров Юрий Владимирович – кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии и природопользования, Школа естественных наук Тюменского государственного университета (*п. 1.3.*)

Столбов Вячеслав Алексеевич – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии ПГНИУ (*п. 2.1.*)

Субботина Татьяна Васильевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии ПГНИУ (*п. 1.2. совместно с Е.В. Конышевым и А.С. Лучниковым; п. 2.3*)

Чекменева Лариса Юрьевна – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии ПГНИУ (*п. 2.4. совместно с Т.А. Балиной и К.С. Осоргиным*)

Чернышева Агафья Федоровна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии ПГУ в 1955–1969 гг., декан географического факультета ПГУ в 1961–1964 гг. (*п.1.4*)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2025 году исполняется 70 лет кафедре социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета. Авторитет Пермской географической школы, организованной В.А. Танаевским, был развит и многократно преумножен доктором географических наук, профессором М.Д. Шарыгиным, под руководством которого кафедра развивалась в течение полувека. Благодаря активной научной и общественной деятельности Михаила Дмитриевича, его учеников и коллег кафедра получила широкую известность и заслуженный авторитет в среде научных работников, преподавателей, общественных деятелей и управленцев.

Опираясь на теоретико-методологический фундамент, заложенный М.Д. Шарыгиным, научные изыскания сотрудников кафедры СЭГ нацелены на исследования регионального капитала и социоэкономики, реновации старо-промышленных регионов и геоурбанистики, трансформации отраслевой и территориальной структуры экономики, о чем свидетельствуют многочисленные монографии, статьи и учебные пособия.

Пермская географическая школа сегодня – это известный и почитаемый в нашей стране научный коллектив, имеющий ярких лидеров, генераторов идей, свой научно-исследовательский стиль и потенциал, авторские методики исследования социально-экономических явлений и процессов. Обладая богатым научным наследием, пермские географы бережно сохраняют и развивают традиции, формируют актуальные направления исследований, реализуют теоретико-методологические наработки на практике.

Монография включает два раздела: первый объединил воспоминания самого М.Д. Шарыгина, его друзей, коллег и учеников об истории развития кафедры, основных этапах ее становления и событиях «новейшей» истории.

Второй раздел отражает современные направления научно-исследовательской деятельности сотрудников кафедры, а также ученых, чье становление проходило при непосредственном участии профессора М.Д. Шарыгина. Раздел содержит статьи по теоретическим, концептуальным, методологическим и конструктивным аспектам развития территориальных общественных систем.

Материалы монографии печатаются с незначительной редакторской коррективкой. Они будут полезны для научных и практических работников, аспирантов и магистрантов, занимающихся проблемами общественной географии и территориального управления.

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ РАЗВИТИЯ КАФЕДРЫ

1.1. СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ И УЧЕНИКАХ¹

Среди моих учителей особое место занимает Заслуженный деятель науки Таджикской ССР, профессор Валентин Алексеевич Танаевский (1886–1969), у которого я был последним аспирантом. В.А. Танаевский – один из основоположников отечественной экономической географии, создатель этой науки в Кировском педагогическом институте (1926), одноименных кафедр в Сталинабадском (Душанбинском) педагогическом институте (1938) и Пермском университете (1955).

Именно после его приезда в Пермь началась активная научно-исследовательская деятельность аспирантов и соискателей по изучению населения и хозяйства Урала и сопредельных территорий. Уже в Кирове, а затем в Душанбе и Свердловске, где он также работал в Уральском государственном университете (1949–1955), он имел большой опыт подготовки кадров высшей квалификации, так нужных географической науке и образованию в довоенные и первые послевоенные годы.

Среди его учеников еще до переезда в Пермь были довольно известные люди: ректор Кировского пединститута М.А. Елсуков, преподаватели пединститута С.В. Токарев, Р.В. Лебедева, Г.А. Бушмелев, председатель Верховного совета Таджикской ССР, доктор экономических наук К.Ш. Джураев, сотрудники географического факультета Таджикского государственного педагогического университета им. С. Айни Д.З. Зияев, М.Ю. Мамаджонова, декан географического факультета Уральского университета А.П. Сидорова, декан естественно-географического факультета Омского педагогического института Г.П. Белозеров и многие др.

В первые годы существования кафедры экономической географии в Пермском университете научными руководителями аспирантов были не только профессор В.А. Танаевский, но и молодые кандидаты наук, доценты М.Н. Степанов, А.Ф. Чернышева, А.Ф. Куракин. Хотя именно у В.А. Танаевского учени-

¹ Статья написана М.Д. Шарыгиным в 2008 г. по просьбе начальника научно-исследовательской части Пермского университета В.Н. Катаева. Обнаружена в архивах профессора М.Д. Шарыгина.

ков было больше всего как на очной, так и на заочной форме обучения. В период 1960-х гг. аспирантский стаж на кафедре проходили М.И. Мещериков, Г.Г. Макарова, Н.Д. Еропкина, А.П. Бурьян, Л.А. Меркушева, Н.В. Иванова, А.А. Кайсин, А.В. Троицкая, И.В. Кемень, Л.Н. Ложкина, О.С. Винтер, Г.А. Громова и др. Большинство из них впоследствии защитили кандидатские диссертации, став ведущими сотрудниками кафедр в Пермском университете, Комсомольском-на-Амуре педагогическом институте, Институте экономике АН Белорусской ССР, Пермской лаборатории комплексных экономических исследований Института экономики Уральского научного центра АН СССР, партийно-хозяйственных органах Кировской и Курганской областей и пр.

Рис. 1. Профессор В.А. Танаевский в своем кабинете в УрГУ (1952)

*Фото из архива Е.Ю. Посягиной,
хранится на кафедре социально-экономической географии ПГНИУ*

Идейным вдохновителем и генератором идей был заведующий кафедрой (1955–1961) В.А. Танаевский (рис. 1). Несмотря на преклонный возраст, он отличался свежестью ума, энциклопедическими знаниями, творческой инициативой. Говорил негромко, но отчетливо, глубоко аргументируя высказанные мысли. От него исходила душевная доброта, благожелательность, созидательная энергия. Его домашняя библиотека всегда была доступна сотрудникам и аспирантам кафедры. Научные достижения и интересы В.А. Танаевского были связаны с исследованием истории и деятельности ученых, разработкой методологии экономической географии, теории экономического районирования, соци-

ально-экономических проблем развития экономических районов разного иерархического уровня и направлены на оказание научной помощи практике хозяйственного развития. Широта научных интересов профессора зримо проявлялась в тематике исследовательской деятельности аспирантов. Кандидатские диссертации, выполненные под руководством В.А. Танаевского, охватывали разные сферы научного познания: географию населения и трудовых ресурсов, ведущих отраслей хозяйства, сферы обслуживания, территориально-производственных комплексов, транспорта, строительства на разных территориальных уровнях.

В «русле» научных интересов учителя оказалась и тема моего диссертационного исследования: «Формирование и развитие локального территориально-производственного комплекса северо-востока Кировской области». Основным методом изысканий стал метод энергопроизводственных циклов, который встретил сдержанное восприятие у Валентина Алексеевича. В процессе длительных дискуссий учитель принял мою позицию, а я «увидел» сильные и слабые стороны метода. В ходе общения у нас сложились добрые и близкие отношения, которые я вспоминаю с ностальгической грустью. Добрая память об учителе сохранилась у всего старшего поколения кафедры социально-экономической географии, а также всех, кто знал профессора.

Следует также отметить, что успешность аспирантуры при кафедре в этот период обеспечивалась наличием собственного Ученого совета геологического и географического факультетов Университета, в котором ведущую роль такие выдающиеся деятели пермской науки, как Г.А. Максимович, С.Н. Лаптев, В.А. Танаевский, А.С. Шкляев и многие др. С 1956 по 1968 год в нем защитились 11 аспирантов кафедры: девять под руководством проф. В.А. Танаевского, один – под руководством доцента А.Ф. Чернышевой, один – под руководством доцента А.Ф. Куракина.

После смерти В.А. Танаевского прекратилась деятельность и аспирантуры, и объединенного совета. В 1970-е годы защиты сотрудниками, а также выпускниками кафедры кандидатских диссертаций происходили в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (Н.Д. Еропкина, В.С. Григорьев, Н.В. Иванова и др.), Московском педагогическом институте (А.П. Бурьян), Ленинградском государственном университете (С.В. Красных, А.М. Коробейников и др.).

Второе «рождение» аспирантуры на кафедре произошло в начале 1980-х годов, после защиты моей докторской диссертации. Первым моим аспирантом стал А.И. Зырянов, ныне доктор географических наук, профессор и заведующий кафедрой туризма Пермского государственного университета. Далее последовала когорта умных, пытливых, инициативных, творческих дерзких аспирантов (более 30 человек).

Рис. 2. Коллектив кафедры экономической географии ПГУ (1970)

(в первом ряду слева направо сидят А.М. Поздеева, А.С. Головкина, М.Н. Степанов, А.М. Свисткова, Г.Г. Макарова, Н.В. Иванова; во втором слева направо стоят О.С. Винтер, М.Д. Шарыгин, Н.Д. Еропкина, Б.А. Казаков, А.П. Бурьян, В.С. Григорьев, В.П. Оспищев, М.И. Мещериков)

Среди них доценты кафедры: М.Д. Гагарский, В.А. Столбов, С.Б. Фоминых, Т.В. Субботина, Т.А. Балина, С.А. Меркушев, М.Б. Иванова, Л.Б. Чупина, П.С. Ширинкин, Л.Ю. Чекменева; руководители образовательных учреждений, экономических подразделений в органах власти П.И. Блусь, П.М. Морозов, А.В. Потемкин, А.Н. Михайленко, С.В. Толчин и др. Выпускники аспирантуры ныне успешно работают в вузах и НИИ Воронежа, Ижевска, Казани, Кирова, Тюмени, Омска, Якутска и других городов страны.

Рис. 3. М.Д. Шарыгин с С.Б. Фоминых (2005) и М.Д. Гагарским (1985)

В течение первых лет существования аспирантуры выпускники защищались в других городах, чаще всего в Ленинграде, с учеными которого до сих пор сохраняются тесные творческие связи и добрые отношения. Эффективность работы аспирантуры особенно возросла в период деятельности диссертационных советов по защите сначала только кандидатских (1996–2002 гг.), а затем и кандидатских, и докторских диссертаций (с 2002 г.) при Пермском государственном университете.

Рис. 4. Кафедра социально-экономической географии (1990)

Первая успешная защита в нашем совете произошла в апреле 1995 г. – это была работа моей аспирантки, а ныне одного из ведущих сотрудников кафедры социально-экономической географии Т.А. Балиной. Она же вскоре стала бесменным ученым секретарем совета, помогая мне как председателю во всех организационных вопросах. Надо отметить, что наш диссертационный совет является единственным на большом пространстве Урало-Поволжья, а поэтому он привлекает к себе внимание соискателей со всей страны. В период с 1996 по 2008 год в нем защитилось более пятидесяти человек, в том числе доктора географических наук В.А. Рубцов (г. Казань), О.Г. Завьялова (г. Курган), А.И. Зырянов (г. Пермь).

Рис. 5. М.Д. Шарыгин с аспирантами из Кирова Е.В. Конышевым, С.В. Ситниковым (2003); М.Д. Шарыгин вручает диплом кандидата наук И.И. Кротову (2015)

В последние годы расширился прием в аспирантуру, в том числе она стала возможной на коммерческой основе. Это заметно повышает ответственность обучающихся и их научных руководителей. Одновременно происходит поиск новых направлений изысканий. В частности, в «орбиту» исследований вошли сфера отдыха и туризм, проблемы качества жизни людей, формирования имиджа и брендов территории, вопросы виртуального пространства и т.д. Также все больше соискатели прибегают не только к ставшим традиционными методам и подходам исследований (математико-статистический анализ, социологические исследования, др.), но и применяют современные картографо-геоинформационные технологии. Таким образом, в аспирантуре и на кафедре социально-экономической географии Пермского университета сохраняется творческая обстановка и доверительные отношения. Аспиранты принимают активное участие в учебном процессе и научных исследованиях всех аспектов территориальной организации общества.

1.2. СОБЫТИЯ И ТЕНДЕНЦИИ НОВЕЙШЕГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПГНИУ

Кафедра социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета – известный в России и ближайшем зарубежье коллектив, имеющий давние научные и образовательные традиции, заложенные предыдущими поколениями ее сотрудников. В настоящее время на кафедре работают 14 человек, являющихся учениками заслуженного деятеля науки РФ, доктора географических наук, профессора Михаила

Дмитриевича Шарыгина. Современная кафедра социально-экономической географии ПГНИУ – это сплав опыта и мудрости старшего поколения географов и энергии новых поколений ученых и педагогов.

Рис. 6. Кафедра социально-экономической географии (2023)

В сентябре 2005 г. состоялась юбилейная международная научно-практическая конференция «Территориальные общественные системы: проблемы делимитации, развития, управления», в ходе которой были подведены итоги научной и учебно-методической работы за первые полвека работы кафедры. К этому же времени относится и последняя крупная публикация, посвященная итогам развития кафедры в XX в. – начале XXI в.² Прошедшие с того времени 20 лет принесли важные изменения в ее работе.

В 2016 года, желая больше сосредоточиться на научной работе, М.Д. Шарыгин, возглавлявший кафедру 45 лет и сделавший ее одним из самых успешных научно-образовательных коллективов в географии в России, перешел на должность профессора. В связи с этим с 2017 по 2021 год кафедру возглавляла многолетняя его помощница – к.г.н., доцент Т.В. Субботина. Под ее руководством работа кафедры была направлена на сохранение и преумножение потенциала, было проведено несколько крупных научных форумов, началась реали-

² Шарыгин М.Д. Пятидесятилетие кафедры социально-экономической географии (исторический экскурс) // Пятидесятилетие кафедры социально-экономической географии Пермского университета. Пермь, 2005. С. 4–8.

зация новых учебных планов, в том числе, в связи с появлением групп иностранных студентов.

В 2021 году к заведованию кафедрой приступил к.г.н., доцент Евгений Валерьевич Конышев, защитивший диссертацию в совете при Пермском университете в 2006 г. под руководством М.Д. Шарыгина. На современном этапе задачами развития кафедры являются совершенствование кадрового потенциала, привлечение в учебный процесс цифровых технологий обучения, усиление связей кафедры с партнерами через прикладные исследования.

Вышли на заслуженный отдых наши ведущие преподаватели: почетный работник высшего образования РФ, доцент Нина Дмитриевна Еропкина и доцент Борис Анатольевич Казаков, посвятившие кафедре, факультету и университету почти шестьдесят лет своей профессиональной жизни. Эти преподаватели вели не только большую научную работу, но и многогранную общественную деятельность, до сих пор активно участвуют в жизни кафедры и факультета, щедро делятся опытом с молодыми сотрудниками.

Рис. 7. Доценты Н.Д. Еропкина (2018) и Б.А. Казаков (2023)

Фото А.С. Лучникова

Ушли из жизни наши коллеги и товарищи: прекрасный лектор и ученый-регионалист, к.г.н. Сергей Борисович Фоминых (1955–2010); специалист по теории и практике управления, к.э.н., профессор Валентина Александровна Сторожева (1944–2013); ведущий специалист в изучении проблем территориальной организации АПК к.г.н., доцент Михаил Дмитриевич Гагарский (1951–2015). Потерей кафедры в 2020 году стала кончина Михаила Дмитриевича Шарыгина, оставившего неизгладимый след не только в истории нашего коллектива, но и в сердцах всех географов-обществоведов на постсоветском пространстве.

Рис. 8. Доценты С.Б. Фоминых и М.Д. Гагарский (2009). *Фото С.П. Стенно*

Рис. 9. Профессор М.Д. Шарыгин на Совете географического факультета (2009) *Фото С.П. Стенно*

Рис. 10. Профессор М.Д. Шарыгин во время выступления на конференции (2018) *Фото А.С. Лучникова*

Им на смену пришло новое поколение выпускников кафедры. Важной учебно-организационной миссией кафедры на факультете являлась поддержка новых направлений обучения и формирование профессорско-преподавательского коллектива для них. Так, на рубеже столетий, в 2000 г., при кафедре была открыта новая учебная специальность «Социально-культурный сервис и туризм», появился учебный кабинет туризма, а в 2004 году на его основе была организована новая кафедра факультета – кафедра туризма под руководством А.И. Зырянова. В 2012 году для успешной подготовки студентов по этому направлению была создана седьмая кафедра факультета – картографии и геоинформатики под руководством д.г.н., профессора С.В. Пьянкова. В настоящее время наше продолжается через совместную научную работу, издание географических атласов, общефакультетские мероприятия.

Учебная деятельность. Под влиянием общероссийского процесса модернизации высшего образования и трансформации вызовов со стороны обще-

ства, а также в результате изменений в самой общественной географии полностью обновился учебный процесс. В 2014 году на очном и в 2016-м на очно-заочном отделениях состоялись последние выпуски географов-специалистов. Кафедра полностью перешла на систему подготовки «бакалавриат – магистратура», которая в то же время не является чем-то для ее новым, так как с 1997 г. кафедра одной из первых в университете реализует предложенную модель образования³. В 2024/2025 учебном году состоялся уже 26-й выпуск магистров. За этот период более 200 наших выпускников получили ученое звание магистра географии, претворяя в жизнь научные постулаты Пермской школы общественной географии.

С 2012 по 2020 год на кафедре происходила подготовка магистров по двум программам в рамках направления обучения 05.04.02 «География»: «Экономическая и социальная география» и «Территориальное планирование и управление». В настоящее время реализуется только вторая из них. Первая специализация являлась традиционной – в ее рамках магистранты изучали закономерности пространственно-временной организации общества, занимались анализом функционирования различных сфер жизнедеятельности населения на всех территориальных уровнях. Вторая программа появилась в результате необходимости усиления прикладных исследований, она основана на соединении теоретических и конструктивных основ социально-экономической географии. В ходе подготовки будущие магистры занимаются мониторингом и комплексным анализом развития территорий, знакомятся с нормативным обеспечением современной градостроительной и управленческой деятельности. В результате расширения научно-прикладных интересов сотрудников кафедры обновилось и содержание учебных планов бакалавриата и магистратуры. Так, в магистерских программах появились курсы «Основы территориального планирования», «Оценка и диагностика регионального потенциала», «Управление социально-экономическим и пространственным развитием городов», «Управление транспортными системами», «Инновационное и информационное развитие регионов» и пр. При этом сохранились традиционные дисциплины «История, теория и методология географии», «Региональное и муниципальное управление», «Пространственная организация общества» и др.

В 2013/2014 учебном году сотрудниками кафедры совместно с кафедрой физической географии и ландшафтной экологии был подготовлен самостоятельно устанавливаемый образовательный стандарт (СУОС) для бакалавриата

³ Субботина Т. В., Шарыгин М.Д. К вопросу о подготовке магистров // Университеты в формировании специалиста XXI века: тез. докл. междунар. науч.-метод. конф. Пермь, 1999. Т. 2. С. 89–91; Шарыгин М.Д., Столбов В.А., Субботина Т.В. Магистр-специалист XXI века // Магистратура в вузах России: материалы науч.-метод. конф. Воронеж, 2000. С. 140–144.

по направлению обучения 05.03.02 «География», в котором в новом соотношении были учтены общеуниверситетские и конкретно географические дисциплины. Из последних в стандарт были введены такие курсы, как «Прикладное картографирование», «География и экономика видов деятельности», «Экономическая и социальная география стран СНГ», «Политическая география», др. В дальнейшем СУОС неоднократно менялся, что было связано как с требованиями Министерства высшего образования и науки РФ, так и с внедрением в 2020 г. профессионального стандарта «Географ (специалист по выполнению и оказанию услуг географической направленности)».

Изменения учебных планов в бакалавриате также стало возможным в связи с тем, что с 2019 г. кафедра участвует в эксперименте по обучению на географическом факультете иностранных граждан, в частности, студентов из Туркменистана. В 2023 году первые выпускники из их числа стали обладателями диплома о высшем образовании. С 2024/2025 учебного года программа подготовки бакалавров в рамках направления «География» в ПГНИУ сменила название на «География и территориальное развитие», что обусловлено необходимостью усиления практической направленности процесса обучения.

Нельзя не учитывать цифровизацию как одну из современных тенденций, активно трансформирующих систему подготовки кадров в вузах⁴. В нашем случае она отражается в использовании во время аудиторных занятий мультимедиа-аппаратуры и ресурсов сети Интернет, наличии технологий для проведения онлайн-занятий, а также в появлении в учебных планах соответствующих дисциплин: «Цифровая география», «Современные технологии анализа данных», «Основы программирования на Python», «Цифровые технологии для решения прикладных задач». Для совершенствования учебного процесса сотрудники кафедры привлекают средства грантовой поддержки, в частности стипендиальной программы Владимира Потанина. Так, в 2022 году победителем конкурса в рамках этой программы стал доцент Е.В. Конышев, в 2023-м – доцент Т.А. Балина, а в 2024-м – доцент Р.С. Николаев.

Еще одной успешной стороной учебной деятельности кафедры можно назвать издание учебных пособий, часть которых можно назвать уникальными для российской географии. Среди них труды М.Д. Шарыгина и М.Д. Гагарского «Общественно-географическое прогнозирование» (2009); М.Д. Гагарского «Территориальный маркетинг» (2006); М.Д. Шарыгина «Основы региональной политики» (2005), «Современные проблемы экономической и социальной географии» (2008), «Территориальное управление и планирование» (2007, 2014),

⁴ Балина Т.А., Николаев Р.С., Чекменева Л.Ю., Пономарева З.В. Эволюция географической науки: от статистической к цифровой географии // Цифровая география: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Науч. ред. А.И. Зырянов, Т.В. Субботина, С.В. Копытов. Пермь, 2020. Т.2. С. 7–11.

«Регионоведение» (2015); М.Б. Ивановой «Математические методы в экономической географии» (2007); М.Д. Шарыгина и В.А. Столбова «Поведенческая география» (2009), «Территориальная организация общества» (2011); Т.В. Субботиной «Социально-экологические системы» (2010), «Экологические проблемы общественного развития» (2022); М.Д. Шарыгина, В.А. Столбова и Т.А. Балиной «Региональная экономика и управление» (2013), С.А. Меркушева и Л.Ю. Чекменевой «География транспорта» (2014), А.С. Лучникова «Экономическая и социальная география России и мира. Политическая карта мира» (2015), А.С. Лучникова и Б.А. Казакова «Основы промышленных производств» (2017), Т.В. Субботиной и А.А. Лядовой «Прикладное картографирование: социально-экономические карты» (2021), «Общественная география России и мира» Т.А. Балиной, А.С. Лучниковым, Т.В. Субботиной, Л.Ю. Чекменевой, Л.Б. Чупиной (2022), Е.В. Конышева «Текстовая аналитика в общественной географии» (2025) и др. В московском издательстве «Дрофа» в 2007 году вышло учебное пособие В.А. Столбова и М.Д. Шарыгина «Введение в экономическую и социальную географию», которое было рекомендовано Министерством образования и науки РФ для студентов географических вузов всей страны и до сих пор не утратило актуальности.

Больше внимания стало уделяться содержанию учебных и производственных практик студентов, которые понимаются как важнейшая составляющая для формирования профессиональных компетенций географов как специалистов в области оптимизации территориальной организации общества. С 2005 года студенты 1-го курса под руководством сначала доцента Т.А. Балиной, а затем доцента С.А. Меркушева посещают северо-западные регионы России (Республика Карелия, Псковская, Новгородская, Ленинградская, Мурманская области и г. Санкт-Петербург) и регионы Центральной России (Воронежская, Орловская, Владимирская, Рязанская, Смоленская области, г. Москва), где знакомятся с условиями их развития, социально-экономическими процессами жизнедеятельности местного населения, закрепляют на местности основные понятия общественной географии, учатся корректно характеризовать территориальные системы и их структуры⁵.

Существенно изменилась учебная практика по социально-экономической географии на 2-м курсе, традиционно проводившаяся в УНБ «Предуралье». Так, с 2009 по 2015 год кафедра активно привлекала своих студентов на работы, согласованные с администрациями г. Кунгура и Кунгурского района. Среди них – анализ туристских и транспортных потоков в Кунгуре, изучение общих условий развития туристско-рекреационной и сервисной сфер города и района,

⁵ Лучников А.С., Меркушев С.А. Лучше один раз увидеть... // Пермский университет. 2010. №12 С. 3.

характеристика качества городской среды и определение направлений ее совершенствования. Благодаря высокой практической значимости проводимой работы студенты уже на 2-м курсе могли почувствовать всю ответственность за получение корректных результатов в ходе анализа и использования географической информации⁶. С 2016 года в результате сокращения часов студенты кафедры более не посещают УНБ «Предуралье», а в течение двух недель под руководством ст. преподавателя А.С. Лучникова находятся в экспедиции по изучению малых и средних городов Верхнекамья, Горнозаводского Урала, Предуралья, знакомясь с особенностями их географического положения, потенциала, современного социально-экономического развития, проблемами и перспективами.

С 2023 года учебная выездная практика по диагностике, планированию и прогнозированию общественных явлений проводится и для магистрантов 1-го года обучения под руководством доцента Т. В. Субботиной. В рамках практики студенты имеют возможность ближе познакомиться со спецификой развития и территориального планирования крупных городов Поволжья (Казань, Нижний Новгород, Киров, Йошкар-Ола), Урала (Екатеринбург, Челябинск, Оренбург, Уфа) и Сибири (Красноярск, Новосибирск, Омск, Тюмень), их особенностями, потенциалом и проблемами развития, оценить направления трансформации их внутреннего пространства в результате реализации различных проектов.

Традиционными являются производственные практики студентов 3-го и 4-го курсов, а также в магистратуре. В течение последних 10 лет существенно расширился список предприятий и организаций, с которыми кафедра заключила договоры на прохождение практик. Сегодня он содержит наименование различных министерств и ведомств в исполнительных органах власти Пермского края, органов муниципальной власти региона, промышленных и транспортных предприятий Прикамья, учреждений в структуре РАН, научно-производственных фирм, а также крупнейших исследовательских лабораторий в различных центрах страны (НПИ «Энко», ООО «Урбан Про», «Джи динамика», АО «Гражданпроект», Российский институт градостроительства и инвестиционного развития «Гипрогор», МБУ «Институт развития города», г. Казань, и др.).

Научная деятельность. Научная работа кафедры продолжает выполняться в рамках инициативной темы «Территориальная организация общества: изучение территориальных общественных систем на макро-, мезо- и микро-уровнях», внутри которой все отчетливее проявляются социально-

⁶ Лучников А.С., Меркушев С.А. Реализация компетентностного подхода в учебных практиках на географическом факультете ПГНИУ // Национальный исследовательский университет в системе непрерывного образования (к 95-летию Пермского университета): материалы междунар. науч.-метод. конф. Пермь, 2011. С. 186–189.

экологические, геоэкономические и информационно-географические аспекты изучения. В связи с этим еще относительно новый предмет исследований – территориальная общественная система – приобретает новое содержание, на изучение чего нацелены исследования сотрудников кафедры:

- формулирование законов и закономерностей территориальной организации общества, теоретическая география (В.А. Столбов);
- вопросы формирования и регулирования рекреационно-географического пространства (А.И. Зырянов, Е.В. Конышев);
- анализ функциональной, институциональной и территориальной структур регионов (Т.А. Балина, Е.В. Конышев, В.А. Столбов, Т.В. Субботина);
- разработка методики оценки регионального потенциала, его капитализации (Е.В. Конышев, В.А. Столбов, Т.В. Субботина);
- изучение гео- и этно-демографической ситуации, уровня и качества жизни населения в территориальных общественных системах (Т.А. Балина, М.Б. Иванова, Л.Ю. Чекменева, Л.Б. Чупина);
- изучение отдельных видов региональной социэкономике (Т.А. Балина, Е.В. Конышев, А.С. Лучников, С.А. Меркушев, Р.С. Николаев, В.А. Столбов, Т.В. Субботина, П.С. Ширинкин);
- изучение среды жизнеобитания человека и особенностей ее восприятия, трансформационные процессы в городах, географические основы местного самоуправления и самоорганизации (Т.А. Балина, С.А. Меркушев, К.С. Осоргин, Т.В. Субботина, С.Ю. Турханова, Л.Б. Чупина);
- разработка направлений оптимизации пространственной организации систем, опорного каркаса расселения и хозяйства, формирование направлений региональной политики (А.С. Лучников, С.А. Меркушев, Р.С. Николаев, В.А. Столбов, Т.В. Субботина);
- совершенствование инструментария географических исследований: использование больших данных (Конышев Е.В., Николаев Р.С.); развитие технологий опроса общественного мнения (Балина Т.А., Чекменева Л.Ю.); применение способов ментального картографирования (Т.В. Субботина); использование ГИС и математическая интерпретация явлений (М.Б. Иванова, Р.С. Николаев, С.А. Меркушев).

Не остаются без внимания и достаточно узкие, но уже традиционные для кафедры темы: проблемы изучения туристско-рекреационного потенциала региона и туристского легендирования (П.С. Ширинкин), методика изучения географии в школе и вузе (М.Б. Иванова, К.С. Осоргин, Л.Б. Чупина), история географической науки и образования на Урале (А.С. Лучников).

Отражением научных интересов кафедры стали публикации ученых в различных сборниках научных трудов, материалов международных и всероссийских

конференций, рецензируемых журналах, а также издание монографических работ. В 2007 году был издан заключительный сборник научных трудов «Территория и общество», собиравшийся кафедрой с 1991 года. На смену ему пришел периодический научный журнал «Географический вестник», в котором публикуют результаты исследований сотрудники всех кафедр географического факультета, а также коллеги из других центров географического образования и науки.

Важным событием для сотрудников кафедры и географической общности России стало издание монографии А.М. Трофимова и М.Д. Шарыгина «Общая география (вопросы теории и методологии)» (2007), в которой были представления концептуальные представления о географии как фундаментальной науке, определены перспективы ее развития, а также указаны направления ее конструктивного использования. В 2011 году М.Д. Шарыгин и Т.В. Субботина выпустили монографическую работу «Территориальные социально-эколого-экономические системы». В ней авторами раскрывается роль человека в формировании территориальных общественных систем, дается представление о строении частных и интегральных сред жизнедеятельности человека, предлагаются подходы к их оценке. Монография М.Д. Шарыгина «Уральский регион (пространственный анализ и диагностика социально-экономического развития)» (2008) содержит материалы, отражающие роль Урала и его отдельных регионов в социально-экономическом пространстве страны. Концептуальным является труд В.А. Столбова и М.Д. Шарыгина «Региональный капитал» (2016). В нем представлены теоретико-методологические положения новой для общественной географии научной категории «региональный капитал», появившейся в качестве ответа на возникающие проблемы использования составляющих потенциала развития в регионах разного уровня.

Наиболее важные работы профессора М.Д. Шарыгина были опубликованы в 2018 году в монографии «Избранные труды», ставшей подарком всем, кто собрался в год его 80-летнего юбилея в Пермском университете.

Подходы к изучению городских пространств представлены в работе С.А. Меркушева «Пешеходно-променадные каркасы больших центров городов-миллионеров России» (2023).

Научная деятельность сотрудников кафедры традиционно состоит в презентации результатов своих исследований в рамках крупных научных форумов. В 2010 году в международной научно-практической конференции по теоретическим вопросам социально-экономической географии в Ростове-на-Дону участвовали М.Д. Шарыгин, В.А. Столбов, Т.В. Субботина, З.В. Пономарева и др. На ней было принято историческое решение об организации Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), объединивших специалистов по общественной географии со всей страны.

Рис. 11. Участники конференции в г. Ростов-на-Дону (2010)
М.Д. Шарыгин, А.Н. Пилясов, З.В. Пономарева, А.И. Чистобаев

С того года представители пермской школы социально-экономической географии не пропустили ни одной ассамблеи АРГО, приезжая на них одной из самых больших делегаций. В 2017 году Ассамблея прошла в стенах Пермского государственного национального исследовательского университета.

Рис. 12. Сотрудники кафедры с участниками ассамблеи АРГО в Улан-Удэ (2023)

В 2023 году Ассамблея АРГО прошла в столице Бурятии – г. Улан-Удэ, а выездное заседание состоялось в Монголии, благодаря чему участники конференции не только пообщались на площадках научного форума с монгольскими коллегами-географами, но и посетили достопримечательности этой удивительной страны.

Рис. 13. Пермские географы в Монголии (2024)

На юбилейной XV Ассамблее АРГО, прошедшей на гостеприимной Кубани, делегация нашей кафедры дополнилась молодыми сотрудниками, в будущем – аспирантами Е. Мельниковым и С. Турхановой, которые приняли участие в Школе молодых ученых, выступив с докладами перед ведущими учеными страны.

Рис. 14. На конференции АРГО в Краснодаре (2024)

Уже традиционным для сотрудников кафедры стало участие в научных форумах, организатором которых выступает географический факультет Пермского университета: «География и регион» (2015), «Цифровая география» (2020, 2024), «Регион: теоретические модели и современное развитие» (2024). Среди других крупнейших форумов выделим Международный географический конгресс в Москве в 2015 г., в котором кафедра была представлена коллективным докладом.

Рис. 15. На конференции «Пространственное развитие Пермского края и сопредельных регионов» (2008)

Рис. 16. Участники международной конференции «География и регион» (2015)

Кафедра также собственными силами готовит научные конференции и семинары различного уровня. В 2007 году была проведена всероссийская конференция «Транспортная инфраструктура как фактор устойчивого развития регионов России», в 2008-м – форум с международным участием «Пространственная организация Пермского края и сопредельных территорий», в 2010-м – «Региональный капитал: анализ, оценка, капитализация», в 2012-м – снова всероссийская конференция «Устойчивое развитие социэкономики регионов», в 2013-м – научный семинар «Будущее общественной географии в России и мире», а в 2018-м – юбилейная конференция «Пространственная организация общества». Все эти мероприятия проходили при участии ведущих ученых-географов России и их молодых коллег. С 2023 году кафедра раз в два года организует всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием «Пространственная организация общества: теория, методология, практика», посвященную памяти М.Д. Шарыгина. В рамках сотрудничества с экономическим факультетом ПГНИУ и Пермьстатом кафедра является соорганизатором всероссийской конференции «Статистика – главный информационный ресурс современного общества».

Большое внимание уделяют сотрудники кафедры краеведческой работе. Для успешного изучения студентами родного края М.Д. Шарыгиным и В.В. Резвых было издано учебное пособие «География Пермского края» (2008),

а тремя годами позже они уже в соавторстве с М.Д. Гагарским и С.А. Меркушевым подготовили и опубликовали монографию «Города и районы Пермского края», которая пользуется высоким спросом не только у студентов и преподавателей, но и практиков территориального управления. В 2013 году также в виде монографии под названием «Население Коми-Пермяцкого округа (уровень, качество и образ жизни)» были изданы результаты диссертационного исследования доцента Кудымкарского филиала Удмуртского университета А.Д. Чеботковой в соавторстве с М.Д. Шарыгиным. Востребованной у широкого круга читателей стала «Книга легенд. Туристские легенды Пермского края», подготовленная П.С. Ширинкиным (2014).

В 2012 году сотрудники кафедры приняли участие в составлении и издании юбилейного большого Атласа Пермского края. Этот опыт был повторен в 2020-м, когда был издан атлас «География Пермского края» для студентов и школьников, и в 2025 году, когда на свет появилось учебно-справочное пособие «Атлас города Перми». В настоящее время к 100-летию со дня основания Коми-Пермяцкого округа Пермского края готовится макет его нового географического атласа. В число важных краеведческих работ входят учебные пособия для общеобразовательных учебных заведений под общим названием «Мой Пермский край», изданные по заказу регионального министерства образования и науки⁷. В составлении учебника для 8-го класса «Географические экспедиции в пермский период» (2018) и его электронной версии, а также для 9-го класса «Будущее здесь. Маршруты выбора профессий» (2019) принял участие А.С. Лучников.

Получение Пермским государственным университетом статуса национального исследовательского в 2010 г. потребовало от всех сотрудников кафедры активизации своей научно-исследовательской деятельности, перехода к большей эффективности результатов научных изысканий, усиления практической составляющей. В рамках этой задачи реализуется возможность изучения всех сторон пространственно-временной организации общества с отражением ситуации в мире, стране, регионе. В 2005–2007 годах под руководством М.Д. Шарыгина и Т.В. Субботиной кафедра принимала участие в разработке Программы социально-экономического развития Пермского края на 2005–2010 гг. В ходе этой работы обоснована роль интегрального общественно-географического районирования как основного инструмента формирования эффективной территориальной организации общества в регионе; разработана сетка управленческих округов Пермского края; предложены группы показателей для оценки эффективности функционирования инфраструктуры отдельных

⁷Лучников А.С., Мышлявцева С.Э., Фирсова А.В., Фролова И.В. Реализация деятельностного подхода в школьном курсе географического краеведения (по мотивам нового учебного пособия «Мой Пермский край») // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 617–621.

блоков жизнедеятельности населения; представлены направления совершенствования муниципально-территориального деления региона⁸.

В 2005 году М.Д. Шарыгиным, Т.В. Субботиной, В.В. Резвых и В.А. Столбовым проводилась большая работа по сбору и анализу материалов для монографии «Кладовые России», изданной под эгидой Министерства природных ресурсов и экологии России. Также сотрудники кафедры принимали участие в выполнении различных хоздоговорных работ: «Оценка социально-экологических последствий строительства в районах распространения карста» (В.В. Резвых, С.А. Меркушев, 2008), «Территориальная организация общества в регионах длительного индустриально-аграрного освоения» (В.А. Столбов, 2009), «Миграционная ситуация в г. Перми» (М.Б. Иванова, Л.Ю. Чекменева, Л.Б. Чупина, 2010–2011); научно-исследовательских работ: «Развитие промышленного туризма в Пермском крае» (2018), «Стратегия социально-экономического развития Чусовского муниципального района Пермского края» (2020), «Стратегия развития туризма в Пермском крае на период до 2035 года» (2021), «Исследование режимов функционирования и оптимизации маршрутной сети пассажирского транспорта Соликамского муниципального округа» (2025). Грантовую поддержку РГНФ в 2008 и 2009 гг. получали исследовательские проекты А.М. Коробейникова и В.В. Резвых по составлению и изданию социального и политического атласов Пермского края.

Ежегодно сотрудники кафедры привлекаются к разработке и экспертизе документов территориального планирования, стратегического развития, проектов транспортного и социально-экономического развития регионов и поселений разного уровня, участвуют в работе общественного совета при Министерстве по туризму Пермского края (Е.В. Конышев), в общественном совете при Пермьстате (С.А. Меркушев и А.С. Лучников).

Важной частью работы кафедры является руководство научно-исследовательской деятельностью студентов и аспирантов, которые участвуют в международных и всероссийских конференциях («Большой географический фестиваль», Санкт-Петербургский университет; «Ломоносов», МГУ им. М.В. Ломоносова; «Проблемы географии, туризма и географического образования», Омский педагогический университет; школа-семинар молодых географов-обществоведов в рамках ассамблей АРГО и др.). Большие возможности для презентации результатов своих научных изысканий предоставляет всероссийская научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Географическое изучение территориальных систем», которая прово-

⁸ Шарыгин М.Д., Резвых В.В., Столбов В.А., Субботина Т.В. Проблемы формирования межмуниципальных образований Пермского края // Административно-территориальные реформы России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 2006. С. 131–134.

дится на географическом факультете ПГНИУ с 2006 г. Студенты кафедры принимают участие в научно-исследовательских конкурсах и олимпиадах, становясь их призерами и победителями. Среди них – Всероссийская олимпиада студентов по географии, международная олимпиада СПбГУ среди студентов и молодых специалистов PetropolitanScience (Re)Search, международный конкурс выпускных работ, организуемый географическим факультетом Московского государственного педагогического университета.

Профориентационная деятельность. Кафедра социально-экономической географии ПГНИУ продолжает выполнять большую работу с абитуриентами, постоянно взаимодействуя со школьниками и их педагогами во время проведения олимпиад, научных конференций, курсов повышения квалификации, дней открытых дверей. Благодаря М.Б. Ивановой в 2008 г. впервые олимпиада ПГНИУ для учащихся общеобразовательных учебных заведений «Юные таланты» по предмету «География» приобрела федеральный статус и охват с ежегодным количеством учащихся 2000 и более чел.

С 2011 года на географическом факультете проводится научная конференция школьников «Географические исследования и открытия» (ответственный секретарь – А.С. Лучников), участниками которой стали более 500 человек из 13 регионов страны. На ее площадках школьники и педагоги делятся результатами своих изысканий в области краеведения, природной и общественной географии, этнографии, туризма и экологии, общаются с ведущими учеными и сотрудниками географического факультета. В течении нескольких лет на географическом факультете ПГНИУ реализовался проект «География и современные технологии изучения планеты Земля» с привлечением его ведущих преподавателей, а также выпускников-практиков. Инициатором этой программы был А.С. Лучников. С 2021/2022 года учебного года М.Б. Иванова и А.С. Лучников принимают активное участие в организации мероприятий проекта «Открытый университет», проводимого ПГНИУ под эгидой Министерства образования и науки Пермского края.

Большую работу среди учительского корпуса Пермского края и сопредельных регионов проводят доцент М.Б. Иванова, являющаяся председателем регионального отделения и членом центрального комитета Российской ассоциации учителей географии. Так, в 2017 году отделением совместно с ПГНИУ, Институтом развития образования Пермского края, корпорацией «Российский учебник» и журналом «География в школе» был организован и проведен Всероссийский форум учителей географии, методистов и молодых ученых «Наш угол зрения – 360» памяти Заслуженного учителя РФ Г.И. Котельниковой, многолетнего друга кафедры.

Необходимо отметить и роль доцента Л.Ю. Чекменевой, много лет возглавляющей экспертную группу в регионе по проверке ЕГЭ по Географии.

В 2024 году был создан Молодежный центр РГО в Пермском крае, который возглавила инженер и аспирант кафедры С.Ю. Турханова. При его поддержке проходят Пермский географический диктант, интеллектуальная викторина GeoBrain, фестиваль «Гефест» и другие мероприятия, направленные на создание у молодого поколения интереса к географической науке.

Таковы основные итоги работы кафедры в течение последних двух десятилетий. Кафедра продолжает оставаться единым коллективом и, используя наработанный теоретический и методический потенциал, отвечать на современные вызовы. Безусловно, в работе кафедры за этот период было немало сложных моментов, связанных с перестройкой всего российского образования, организационными изменениями научно-исследовательской работы и кризисными явлениями в отечественной науке. Тем не менее, существует уверенность в том, что совместными усилиями мы сможем преодолеть все проблемы, и в дальнейшем будем только приумножать традиции, заложенные нашими учителями и старшими коллегами.

1.3. РОЛЬ КАФЕДРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПЕРМСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА ДЛЯ ТЮМЕНСКОГО ВЫСШЕГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Если рассматривать «развитие» в качестве процесса, то для его перманентных оценок всегда необходимы некоторые реперные отметки, позволяющие осознать текущее местоположение в сравнении с предыдущим. Если такие реперы закрепляют экстенсивное расширение, или интенсивное упрочение, то все идет в нужном русле. И внутри этого процесса образовательного пути есть начало, но внутри этого процесса не следует искать конца. Ведь возникновение кафедры социально-экономической географии в Пермском госуниверситете сродни революции, которая позволила создать свое ядро, вокруг которого формируется магма, изливающаяся лавой достижений в местах проявления на различных территориях. Там, где она извергается на благодатной почве, там зарождаются новые очаги.

С момента образования кафедры социально-экономической географии прошло 70 лет, что по меркам научного подразделения можно считать незначительным периодом. Если учесть эпохальную смену общественной формации – от планового социализма к государственному капитализму, затормозившее на десятилетия внедрение социально-экономических инструментов в общественной жизни, то срок является незначительным. Вместе с тем, роль кафедры для отечественной общественной географии в качестве кузницы кадров, методологической организации, законодателя внедрений новых инициатив для организа-

ции территориальных общественных систем⁹ является определяющей на федеральном уровне. Но, в нашем случае, мы бы хотели остановиться на достигнутых вехах на тюменском примере, выделить сложившуюся совокупность достижений, так и накопившиеся сложности, которые стоит преодолевать за счет методологического взаимодействия.

Становление географического образования в Тюменском государственном университете, с учетом всех предшествующих организационно-правовых форм, проходило сложно, ввиду недостатка материнского кадрового, методологического обеспечения. При этом, в короткие исторические сроки формирования западносибирского территориально-производственного комплекса¹⁰, заказ на географическое обеспечение управленческих процессов организации крупнейших в мире ресурсов углеводородного сырья на Севере Тюменской области, поставили необходимость формирования соответствующего регионального направления.

К сожалению, приходится констатировать, что титаническая работа географов по сопровождению организации Западносибирского территориально-производственного комплекса (ТПК) привела к формированию устойчивой структуры, которая обеспечила экономическое выживание страны после крушения СССР и основную долю поступления экспортных доходов в настоящее время, но ограничилась в своем производном состоянии – в формате низовых сырьевых ориентиров. Во многом, после открытия и ввода уникальных месторождений нефти и газа, стало удобнее в международной торговле подсесть на «тюменскую нефтяную иглу», чем доводить всю мощь успешного функционирования территориально-производственного комплекса до сбалансированного производства потребительских товаров, повышения качества жизни проживающих в регионе территориальных общностей людей. После распада СССР произошло оголение функциональных элементов ТПК¹¹ в Западной Сибири – в основе роли территории в международном географическом разделении труда закрепился сырьевой вектор. И в этой сырьевой ориентации роль отечественной

⁹ Бакланов П. Я. Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 5. С. 7–18; Коробейников А.М. Территориальная общественная система: основные черты концепции // Территориальные социально-экономические системы Урала. Пермь: Изд-во ПГУ, 1986. С. 38–42; Шарыгин М.Д. Основные проблемы экономической и социальной географии. Пермь: Пермский государственный университет, 1997. 272 с.

¹⁰ Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.; Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.; Шарыгин М. Д. Общественная география на рубеже столетий: тенденции и проблемы развития // Территория и общество. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2001. С. 3–13; Шувалов В. Е. Энергопроизводственный цикл // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2024. № 3. DOI 10.54972/00000001_2024_3_26.

¹¹ Сысоева Н. М. Развитие потребительской среды региона. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2004. 189 с.; Шарыгин М. Д., Столбов В. А. Регион в условиях перехода к рыночной экономике / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 1995. С. 6–15.

науки была замещена зарубежными консультантами, отечественные технологии – зарубежными, а охрана окружающей среды, защита территориальных общностей людей – все оперативно и удобно замещалось законами свободного рынка, то есть мнением и ориентацией на зарубежные сценарии¹².

Дошло до того, что так называемая «Тюменская нефтяная компания» по сути стала управляемой структурой BritishPetroleum, с ее принципами. Все это еще раз подчеркнуло необходимость наличия всего географического обеспечения в контексте территориальных интересов, а не ожиданий, что придут «белые и пушистые» зарубежные консультанты, которые организуют все на современном «европейском» или «американском» уровнях, хотя Тюменская область и ни Америка, и ни Европа.

Когда все функции территории свелись к тому, что она обеспечивала присутствие вертикально-интегрированных нефтяных компаний на своей территории, которые в значительной мере являлись частью транснациональных корпораций, то даже здесь сам формат сырьевой экономики оказался иным, нежели в ближневосточных монархиях. За счет оперирования внутренними затратами непосредственно нефтегазовые Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ в корпоративной отчетности оказывались получателями дискриминационной доли горной ренты. И тут можно обратиться к емким позициям, обозначенным сотрудниками кафедры социально-экономической географии Пермского государственного университета. В.А. Столбов справедливо заметил, что по объему производства валового регионального продукта автономные округа Тюменской области сопоставимы с ведущими мировыми регионами, но по уровню жизни населения существенно отстают от аналогичных ресурсодобывающих территорий¹³.

В одном из трудов коллеги, под руководством своего лидера – Михаила Дмитриевича – обозначили основной географический смысл регионализма, который в дальнейшем был транслирован в образовательном процессе Тюменского государственного университета: «Если регион работает хорошо, то и проживающие здесь люди должны жить хорошо!»¹⁴. При этом, региональная специфика всегда находилась в центре организации сбалансированного управления социально-экономическим развитием территории¹⁵.

¹² Шарыгин М. Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2(41). С. 17-25. DOI 10.17072/2079-7877-2017-2-17-25

¹³ Столбов В.А. Региональный капитал: монография / В.А. Столбов, М.Д. Шарыгин; Пермь, 2016. 530 с.

¹⁴ Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Регион в условиях перехода к рыночной экономике. Пермь, 1995. С. 6–15.

¹⁵ Балина Т.А. Социальный мониторинг как инструмент диагностики социальной ситуации региона // Территория и общество / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2001. С. 55–63; Крюков В.А., Токарев А.Н. Инновационно-ресурсные направления развития промышленности: пример Юга Тюменской области // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1(196). С. 42–52. DOI 10.47711/0868-6351-196-42-52

М.Д. Шарыгин непосредственно в Тюмени проводил очные методологические семинары, на которых доводил основы организации современной общественной географии до профессорско-преподавательского состава, студентов и всех интересующихся. Сформированная в ТюмГУ на географическом факультете кафедра социально-экономической географии и природопользования организовалась на руководстве учениками М.Д. Шарыгина. Часть своей трудовой карьеры работе в ТюмГУ посвятил Зырянов А.И. – д. г. н., профессор. Защищавшая кандидатскую диссертацию в пермском диссертационном совете Добрякова В.А. стала основателем широкого внедрения в образовательный процесс геоинформационного вектора, который в значительной мере представлен на основе рассматриваемых потенциалов демографического развития определенных территорий и совокупности населенных пунктов¹⁶. И, безусловно, многолетним руководителем и тюменской кафедры социально-экономической географии и природопользования был В.А. Осипов – близкий соратник, один из первых учеников Михаила Дмитриевича, «Шефа», как принято было всегда емко говорить на кафедрах про пермского руководителя общественной географии.

В непосредственном чтении лекций, введении в науку аспирантов Виктор Авенирович всегда делал отсылку на работы М.Д. Шарыгина и его школы в целом, на профессиональный путь одного из основоположников современной общественной географии, в частности. В своей монографии, ставшей прологом к последующей защите докторской диссертации, В.А. Осипов¹⁷ напрямую приводит мнение Шефа: как «говорил мой глубокоуважаемый Учитель», после того, как будет снята острота взаимоуничтожающей мировой войны, то вопросы охраны окружающей среды выйдут на первый план. Когда еще мы, юные аспиранты по направлению «Экономическая, социальная и политическая география» находились в методологическом тупике, кризисе, поиске, то наш научный руководитель всегда отправлял в Пермь. На конференцию, юбилей, иное мероприятие, где всегда откликнутся, тем более, если представляешься «осиповским» учеником. Соответственно, перед выходом на защиту кандидатской диссертации эконом-географ из Тюмени уже ориентировался на Пермский диссертационный совет.

Когда сам Виктор Авенирович выбирался с учениками на проторенный путь в г. Пермь, на Букирева, 15, то всегда создавалась атмосфера географического фестиваля, в котором стирались региональные границы, наличие регалий,

¹⁶ Добрякова В.А., Добряков А.Б., Макарова К.И. Геоинформационное картографирование размещения населения для анализа его пространственной динамики // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2023. Т. 29, № 2. С. 150–161. DOI 10.35595/2414-9179-2023-2-29-150-161; Добрякова В. А. Сравнительный анализ изменения людности населенных пунктов Тюменской области за периоды 1990-2000 и 2000-2010 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. 2013. № 4. С. 7–14.

¹⁷ Осипов В.А. Социально-экономические проблемы управления природопользованием. Концептуальный аспект. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. 244 с.

про которые веселые и заводные хозяева в беседе с другими докторами, либо с юными аспирантами никогда не вспоминали, а также укреплялась уверенность – что мы есть одна, Шарыгинская школа, команда, уважаемых и уважающих соратников. И наше тюменское крыло тоже активно включалось в это действие. Дискуссии, критика, но не критиканство, которая через споры позволяет приходить к истине. А уже к финалу – песни на башкирском о вечном и ценном от Сафиуллина Радика Газизовича.

Уже сейчас, когда нет с нами М. Д. Шарыгина, взаимодействующие контакты продолжают между последователями, на разных площадках. Примером выступает участие нашего тюменского выпускника А.С. Затолокина в тематических конференциях в Перми и в рамках Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)¹⁸, что позволяет заряжаться энергией от ведущих специалистов общественной географии пермской кафедры, например, Т.А. Балина, А.И. Зырянов, В.А. Столбов и многие другие, а также с формированием связей с выпускниками с Перми, которая далее транслируется уже в кругах молодежи, с их нравами извечного бунтарства и нигилизма. Хотя и здесь, с сожалением, приходится констатировать, что очного формата взаимодействия осуществляется гораздо меньше, чем того требуется для выработки единой проработанной позиции. Не столичной и официальной, а региональной и профессиональной.

Результатом эффективного плодотворного сочетания взаимодействия на методологическом уровне с кафедрой социально-экономического развития Пермского госуниверситета и учета региональной специфики природных геоэкологических условий социально-экономических особенностей природопользования и сформировавшегося Западносибирского ТПК стала организация образовательного процесса, в котором итоговым результатом выступают выпускники¹⁹. Если исходить из того, что в бакалавриате и магистратуре в значительной мере присутствуют иностранные студенты, то можно констатировать, что «шарыгинские» инструменты общественной географии экспортируются на почву Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана. Также сформировался на профессиональном уровне коллектив единомышленников, которые через создание целевых групп с использованием грантов и заказов от предпринимательского сообщества проводят работы по аудиту природопользования²⁰, что позволяет соотносить эту тематику в корреляционной связи с социально-экономическими процессами.

¹⁸ Затолокин А.С., Петров Ю.В. Эколого-географические приоритеты трансформации социально-экономического развития Тюменской области (без автономных округов) // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 188–191.

¹⁹ Скрицкая М.К., Петров Ю.В. Система традиционного природопользования как источник воздействия на организацию территориальных общественных систем // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 357–360.

²⁰ Осипов В.А. Влияние рентных отношений на эффективность природопользования и управления окружающей средой // Проблемы природопользования в районах со сложной экологической ситуаци-

Вместе с тем, имеются и существенные проблемы в организации географического образования и просвещения, которые требуют соответствующего подключения профильных специалистов. Во-первых, преобразование структурных подразделений университета. От географического факультета через институты математики, естественных наук и институт наук о Земле в настоящее время сформировалась школа естественных наук, в которой не нашлось места кафедре социально-экономической географии, а оставшиеся специалисты общественной географии были сгруппированы внутри кафедры геоэкологии и природопользования. Такое преобразование отразило ориентир на прикладное экологическое профилирование. Во-вторых, ушло ведение общественных географических дисциплин со смежных дисциплин по экономике, юриспруденции, менеджменту и т.п. Замещение общественной географии элективами и различными мастерскими привело к формированию школы компетенций вместо школы образования, о чем писал М.Д. Шарыгин²¹.

И в современную эпоху преобразований географическое планирование, нацеленное на благополучие территориальных общностей людей, сталкивается по инерции с зарубежными лекалами. Слишком легко уверовать в наличие добрых светлых сил, которые без занудного планирования за счет переноса своих управленческих технологий позволят организовать высокое качество жизни. Чудес не бывает!

На смену вассальному лицемерию приходит объективная суверенность, которая требует регионального географического управления – административное устройство по границам территориальных общественных систем, поиск гармоничного сочетания для использования природных ресурсов в совокупности с другими экономическими ресурсами и организации общественного пространства в границах соответствующих эффективно-функционирующих территориально-производственных циклов²². В этом направлении методологическая роль кафедры социально-экономической географии в содружестве с другими региональными отпочкованиями становится наставнической, чтобы воплощать соответствующую организацию пространства.

ей. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 7–10; Осипов В.А. Социально-экономическая ситуация и современные проблемы управления природопользованием в России // Геоэкологические аспекты функционирования хозяйственного комплекса Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 2001. С. 76–100.

²¹ Шарыгин М. Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2(41). С. 17-25. DOI 10.17072/2079-7877-2017-2-17-25; Сафиуллин Р. Г. Эволюция научно-образовательной сферы России: территориально-структурные особенности и тенденции // Успехи современного естествознания. 2020. № 9. С. 94–99. DOI 10.17513/use.37477.

²² Дружинин А. Г. От "архипелага" городских агломераций к конурбациям и организуемым ими "большим пространствам": транспортно-инфраструктурная обусловленность нового тренда в территориальной организации России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. С. 701–704; Осипов В. А. Социально-экономическая ситуация и современные проблемы управления природопользованием в России // Геоэкологические аспекты функционирования хозяйственного комплекса Западной Сибири. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2001. С. 76–100.

1.4. О МОЕЙ РАБОТЕ НА КАФЕДРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рис. 17. А.Ф. Чернышева,
доцент кафедры экономичес-
кой географии ПГУ
(1955–1969), декан гео-
графического факультета
ПГУ (1961–1964)

Эти заметки о моей работе на кафедре экономической географии ПГУ я бы хотела начать с того, что это первое и главное в моей жизни место работы. Здесь я приобрела то, что мне было необходимо как вузовскому работнику – лектору, популяризатору знаний, исследователю.

Окончив аспирантуру в Ленинградском государственном пединституте имени А.И. Герцена и защитив диссертацию в 1954 году, я была направлена в Пермский педагогический институт. Направление это по своей форме было довольно интересным. Заведующий кафедрой экономической географии и мой научный руководитель, профессор Б.Н. Семевский сообщил комиссии по распределению, что А.Ф. Чернышева – первая за все послевоенные годы аспирантка, защитившая диссертацию в срок. Облплан Актюбин-

ской области Казахстана, где ею проведено исследование, и Приаральская опытная станция Всесоюзного института растениеводства (ВИР), на базе которой она работала, желают, чтобы А.Ф. Чернышева продолжила там свою работу. Кстати, Б.Н. Семевский в давние годы сам начинал свои исследования в пустынных и полупустынных районах Казахстана и Средней Азии, являясь соратником Н.И. Вавилова, – первого директора ВИРа.

После этого председатель министерской комиссии спросил меня, что я думаю по этому вопросу. Я совершенно искренне (не лукавлю) ответила, что я готова поехать туда, где я нужнее. Я возглавляла комсомольскую организацию аспирантов института и уже была молодым коммунистом, иначе ответить не могла. В ответ я услышала, что Министерству нужны кадры подальше от Ленинграда и предложил мне три города на выбор: Омск, Челябинск и Пермь. Время для раздумий – до завтра. На следующий день я назвала Пермь. Мои размышления были таковы: Омск все же далеко, в Челябинске нет оперного театра (тогда не было), а вот Пермь – совсем другое дело. Пермский театр оперы и балета был славен на всю страну. Там танцевали ученики эвакуированного во время войны Вагановского училища. Мне, девочке из села, приехавшей в Ленинград в 1947 г., этот город за семь лет учебы дал так много в общекультурном плане. Я хваталась за любой абонемент на цикл лекций о музыке, на экскурсии в Эрмитаж, Русский музей, на концерты. Я уже не могла себе представить жизнь без театра и музыки.

Вот так я оказалась на кафедре экономической географии Пермского пединститута, которую возглавлял тогда доцент Виктор Степанович Старцев. Одновременно со мной пришла на эту кафедру ассистентом Валентина Петровна Бутузова, выпускница МГУ и однокурсница М.Н. Степанова, в будущем нашего общего коллеги. Заведующий относился к нам по-отечески (мне 24 года, Валентине – 25). Через год – в 1955-м – был создан географический факультет Пермского университета, где была образована кафедра экономической географии, куда вошла также соответствующая кафедра Уральского университета. Передали туда и нас. Из университетских пришел к нам работать ректор В.Ф. Тиунов. Таким образом, не меняя места работы в прямом смысле – учебный корпус пединститута стал университетским, мы приобрели другой статус, который нас ко многому обязывал. Из Свердловска к нам пришли доценты И.С. Сандлер и А.П. Сидорова. В 1956 году пришел на кафедру М.Н. Степанов.

Организатором кафедры экономической географии стал свердловчанин, Заслуженный деятель науки Таджикистана, известный в стране экономико-географ Валентин Алексеевич Танаевский. Человек высокой культуры и профессионализма, он был настоящим интеллигентом старой закалки, я бы сказала, дворянского типа. Лично мне он импонировал еще и тем, что он был вятский, как и я. В юности он преподавал в гимназии соседнего с нашим Уржумом г. Нолинска. Одним из его учеников был В.М. Молотов, будущий первый министр иностранных дел СССР. Несомненно, имя Валентина Алексеевича и научная деятельность кафедры под его руководством повлияли на значимость Перми как крупного центра экономико-географической науки.

В.А. Танаевский был вежлив в своих замечаниях, не навязчив в советах, но его слова всегда стоили того, чтобы к ним прислушиваться. Его лекции были высоконаучны, даже не стандартны. Я с удовольствием посещала их. Меня восхищало, как он мог с какой-то новой стороны объяснить те или иные явления, закономерности в экономической географии. Говорил он образно, четко, но не громко и как-то очень обращал внимание на то, все ли студенты слушают его, записывают. Я убеждала студентов, что я, кандидат наук, доцент, почитаю за счастье слушать его лекции, а они упускают такой шанс набраться ума-разума. Ум его и память, если это касалось науки, удивляли нас. Но в каких-то обычных вещах удивляла и его профессорская рассеянность. Вспоминаю забавный случай, когда староста одной из групп подошла к нему с вопросом, в каком часу он начнет экзамен. «Экзамен? Завтра? Нет, я не могу». Студентка бежит ко мне в панике (я тогда была деканом), спрашивает: «Что делать?» Но стоило ему напомнить, что идет сессия и экзамен этот по расписанию, он спохватился, извинился. Мы любили и уважали Валентина Алексеевича, заботились о нем. Преклонный возраст, особенно в последние годы его жизни влиял на его физи-

ческое состояние, и М.Н. Степанов поручил старшему лаборанту кафедры И.М. Коробкову привозить его из дома на факультет и обратно.

Рис. 18. Кафедра экономической географии Пермского университета (1964)

1-й ряд, сидят слева направо: А.С. Головкина, М.Н. Степанов, В.А. Танаевский, В.С. Старцев, А.М. Поздеева. 2-й ряд: стоят Л.А. Меркушева, Б.А. Казаков, Г.Г. Макарова, А.Ф. Чернышева, П.Н. Чепкасов, Н.Д. Еропкина, И.М. Фролова. 3-й ряд стоят В.С. Григорьев, А.П. Бурьян, В.П. Оспищев, А.Ф. Куракин, О.С. Винтер, А.М. Свисткова, Г.А. Громова

Самым весомым членом кафедры в первые годы ее существования после Валентина Алексеевича, разумеется, был Исаак Самойлович Сандлер. Он был экономист, а не экономико-географ, но читал важные для кафедры курсы: «Основы индустриального производства» и «Географию промышленности». Читал блестяще. И вот он-то уж не терпел никакого разгильдяйства со стороны студентов. Не только нельзя было показать невнимания к его лекциям, но девушкам-студенткам не разрешалось приходить с накрашенными губами. О мини-юбках нечего было и думать. Ко мне он поначалу относился скептически, считал, что в 24 года быть кандидатом наук несерьезно – надо сначала поработать, а потом претендовать на научную степень. Заглядывал не раз ко мне на лекции, но, к моему удивлению, негативно о них не отзывался. Да и старший преподаватель А.П. Сидорова, кандидат наук, но еще не доцент, держалась с нами свысока. Но, к счастью, довольно скоро между нами установились нормальные отношения.

Чуть позднее, через год, после защиты кандидатской диссертации, пришел на нашу кафедру Михаил Николаевич Степанов. Здесь он прошел путь от ассистента до заведующего кафедрой. Его покладистый характер, доброжелательное отношение к людям немало способствовало сплочению кафедры. Не надо сбрасывать со счетов и то, что он происходил из профессорской семьи – видного медика Пермского мединститута. Культура речи, культура общения с коллегами – все это отличало его. Играло свою роль и то, что он прошел серьезную подготовку в крупнейшей в стране экономико-географической школе Московского университета. Поэтому он вполне закономерно брался за разработку лекционных курсов именно университетского профиля, и его научная работа на кафедре являлась естественным продолжением и расширением его аспирантских исследований (кандидатская диссертация была по г. Молотову-Перми).

В общем, мне, самой младшей по возрасту и с первой записью в трудовой книжке, было у кого учиться. Все 14 лет работы на кафедре я вела курсы: «География союзных республик СССР» и «Экономическая география стран народной демократии». За такой срок работы над ними я могла их бесконечно совершенствовать. В те времена не было таких разнообразных источников информации, как сейчас. Совсем недоступна была статистика по промышленности и сельскому хозяйству. Я старалась, где только возможно, найти что-то интересное по каждой стране или республике. Кстати, часто ездила по туристическим путевкам в разные страны. Всего я посетила 16 стран. Это тоже шло в общую копилку знаний. Мне хотелось, чтобы каждая страна в моем описании выглядела не просто экономико-географической характеристикой. Старалась подчеркнуть национальные особенности, влияющие на быт, уклад сельской и городской жизни, характер построек, особенности культуры во всех сторонах жизни народа.

Особую любовь я питала к Китаю и республикам Средней Азии. В качестве открытой лекции я часто предлагала именно Китай. Мне хотелось, чтобы коллеги оценили мои усилия выйти за стандартные пределы и определили, не чрезмерен ли этот выход. К моему счастью, я получала одобрение. Видя мой особый интерес к республикам Средней Азии, М.Н. Степанов предложил мне подготовить учебное пособие по этим республикам. Он даже выхлопотал мне командировку в Ленинскую библиотеку. К сожалению, я не успела дооформить эту работу, когда пришлось расстаться с Пермью.

Из своих кафедральных коллег хочу упомянуть колоритную фигуру доцента Анатолия Федоровича Куракина, который пришел к нам в 1959 г. Балагур, шутник, уверенный в себе человек, он легко вписался в коллектив, всегда был готов выступить по любому вопросу и не только на кафедре. Какое бы ни приходило на кафедру приглашение принять участие в общесоюзной или региональной конференции, Анатолий Федорович тут же составлял тезисы и отсылал

(независимо от темы). Разносторонность его интересов удивляла. Она могла и не означать глубокого проникновения в предлагаемую тему. Он быстро садился за изучение вопроса – и тезисы готовы. Он утверждал, что может написать кандидатскую диссертацию на любую тему, не связанную с полевыми исследованиями. В диссертации по политэкономии его жены большая часть труда – его.

Самыми теплыми словами хочется вспомнить Павла Николаевича Чепкасова, бывшего фронтовика, талантливого и безмерно трудолюбивого человека. В первый год моей работы я оказалась в школе № 92 на педагогической практике со студентами. И там я увидела потрясающего учителя географии. В своей педпрактике, когда я еще была студенткой в Ленинграде, я видела замечательных учителей, в том числе и заслуженных. Но Павла Николаевича я не могла сравнить ни с кем. Я сразу поняла, что его место там, где готовят учителей для школ. Я была инициатором приглашения его на нашу кафедру еще в пединституте, обратившись с этим предложением к «тогдашнему» ее заведующему В.С. Старцеву. Вскоре его пригласили на почасовую работу, а потом и взяли в штат уже в Университет. Это было поистине незаменимое приобретение. Он сыграл особую роль в развитии новых научных направлений кафедры. Его коньком оказалась экономико-географическая, а впоследствии и социально-экономическая картография. Разработкой методов социально-экономической картографии он стал известен далеко за пределами университета. И это был не единственный аспект его научных интересов. Ни одна дипломная работа, ни одна кандидатская диссертация на кафедре не обходилась без его помощи, независимо от того, кто был руководителем работы.

Павел Николаевич был еще и одаренным художником. В его квартиру можно было приходить на экскурсию, как в художественную галерею. У меня навсегда сохранилась, куда бы я ни переезжала, его картина «Вечер на Каме». Не имея своих детей, он трогательно общался с чужими, фотографировал детей своих коллег. Мой сын, кстати, – его тезка, Павел Николаевич (он всегда это подчеркивал – тезка, Павел Николаевич) с годовалого возраста и до двенадцати лет, пока я жила в Перми, был объектом его внимания. Он учил его рисовать, фотографировал. У меня не один десяток фотографий, сделанных Павлом Николаевичем.

Нельзя обойтись в своих воспоминаниях и в целом о кафедре как о коллективе. Большая часть моей работы прошла в период руководства ею М.Н. Степановым. Его стиль руководства я бы назвала либеральным. Доброжелательность и уважение ко всем коллегам независимо от возраста и статуса были главными ощущениями от нашего Михаила Николаевича. Заседания кафедры были для нас школой профессионализма. Обсуждение открытых лекций, дипломных работ, диссертаций членов кафедры и посторонних соискателей всегда начинались с

предоставления возможности высказаться младшим коллегам, а потом уже мы слушали более опытных. Через какое-то время и я перешла в разряд опытных, назначалась главным оппонентом.

Рис. 19. Урок географии в школе №92 у П. Н. Чепкасова

Фото из архива кафедры социально-экономической географии ПГНИУ

Михаил Николаевич постоянно заботился о росте кадров кафедры, всячески нацеливал, поощрял, подвигал на работу над диссертациями, заинтересовывая их проблемами, культивировал интерес к науке и у студентов. Что интересно, не для каждого заведующего это было характерно. Даже на других кафедрах он видел потенциальных кандидатов наук, буквально «приставал» к ним, находя для них интересные темы. Я думаю, многие из старейших преподавателей кафедры физической географии Пермского университета обязаны М.Н. Степанову первым толчком к исследованиям. Единственным человеком, которого он не смог заставить оформить свои интересные и новаторские исследования в диссертацию, был П.Н. Чепкасов, который фактически руководил работой молодых коллег, своих последователей и главное – много публиковался, а оформить огромный интересный материал в диссертацию не хотел, не имел времени или не считал нужным. Все его ученики защищались, он их поздравлял, радовался за них. Меня удивляло всегда, почему кафедра не обеспокоилась подать его многочисленные публикации на оформление ученой степени по совокупности работ.

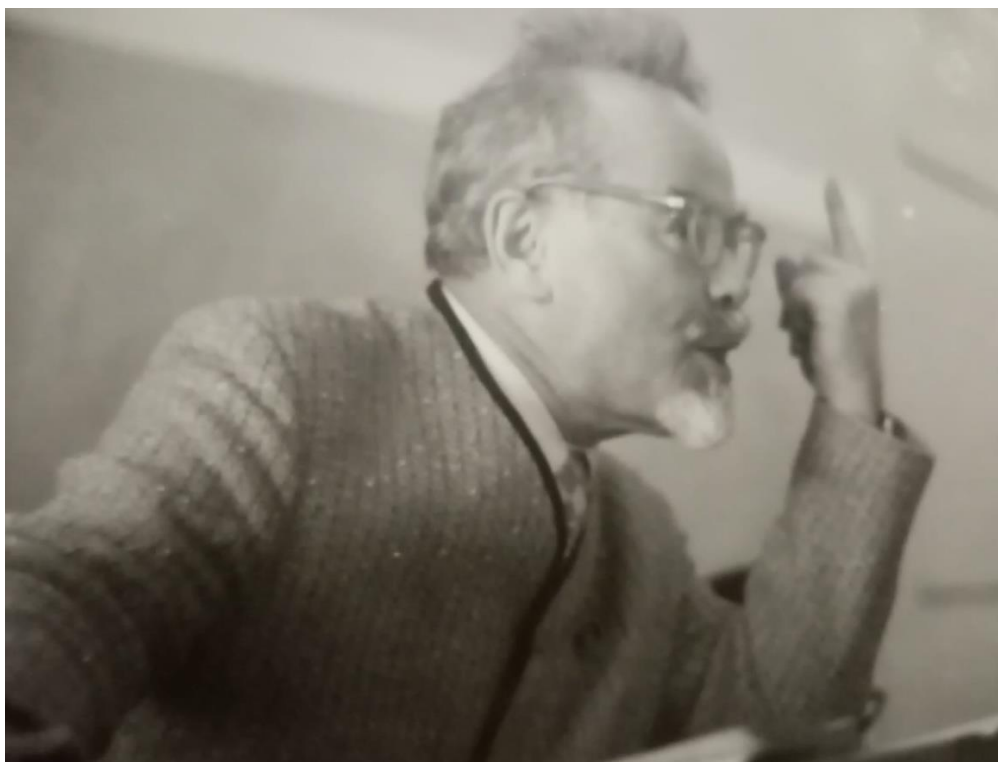

Рис. 20. Михаил Николаевич Степанов на лекции (1966)
Фото из семейного архива Плюсниных-Степановых

Но все-таки о кафедре и ее заведующем я хочу сказать еще немало доброго. Научный уровень М.Н. Степанова, питомца экономико-географической школы МГУ, чувствовался во всем: расширялась тематика научных исследований, устанавливались связи с московскими экономико-географами, местными хозяйственными органами. Большая часть исследований была направлена на решение хозяйственных задач Пермской области. Находилось место в этих исследованиях каждому из нас. Именно тогда мне, например, было поручено руководство хоздоговорной работой по экономико-географическому обследованию малых рек Воткинского водохранилища для Камского речного пароходства с целью обоснования возможного грузооборота.

Производственная практика наших студентов в годы моей работы на кафедре также была направлена на решение местных хозяйственных проблем. В течение нескольких лет мы изучали южные районы области в целях совершенствования сельскохозяйственного производства и расселения. Этими же районами занималась и кафедра физической географии со своими студентами, также применительно к задачам сельскохозяйственного использования природных ресурсов. Завершающим этапом этого совместного обследования был маршрут-десант сотрудников обеих кафедр по южным районам области. Всех пунктов, которые мы объехали, было больше десяти, но мы в шутку говорили: «Орда, Барда и Куеда». В качестве транспорта нам была предоставлена грузовая машина с открытым кузовом, оборудованная деревянными скамейками.

«И снег, и ветер, и звезд ночной полет» – были поистине стихией нашей экспедиции. Ведь ездили мы иногда по проселочным дорогам, бывало и поздней ночью. На ухабах боялись, что нас вытряхнет из кузова. Ночевать приходилось в основном в школьных классах, вповалку на полу. Не помню, что стелили и чем укрывались, но спальных мешков у нас точно ни у кого не было.

**Рис. 21. А. Ф. Чернышева и М. Н. Степанов среди участников
«Великой колхозной экспедиции» (1958)**

Фото из архивов кафедры социально-экономической географии ПГНИУ

Из сотрудников нашей кафедры в этой «Великой колхозной экспедиции» были М.Н. Степанов, В.П. Бутузова и я, от физико-географов – Ю.А. Власов, Е.М. Каменских (других не помню). Результат этого нелегкого десанта стоил того. Мы приезжали в те пункты, где были наши студенты и рассматривали работу каждого из них все вместе. Преподаватели физико-географы подсказывали нашим студентам, на какие особенности природной среды надо обратить внимание, а мы, в свою очередь, могли нацелить студентов физико-географов, какие именно моменты природных ресурсов важно выделить здесь. Такие коллективные консультации сразу многих преподавателей в полевых условиях оказались очень ценными для студентов. К тому же, мы, преподаватели, часто шли к председателю того колхоза, где работали студенты, или в районные управления сельского хозяйства, и обсуждали те проблемы, в которых были заинтересованы и мы, и руководители сельского хозяйства.

Кстати, на этих исследованиях была основана диссертация В.П. Бутузовой, она работала в этих районах несколько лет, и со студентами, и без них. Не могу не упомянуть того, что начала она эту работу, родив тройню, и сумела защитить диссертацию еще до достижения детьми школьного возраста. Это ли не героизм?

В научных обобщениях этих материалов, публиковавшихся в наших факультетских сборниках, и я принимала участие, в том числе и в совместных работах с нашими физико-географами. За период моей работы в Пермском университете мною было опубликовано около 20 научных работ.

Наша кафедра имела много аспирантов, и руководили ими не только профессор В.А. Танаевский и доцент М.Н. Степанов. Я также была утверждена научным руководителем аспирантов. У меня было две соискательницы: И.В. Кемень и Г.А. Громова. Первая из них вполне успешно защитила диссертацию по Венгрии, и тем самым предоставила нам обширный материал по этой стране. После окончания нашего университета она жила и работала в Венгрии, имела доступ к тому материалу, который мы не могли получить. Г. А. Громова при мне не успела сделать диссертацию в связи с моим переездом из Перми.

Кафедра постоянно расширялась за счет наших студентов, закончивших обучение. При мне пришли работать на кафедру Галя Акулова (Г.Г. Макарова), Нина Черненко (Н.Д. Еропкина), Саша Паздерина (А.П. Бурьян), Боря Казаков. Довольно быстро стараниями М.Н. Степанова, П.Н. Чепкасова и своим стремлением к науке они достигли успехов, в том числе защитили диссертации.

Деятельность кафедры не ограничивалась только учебными и научными делами. Мы читали лекции для учителей, партийно-хозяйственного актива области, колхозников и рабочих, организовывали лектории в разных городах области. Я, например, вела лектории в Чусовом, Краснокамске. Была председателем районной секции географических знаний общества «Знание». В качестве активного члена была избрана делегатом Всесоюзного съезда общества «Знание» в 1968 г., посещала семинары этого общества в других городах. Работала и в вечернем университете марксизма-ленинизма. По заданию общества «Знание» принимала участие в написании брошюр, посвященных исторической и экономико-географической характеристике новых освободившихся стран Африки.

С удовольствием могу сказать, что кафедра экономической географии Пермского университета сложилась как дружный коллектив. Никаких склок, интриг не было никогда. Иногда совместно отмечали праздники, несколько раз собирались у меня или у Михаила Николаевича, даже у А.Ф. Куракина. Из всех сотрудников кафедры мы с М.Н. Степановым были самыми заядлыми театрами, не пропускали ни одной премьеры в оперном театре, ни одного концерта известных музыкантов. А в наше время в Пермь приезжали С.Я. Лемешев, С.Т. Рихтер, З.А. Долуханова и многие другие знаменитости. Михаил Николае-

вич, наверное, долго хранил записку Лемешева. Когда мы с ним подошли к певцу, чтобы выразить свое восхищение, Лемешев, оберегая свой голос, ответил нам запиской с извинениями, что не может говорить.

Рис. 22. Первомайская демонстрация (1957)
Фото В.С. Баранова

Рис. 23. Демонстрация в поддержку Кубы (1962)
Слева направо: А.Ф. Чернышева, Г.Г. Макарова, С.К. Белозеров,
С.И. Шестериков, П.Н. Чепкасов, М.Н. Степанов
*Фото из архива кафедры
социально-экономической географии ПГНИУ*

Многое можно вспомнить о нашем дружном коллективе: и праздничные демонстрации, и занятия по гражданской обороне, обязательные даже для преподавателей. Помню, как меня изловили «санитары», забинтовали с ног до головы и, уложив на носилки, унесли в «госпиталь».

В заключение своих заметок остается сожалеть, что мне пришлось оставить тот факультет и ту кафедру, где началась моя трудовая деятельность, где я состоялась как специалист в дружеском внимании и помощи коллег, доброжелательном отношении ко мне студентов. Все это, как первая любовь, не забывается, окрашено романтикой молодости.

Михаил Дмитриевич Шарыгин, следующий заведующий кафедрой, пришел еще при мне на нашу кафедру аспирантом из моей родной Кировской области. Тогда мне и в голову не пришло, что именно он выведет кафедру на путь новаторства и решения больших социально-экономических проблем Пермской области и других регионов. Именно под его руководством кафедра теперь уже с другим названием – кафедра социально-экономической географии – станет одним из крупнейших центров географической науки в стране.

С высоты своего возраста (отнюдь не научных достижений) приветствую и поздравляю всех членов кафедры с юбилеем, желаю дальнейших новых успехов и передаю привет тем, кто еще помнит меня.

РАЗДЕЛ 2. НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ВКЛАД КАФЕДРЫ В РЕШЕНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ЗАДАЧ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

2.1. МЕТАГЕОГРАФИЧЕСКИЙ БАЗИС НАУКИ

Современная география, физическая и общественная, столкнулись с целым рядом проблем, имеющих как общемировой, так и региональный характер. Это и глобальные изменения климата, и региональные конфликты, здоровье населения и проблемы с истощением природных ресурсов, загрязнение окружающей среды и пр. Многие вопросы, которые явно входят в сферу социально-экономической географии, и географии вообще, сложно решить без соответствующей философской и теоретико-методологической подготовки. Но с этим базисом дела обстоят пока не совсем все хорошо. Дело в том, что вопросами объект-предметной сферы деятельности географии представители древней науки занимались достаточно давно, но проблема эта до настоящего времени даже в основных своих положениях, к сожалению, не решена.

Для того, чтобы определиться с теоретико-методологической базой нашей науки, необходимо решить ряд вопросов, которые относятся к области ведения метагеографии, то есть того направления общей географии, которое формулирует основы нашей науки: определить объект и предмет ее изучения, получить или установить место в системе научных знаний, определить роль в культурном контексте и управлении обществом, раскрыть значение для системы образования и воспитания подрастающего поколения... Но, думается, главная проблема – это найти точки соприкосновения между естественной и общественной ветвями нашей науки. Поэтому выше изложенные задачи в принципе и должны решаться предварительно в сфере метагеографии.

Круг основных задач, относящихся к зоне ответственности метагеографии, достаточно хорошо очерчен²³. Среди них первоочередная задача – установление объект-предметной области общей географии. Споры об этом ведутся достаточно давно. Одна из первых идей по поводу общего объекта исследования географии в виде географической формы материи, была высказана акаде-

²³ Смирнов А.М. Общегеографические понятия / Теоретическая география. Вопросы географии. М.: Мысль, 1971. № 88. С. 29-64; Хорев Б.С. К вопросу о метагеографическом подходе: При определении общих понятий географии. / сб. тезисов докладов III Всесоюзного симпозиума по теоретическим вопросам географии. Киев: Наукова думка, 1977. С. 109-113; Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.; Жекулин В.С. О структурных уровнях организации географической науки // География в системе наук. Л.: Наука, 1986. 212 с.; Саушкин Ю.Г. От метагеографии к теоретической географии / География в системе наук. Л.: Наука, 1987. 212 с.; Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Сов. энцикл., 1988. 432 с.

миком Андреем Александровичем Григорьевым, который назвал ее физико-географической формой материи, в основе которой лежит физико-географический процесс²⁴.

Эту точку зрения поддержал целый ряд физико-географов (В.Б. Сочава²⁵, А.Г. Доскач и др.), и философов (Л.Н. Самойлов), но подобная позиция, во-первых, не вписывалась в существующие философские концепции, а во-вторых, она не указывала на точки соприкосновения с общественной географией. Юлиан Глебович Саушкин по этому поводу говорил, что такая точка зрения нас больше разъединяет, чем объединяет.

Еще в начале 1970-х годов В.А. Анучин высказал провидческую идею, что в качестве географической материи выступает географическая среда, где определенным образом сочетаются законы высших и низших форм движения материи²⁶. В это же время Э.Б. Алаев и Б.М. Ишмуратов выдвигают концепцию «районной формы движения»^{27, 28}.

Шаг назад произошел в конце 1970-х гг., когда Валентин Сергеевич Лямин высказал идею собственной интерпретации географической материи. Его позиция исключила из географической материи даже живую природу и акцентировала внимание на климато-геоморфологических особенностях²⁹. В такой трактовке географическая форма материи включала только геоморфологический и климатический процессы, предшествовала появлению жизни и служила ее средой. Идея опиралась на труды И.М. Забелина³⁰ и нашла поддержку у Н.К. Мукиданова³¹. Такая мировоззренческая позиция существенно усугубила ситуацию, сведя географию к исключительно естественной ветви. Выход из идеологического тупика географы попытались найти, уйдя, не без помощи философов, в гносеологическую сферу. А.М. Трофимов и Н.М. Солодуха считали географическую материю исключительно умозраительной конструкцией, плодом творческого воображения пытливого географического воображения³².

²⁴ Григорьев А.А. Предмет и задачи физической географии: общие принципы изучения структуры физико-географического процесса // На методологическом фронте географии и экономической географии. М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. С. 45–59.

²⁵ Сочава В.Б. Учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1975. 40 с.

²⁶ Анучин В.А. Теоретические основы географии. М.: Мысль. 1972. 430 с.

²⁷ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.

²⁸ Ишмуратов Б.М. Региональные системы производительных сил: Методол. основы геогр. анализа. Новосибирск: Наука, 1979. 237 с.

²⁹ Лямин В.С. География и общество: Философские и социологические проблемы географии. М.: Мысль, 1978. 309 с.

³⁰ Забелин И.М. Теория физической географии. М.: Географиз. 1959. 303 с.

³¹ Мукиданов Н.К. От Страбона до наших дней: Эволюция географических представлений и идей. М.: Мысль, 1985. 237 с.

³² Трофимов А.М., Солодуха Н.М. Вопросы методологии современной географии: Учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 83 с.

Справедливости ради следует отметить, что одновременно существовала четко обозначенная позиция, отрицающая в принципе существование географической материи. Впервые она была сформулирована И.Г. Исаченко³³, была озвучена Г.В. Иоффе и М.П. Крыловым на III Всесоюзном симпозиуме по теоретическим вопросам географии в 1977 г.³⁴, неоднократно высказывалась Р.Ф. Туровским (постановка вопроса вообще абсурдна)³⁵, М.М. Голубчиком и др.³⁶, Б.Б. Родоманом («бастард» эпохи диамата)³⁷, Н.В. Алисовым (какой в этом теоретизировании практический смысл?) и др. В итоге, дискуссия продолжалась еще достаточно долго и затухла уже в постперестроечное время, не придя, в принципе, к какому-либо единому знаменателю.

Исходя из метагеографических воззрений, логично будет предполагать, что эта проблема может быть решена в первую очередь с философских позиций. И толчок к этому дала точка зрения одного из ведущих отечественных философов, академика Бонифатия Михайловича Кедрова, выдвинувшего идею геологической формы движения материи как предпосылки для возникновения живого. Эту идею подхватили и продолжили философы Пермской научной школы, в частности, Владимир Вячеславович Орлов. Дальнейшее было результатом тесного взаимодействия двух Пермских научных школ: географической и философской. Надо отдать должное такому сотрудничеству: философы хорошо понимали географов, те их тоже.

Творчески продолжая идеи Б.М. Кедрова, Владимир Вячеславович предложил дополнить систему классических форм материи Ф. Энгельса «параллелью» комплексных форм, служащих предпосылками для появления основных. Эта линия включает астрономическую форму материи, геологическую форму материи и географическую форму материи³⁸.

На сегодняшний день сложился достаточно широкий спектр мнений, касающихся объекта географических исследований. Наиболее широко представлен взгляд на область географических познаний как *географическую среду* (Э. Реклю³⁹, Ю.Г. Саушкин⁴⁰, В.А. Анучин⁴¹ и др.) и *географическую оболочку*

³³ Исаченко А.Г. Основные вопросы физической географии. Л., 1953. 392 с.

³⁴ Иоффе Г.В., Крылов М.П. Анализ системы географических наук с позиции концепции структурных уровней. Сб. тезисов докладов III Всесоюзного симпозиума по теоретическим вопросам географии (Одесса, 4-7 октября 1977г.). Киев: Наукова думка, 1977. 154 с. С. 119-120.

³⁵ Туровский Р.Ф. Политическая география: учеб. пособие. М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.

³⁶ Теория и методология географической науки: учебник / М.М. Голубчик, С.П. Евдокимов, Г.Н. Максимов [и др.] М.: Гуманитар. изд. Центр ВЛАДОС, 2005. 463 с.

³⁷ Родоман Б.Б. Сущность и методы географии: География, районирование, картоиды / сб. трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с. С. 14-25.

³⁸ Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. 397 с.

³⁹ Реклю Э. Человек и земля. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. Т. 1. 543 с.

⁴⁰ Саушкин Ю.Г. Географическая среда человеческого общества / География и хоз-во, 1963, вып. 12. С. 67-78.

(А.И. Зырянов⁴², А.М. Трофимов и М.Д. Шарыгин⁴³ и др.). Ряд ученых считает объектом исследования географии географическую картину мира (У.И. Мересте и С.Я. Ныммик⁴⁴, В.П. Максаковский⁴⁵, Н.В. Каледин⁴⁶, Н.К. Мукитанов⁴⁷ и др.). Ведущие физико-географы С.В. Калесник⁴⁸ и И.Г. Исаченко⁴⁹ вообще предполагают наличие двух качественно разнородных географических сред: природной и «очеловеченной». Существует и достаточно распространенное мнение, что у географии вообще нет объекта исследований, а есть свой специфический подход (метод) познания, демонстрирующий специфику географического мышления по отношению к окружающему миру: *хорологический* (А. Геттнер⁵⁰), *геометод* (Б.М. Кедров⁵¹), *деятельностный подход* (А.Б. Елацков⁵² и др.). Так почему, собственно, эти позиции науку не совсем устраивают?

Во-первых, ни понятие географической среды, ни географической оболочки не имеют под собой никакого философского обоснования, что, в принципе, не позволяет ответить ни на один вопрос метагеографии. Отсюда и огромное количество схем, пытающихся вписать географию в систему научных знаний и учебных дисциплин.

Во-вторых, географическая картина мира, с позиции философии, представляет собой только предварительный этап познания. По В.И. Ленину познание проходит три основные стадии: чувственное созерцание, абстрактное мышление и практика. Картина мира, это скорее чувственное созерцание, чем абстрактное мышление, то есть основой для практической деятельности картина мира вряд ли может быть. Тем более, что она не раскрывает нам, собственно, где место географии в системе научных знаний.

⁴¹ Анучин В.А. Теоретические проблемы географии. М.: МГУ. Географиз. 1960. 264 с.

⁴² Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества. Пермь. 2006. 372 с.

⁴³ Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география: вопросы теории и методологии: монография. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. 494 с.

⁴⁴ Мересте У.И., Ныммик С.Я. Современная география: вопросы теории. М.: Мысль, 1984. 296 с.

⁴⁵ Максаковский В.П. Географическая культура: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 1998. 416 с.

⁴⁶ Каледин Н.В. Географическая научная картина мира: деятельностно-геопропространственный контекст // Вестник СПбГУ. Сер. 7, 2003, вып.1 (№7). С. 111-116.

⁴⁷ Мукитанов Н.К. От Страбона до наших дней: Эволюция географических представлений и идей. М.: Мысль, 1985. 237 с.

⁴⁸ Калесник С.В. Географическая среда. БСЭ, т. 6, 1971. С. 750.

⁴⁹ Исаченко А. Г. Теория и методология географической науки: учебник для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 400 с.

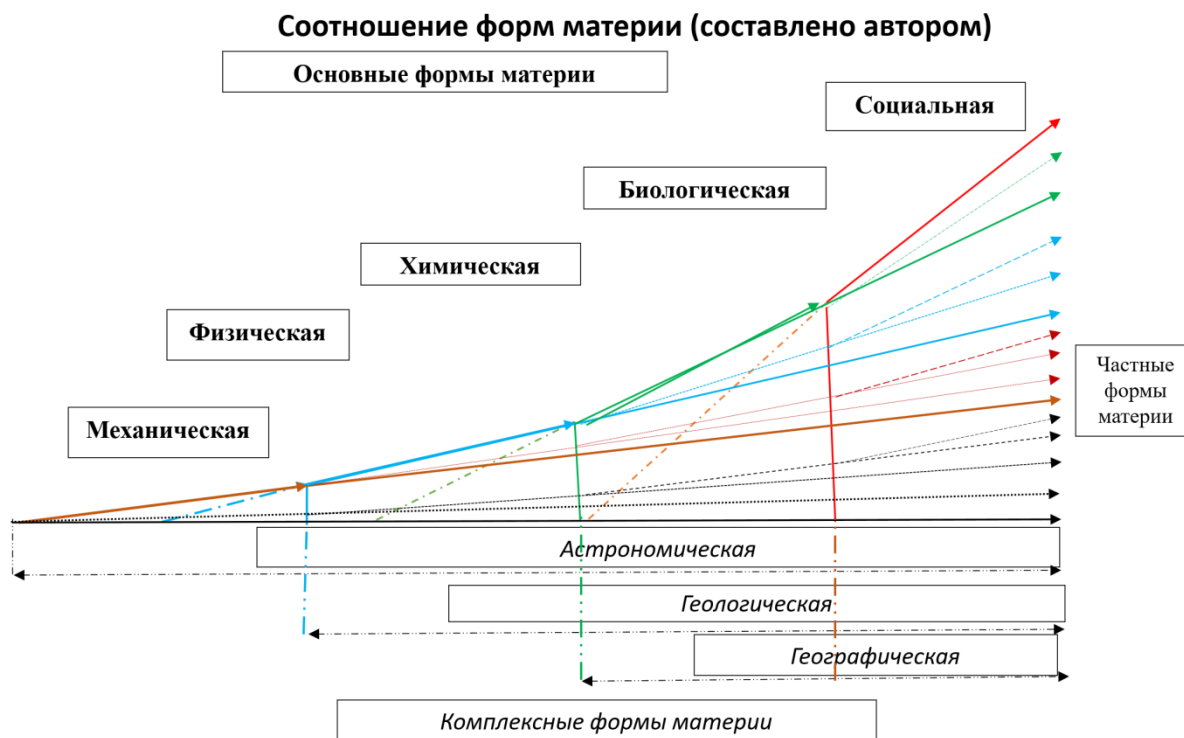
⁵⁰ Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.-М.: Гос. Изд-во. 1930. 416 с.

⁵¹ Кедров Б.М. О геометодe как особом способе познания // География в системе наук. Л.: Наука, 1986. 212 с. С. 7-10.

⁵² Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРП-М, 2017. 251 с.

В-третьих, деятельностный подход либо вообще лишает географию объективной базы познания, либо расширяет ее до бесконечности, не очерчивая качественно область изучаемых явлений.

Выход кроется в современных достижениях философии. На рисунке представлена схема эволюции форм материи, которая предложена на основе разработок пермских философов.

Сплошными линиями показаны тренды развития основных форм материи магистральной и немагистральной направленности.

Прерывистыми линиями выделены тренды развития «включенных» форм материи и границы теневых систем первого и второго порядка

К частным формам материи относятся «включенные» формы, эволюционирующие в виде теневых систем в составе основных (например, физическая химия, биомеханика, биофизика, биохимия и т. д.).

Рис. 24. Эволюция форм материи

На что следует обратить особое внимание? Предпосылкой для получения химических элементов и для химических реакций становится появление планетарных тел, то есть астрономическая форма материи. Появление жизни возможно только в том случае, если происходит расслоение планеты на три сферы: гидросферу, атмосферу и литосферу. Именно в процессе взаимодействия этих сфер может возникнуть живое. А географическая форма материи – это уже взаимодействие живой и неживой природы, которое создает предпосылки для появления общества.

Какие выводы из этого следуют? Во-первых, мы здесь можем сформулировать место географии в системе наук. На рис. 24 можно найти место даже для таких наук, которые раньше, казалось бы, невозможно было идентифицировать.

Например, физическая химия, химическая физика, биофизика, биомеханика, астрофизика, геохимия и так далее и так далее. Во-вторых, для географии раскрываются следующие интересные перспективы.

Под категорией «социальная» размещаются частные формы материи, которые «включены» непосредственно в человека, то есть это биологические, химические, физические и механические процессы, проистекающие внутри человека. Понятно, что процессы, идущие в нашем организме, во многом подчиняются общественным законам.

Географическая материя (среда), выделенная пунктирной линией – это естественное, природное тело общества, это те формы материи или те объекты окружающего мира, которые нами уже познаны, преобразованы и каким-то образом включены в общественную деятельность. Таким образом складывается интересная картина. Природа, с одной стороны, заинтересована в деятельности человека, она целенаправленно эволюционирует в направлении появления человека, поскольку именно он играет роль преобразующего фактора природной среды. Без человека эволюция природы происходила бы значительно менее рационально и занимала бы более длительный период...

С другой стороны, человек не противостоит природе. Взаимодействие человека и природы – это объективный процесс, который не может носить характер непреодолимого противоречия. Точнее противоречие есть, но оно не антагонистическое. И что очень важно, социум обретает возможность для бесконечного преобразования окружающего мира. И этот мир преобразуется разумно, преобразуется в интересах человека.

Поскольку географическая среда – это отдельная форма материи, то ей присущи соответствующие атрибуты: формы существования, характер (способ) движения, целеполагание, тенденции развития, причинность, необходимость, закономерности, качество, количество, пространство, время, отражение и т.д. Для нас важнейшими такими атрибутами являются географическое пространство и географическое время. И то, и другое может иметь объективный и субъективный характер. Существует объективное пространство, а есть субъективное восприятие этого пространства. Есть объективное время, а есть и наше субъективное восприятие этого времени.

Следует остановиться на специфических атрибутах географической материи. Одно из направлений, вызывающее много вопросов, – структуризация географического пространства. Каким образом мы можем выделить иерархические уровни географического пространства? Поскольку географическое пространство – это пространство взаимодействия человека и окружающей среды, то оно начинается от глобального уровня через мегарегиональный, и далее выходит на наноуровень познания – то направление исследований, которое сегодня в мире являются наиболее актуальным.

В последнее время большая часть Нобелевских премий присуждается именно за наноисследования в физике, биологии, генетике и прочих науках. Что такое наноуровень в географии? Население земного шара превышает 8 миллиардов человек. В наноисследованиях общественная география выходит на малые группы в 7-8 человек. Это либо большая семья, либо малое предприятие, отдельное фермерское хозяйство, эффективный творческий коллектив. Семь человек – это та когорта, которая создает созидательный коллектив, формирует креативную общность людей, требующую соответствующего творческого пространства. Далее мы выходим на индивидуальное пространство и его элементы.

Не секрет, что многие географические науки, в частности, ее естественные подразделения, занимаются исследованием именно компонентов геосистем, то есть их отдельных составляющих. Например, это исследования палеогеографические: споро-пыльцевой анализ, исследование донных отложений... География объективно выходит на уровень познания элементарных образований, входящих в состав геосистем.

Структуризация географического пространства может быть горизонтальная и вертикальная. Прослеживается интенсивное и экстенсивное направления пространственного развития. Экстенсивное предполагает, что в наше пространство входит все, о чем мы имеем хоть какое-либо представление. Интенсивное подчеркивает все более глубокое преобразование пространства в интересах социума.

Отдельная проблема – специфика географического времени, географическая хронология, геохронология, или как сейчас модно говорить, темпоральность географической среды. Один из подходов определения темпоральности – выделение этапов ее эволюции через характер взаимодействия общества с географической средой. Начиная от присваивающего типа, когда человек просто изымал часть природных компонентов для своих нужд, и заканчивая творческим этапом формирования природной среды, когда мы с вами формируем с помощью среды из человека-творца, как модно сейчас говорить, творческую личность, креативную личность, которая проявляет себя во всем многообразии присущих созидательных качеств.

Исходя из выявленных качеств географической формы материи можно сформулировать законы территориальной организации общества. Территориальная организация общества (ТОО) – одна из ведущих концепций в современной географии, в общей географии. Поэтому целесообразно формулировать законы развития географической среды в дискурсе именно этой парадигмы. Можно даже говорить не о концепции, а, наверное, уже об учении о ТОО, по примеру, допустим, учения о ТПК...

Главенствующим в выделяемых законах является *антропный принцип*. Географическая среда ориентирована и нацелена на развитие человека, на формирование его как творческой личности. Ее основная функция заключается в формировании комфортной среды жизнедеятельности людей во всех аспектах: социальном, экономическом, экологическом и пр. Далее следует закон *географического системообразования*. Наверное, никто из специалистов не будет спорить, что основным объектом и предметом исследования общей географии, всех ее ветвей является геосистема, в том или ином ее виде.

Следующий логический мостик перекидывается к закону *усложнения географической материи*. Она служит ресурсной базой и отвечает на потребительские запросы общества. Растущие интересы общества вызывают обязательный отклик в окружающей среде. Она усложняется под познавательными и преобразующими усилиями людей, актуализирует свой потенциал и, раскрывая свои ресурсные возможности, подстраивается под интересы социума.

Результат деятельности усилий человечества воплощается в законе *трансформации потенциала территории в региональный капитал*. Географическая среда актуализирует свой потенциал в общественные ценности, - ценности, которые создаются в окружающем мире и которые общество использует в своих интересах.

Более частным является закон *коэволюции общества и природы*. Это закон взаимодействия, он обоюдо интересен контактирующим сторонам и носит симбиотический характер. Важно отметить его гуманистическую составляющую, направленную на поисковую эволюцию. Коэволюция природы и общества нацелена на развитие творческих способностей человека и раскрытие потенциала географической среды.

Для того, чтобы увязать формы географической материи с общественными потребностями нами и предлагается концепция регионального капитала. Почему именно капитала? Потому, что современный термин «капитал», несмотря на критику капиталистического строя, в настоящее время приобретает все большее значение. В географических и смежных науках все чаще говорят о «гуманистическом капитале», «человеческом капитале», «социальном капитале», посвящают исследования «символическому», «имиджевому», и иным капиталам территории. Экономическая наука достаточно аргументировано занимается анализом репутационного капитала региона и его стоимостной оценкой.

Категория «капитал» чрезвычайно интересна для географов, но, к сожалению, это понятие не включено ни в одну из основополагающих книг по географической терминологии. Например, его нет ни в понятийно-терминологическом словаре Э.Б. Алаева⁵³, ни в более позднем издании по терминам соци-

⁵³ Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология / Э.Б. Алаев. М.: Мысль, 1977. 199 с.

ально-экономической географии⁵⁴. Отсутствует эта категория в словаре-справочнике А.П. Горкина⁵⁵ и даже в фундаментальном географическом энциклопедическом словаре⁵⁶. В этих изданиях присутствуют производные от капитала, более частные понятия, например, «региональный доход», «чистая продукция», «прибавочная стоимость» и так далее, а вот самого понятия «капитал» в географической терминологии нет. Только в словаре-справочнике «Природопользование» Н.Ф. Реймерса можно найти упоминание об «основном капитале»⁵⁷. Отсутствие такого универсального и основополагающего понятия в арсенале географов существенно обедняет науку, лишает ее многих возможностей конструктивной деятельности.

Для географов капитал важен потому, что он позволяет определить в стоимостном выражении многие традиционно «не ценимые» объекты и явления, а также количественно определить эффективность их функционирования. Например, как это не антигуманно звучит, «выявить» стоимость человека, или стоимость какого-то (природного, рекреационного, эстетического, туристического и иных) потенциала региона. С помощью этого понятия можно количество оценить качество географической среды и ее привлекательность в единицах универсального эквивалента.

Широкие перспективы открываются при использовании понятия регионального капитала не только как инструмента познания, но и метода управления. Путем оценки капитала, качественного и количественного наращивания его, мы можем оценить степень комфортности, соответствия окружающей среды потребностям человека. Даже предварительное, весьма поверхностное применение такого подхода позволяет выявить одну из важнейших проблем, которая стоит сегодня перед нашей страной и ее регионами. Это проблема национальной и региональной капитализации РФ.

С одной стороны, для наших регионов характерна очень высокая степень дифференциации: это прослеживается по территории (в 3659 раз), по валовому региональному продукту (318 раз), по населению (316 раз), и промышленному производству (1326 раз)⁵⁸. И эта дифференциация увеличивается. Последовательно сокращается число регионов-доноров, пополняющих федеральный бюджет. Одновременно увеличивается количество регионов, которые находятся в достаточно тяжелом состоянии с точки зрения социально-экономической си-

⁵⁴ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.

⁵⁵ Горкин А.П. Социально-экономическая география: Понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена. 2013. 328 с.

⁵⁶ Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Сов. энцикл., 1988. 432 с.

⁵⁷ Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.

⁵⁸ Регионы России 2024. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204.?print=1> (дата обращения: 05.05.2025).

туации. Что самое интересное, даже ведущие наши регионы соответствуют далеко не лучшим американским регионам (табл. 1).

Таблица 1

**Валовой региональный продукт регионов РФ в 2020 г.
(млн. \$ по курсу ЦБ РФ) и штатов США**

Регионы-лидеры, РФ ⁵⁹			Регионы-аутсайдеры США ⁶⁰		
№ n/n	Субъект РФ	ВРП	№ n/n	Штат США	ВРП
1	Москва	332 179	22	Коннектикут	319 345
2	Тюменская область	154 061	35	Небраска	164 934
3	Санкт-Петербург	128 147	38	Нью-Мексико	125 641
4	Московская область	92 744	43	Делавэр	90 208
5	Ханты-Мансийский АО	76 721	45	Род-Айленд	72 771
6	Ямало-Ненецкий АО	56 490	49	Аляска	65 699
7	Татарстан	46 895	50	Вайоминг	49 081
8	Краснодарский край	43 446	51	Вермонт	40 831

С другой стороны, наши самые проблемные регионы, это территории, которые в мире очень неплохо выходят из кризиса. В России кризисная ситуация характерна для старопромышленных регионов и территорий нового освоения. А, например, в Соединенных Штатах в числе социально-экономических лидеров преобладают как раз либо старопромышленные регионы типа Пенсильвании Нью-Джерси и Огайо, либо регионы нового освоения – Техас, Калифорния и Флорида.

Весьма интересно смотрятся субъекты РФ в мировой системе координат (табл. 2). Это наглядный пример практической значимости новой терминологии, когда мы говорим о региональном капитале. Один из методов оценки регионального капитала – оценка его по добавленной стоимости, по ВРП.

Лидер – это Ненецкий автономный округ, который имеет 124 тысячи долларов на человека валового регионального продукта. Это немногим уступает Люксембургу. И в то же время средняя продолжительность жизни коренного населения в сельской местности Ненецкого округа составляет около 56 лет. То есть, капитал огромный, но мы можем говорить о неэффективности капитализации этой территории.

⁵⁹ Регионы России 2024. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204.?print=1> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶⁰ ВВП по штатам. Бюро экономического анализа США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bea.gov/data/gdp/gdp-state> (дата обращения: 24.01.2024).

**Положение регионов РФ по душевому ВПР
в системе мировых национальных координат, 2021 г.**

№ п/п	Регионы- лидеры/аутсайдеры	Душе- вой ВРП, \$ ⁶¹	Разли- чия, раз	Страна-аналог	
				<i>Место в мире</i>	<i>Душевой ВРП, \$⁶²</i>
1.	Ненецкий АО	124200	61,6	1. Люксембург	131301
2.	Ямало-Ненецкий АО	102791	51	2. Ирландия	102394
3.	Ханты-Мансийский АО	45265	22,4	21. Великобритания	46200
4.	Чукотский АО	37124	18,4	25. Италия	35584
82.	Карачаево-Черкессия	3194,8	1,58	128. Боливия	3266
83.	Кабардино-Балкария	3111	1,54	129. Вануату	3235
84.	Чеченская Республика	2414	1,2	135. Гана	2413
85	Ингушетия	2017	1,0	144. Никарагуа	2047

На основе изложенных положений может быть реализована модель капитализации территории. Капитализация растет в том случае, если территория обладает уникальным ресурсом, в котором заинтересованы зарубежные страны или остальные субъекты федерации, и является центром принятия управленческих решений относительно этих ресурсов.

Подобная ситуация подтверждается на материалах муниципалитетов Пермского края. Оказалось, что самые проблемные территории края – это старопромышленные регионы и территории нового освоения. И те, и другие типы регионов сейчас фактически деградируют. Первые катастрофически теряют важнейшие компоненты регионального капитала – людей, основные фонды, природные ресурсы и имидж преуспевающей территории. Последние начинали осваиваться в советское время, но этот процесс в настоящее время не только не прекратился, но и обратился вспять. Потенциал территории теряет актуальность.

В качестве примера перспективной капитализации территории и разработки мер по повышению капитализации территории нового освоения, была выбрана Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ).

На основе более чем 30 документов стратегического планирования, которые согласно Закону о стратегическом планировании, должны были быть выполнены всеми субъектами Федерации, осуществлен прогноз развития экономики до 2030 года.

⁶¹ По официальному курсу ЦБ РФ. Регионы России. Социально-экономические показатели. М. 2023. 1124 с

⁶² Список МВФ. International Monetary Fund. [https:// www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October](https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October). Дата обращения: 30 декабря 2024.

Оказалось, что эти документы выполнены на качественно низком уровне, не согласуются с документами национальных проектов и программ, копируют общенациональные цели и задачи без учета региональной специфики, носят алармистский характер и содержат проблемы, которые в принципе не позволят выполнить эти документы в полном объеме.

С целью реального применения концепции регионального капитала на практике прослежена история освоения АЗ РФ с позиции ее вклада в экономику страны. Какие выводы последовали даже из этого предварительного и весьма поверхностного анализа?

Во-первых, исходя из ретроспективного анализа, арктические территории могут значительно увеличить свой потенциал. Были периоды в жизни России, когда Арктика давала до трех четвертей национального дохода. Особенно это характерно было для критически важных периодов: в годы петровских реформ, Первой мировой войны, в период индустриализации и в годы Великой Отечественной войны.

Во-вторых, применительно к практической значимости концепции регионального капитала, для реализации территориальных интересов важен ряд основных направлений капитализации: участие государства, государственно-частное партнерство, корпоративное участие в виде принципов ESG, межрегиональное взаимодействие и активность местного гражданского общества. Только в этом случае поставленные регионом цели могут быть достигнуты.

2.2. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЭФФЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*

Каждый регион характеризуется уникальными особенностями развития, которые формируют будущее его экономики. Уровень экономического развития региона определяется различными условиями, такими как обеспеченность природными ресурсами, наличие производственных мощностей, развитие институтов и социальной сферы, инфраструктурная обеспеченность и многими другими. Следовательно, при оценке уровня регионального развития необходимо учитывать совокупность факторов, которые в разной степени оказывают на него влияние.

Оценка экономического развития регионов становится все более актуальной темой исследований, так как с помощью выявления индивидуальных характеристик регионов и ключевых факторов развития формируется теоретиче-

* Данные для исследования подготовлены выпускником НИУ ВШЭ-Пермь Е. М. Петрухиной под руководством к.г.н., доцента департамента экономики и финансов Т.В. Букиной.

ская модель системного регионального исследования⁶³. Она трансформирует региональное развитие из стихийного и часто хаотичного процесса в целенаправленное, научно обоснованное и стратегически выверенное движение к желаемому будущему. В результате регион эффективнее использует ресурсы, выявляет свои уникальные возможности и минимизирует риски, обеспечивая устойчивый и сбалансированный рост.

Проведем обзор исследований, в которых моделируется уровень регионального развития на данных разных стран с помощью ключевых факторов.

Особенности регионального исследования: построение теоретической модели системного регионального исследования превращает хаотичное управление в целенаправленное стратегическое развитие. Оно позволяет перейти от интуитивных решений к научно обоснованным действиям, основанным на анализе взаимосвязей и прогнозировании последствий⁶⁴; современная трансформация понятий, когда «территория» как физическая данность дополняется «пространством», кардинально меняет логику регионального развития - конкурируют уже не столько размерами и ресурсами, а способностью интегрироваться в глобальные сети, привлекать человеческий капитал и генерировать инновации⁶⁵.

Географическое положение: наличие факторов «первой природы» и факторы «второй природы» определяет большую конкурентоспособность территории⁶⁶; наличие крупного рынка или близость к нему повышает производительность труда⁶⁷; плотность населения, экономическое расстояние неоднозначно влияют на развитие территорий: высокая плотность концентрирует экономическую активность и инновации, но ведет к перенаселенности, а большое расстояние до рынков увеличивает издержки и изолирует регионы⁶⁸.

⁶³ Шарыгин М.Д. Общественная география в системе научного знания: проблема географизации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей, Смоленск, 14–16 октября 2016 года. Смоленск: Универсум, 2016. С. 45–52

⁶⁴ Шарыгин М.Д. Общественная география в системе научного знания: проблема географизации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей, Смоленск, 14–16 октября 2016 года. Смоленск: Универсум, 2016. С. 45–52; Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. 2020. №1(52). С. 22–32.

⁶⁵ Балина Т.А., Конышев Е.В., Пономарева З.В., Рязанцев А.С., Столбов В.А. Территория и пространство: трансформация категорий на современном этапе развития географической науки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2022. № 2. С. 25–33.

⁶⁶ Krugman P. Increasing returns and economic geography // Journal of political economy. 1991. Vol. 99. № 3. Pp. 483–499; Krugman P. First nature, second nature, and metropolitan location // Journal of regional science. 1993. Vol. 33. No. 2. Pp. 129–144; Krugman P. The role of geography in development // International regional science review. 1999. Vol. 22. No. 2. Pp. 142–161.

⁶⁷ Hanson G. H. Market potential, increasing returns and geographic concentration // Journal of international economics. 2005. Vol. 67. No. 1. Pp. 1–24; Луговой О., Дашкеев В., Мазаев И., Фомченко Д., Поляков Е., Хехт А. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах. – Ин-т экономики переходного периода, 2007.

⁶⁸ World Bank. World development report 2008: Agriculture for development. TheWorldBank, 2008.

Человеческий капитал: высокая концентрация в крупных городах коррелирует с экономическим развитием регионов России⁶⁹; развитие образования оказывает положительное влияние на развитие⁷⁰.

Инновации и предпринимательство: предпринимательская активность положительно влияет на региональный продукт, перенося знания в реальный сектор экономики⁷¹; благоприятные условия для бизнеса стимулируют внедрение передовых технологий, что сильно влияет на развитие⁷².

Институциональная среда: эффективные институты и политика, снижающая риски, привлекают инвесторов и положительно влияют на развитие⁷³.

Демография и урбанизация: города играют ключевую роль в формировании экономического потенциала⁷⁴; плотность населения и уровень урбанизации — значимые факторы, тесно связанные с экономическим развитием и индексом человеческого капитала⁷⁵.

Инфраструктура: развитие транспортной доступности повышает привлекательность городской среды для жителей и инвесторов⁷⁶.

Комплексный анализ: для европейских регионов ключевыми детерминантами являются инвестиции, занятость в сфере услуг, уровень образования, инновации и транспортная доступность⁷⁷.

Проведенный анализ определяет потребность в проверке влияния совокупности этих факторов на региональное развитие российских субъектов, так

⁶⁹ Земцов С.П., Смелов Ю.А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 40. № 4. С. 84-108.

⁷⁰ Комарова А. В., Павшок О. В. Оценка вклада человеческого капитала в экономический рост регионов России (на основе модели Мэнкью – Ромера – Уэйла // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2007. Т. 7. Вып. 3. С. 191–201; Hanushek E. A., Ruhose J., Woessmann L. Knowledge capital and aggregate income differences: Development accounting for US states // American Economic Journal: Macroeconomics. 2017. Vol. 9. No 4. Pp. 184-224; Tamura R. et al. Economic growth in the long run. Journal of Development Economics. 2019. Vol. 137. С. 1–35; Волкова А. В. Социально-экономическое развитие регионов РФ: дезинтеграция и демографическое сжатие // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 4 (76).

⁷¹ Audretsch D.B., Keilbach M. Entrepreneurship and regional growth: an evolutionary interpretation // Journal of evolutionary economics. 2004. Vol. 14. Pp. 605–616.

⁷² Bosma N. et al. Institutions, entrepreneurship, and economic growth in Europe // Small Business Economics. 2018. Vol. 51. Pp. 483–499.

⁷³ Rodríguez-Pose A. Do institutions matter for regional development? // Regional studies. 2013. Vol. 47. No. 7. Pp. 1034-1047.

⁷⁴ Коломак Е. А. Влияет ли структура городской системы на экономическое развитие территорий // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2016. № 1 (499). . 49-60.

⁷⁵ Diebolt C., Hippe R. The long-run impact of human capital on innovation and economic development in the regions of Europe // Applied Economics. 2019. Vol. 51. No. 5. Pp. 542-563; Петрушина О. В., Сепреева Н.М., Власова О.В., Зюкин Д.А. Влияние урбанизации на социально-экономическое развитие региона // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 3 (393). С. 251-254.

⁷⁶ Букина Т.В., Букин Е.К. Влияние транспортной доступности на повышение качества городской среды в старопромышленном городе // Ars Administrandi. 2014. № 3. С. 55-67.

⁷⁷ Ignatov A. Analyzing the determinants of the European union's regional economic development // Global Economy Journal. 2019. Vol. 19. No. 01.

как, во-первых, большинство исследований сосредоточено на отдельных факторах и не все зарубежные показатели проверялись на российских данных, а, во-вторых, недостаточное понимание значимости рассмотренных выше факторов сдерживает региональное развитие (рис. 25). Анализ проведенных выше исследований факторов регионального развития не затронул такого важного аспекта, как развитие одного региона оказывает влияние на развитие других (способствует их развитию или, наоборот, сдерживает). Дело в том, что региональная картина является достаточно неоднородной и эта неоднородность оказывает негативное влияние на развитие регионов. Это, в свою очередь, определяет необходимость ее сокращения.

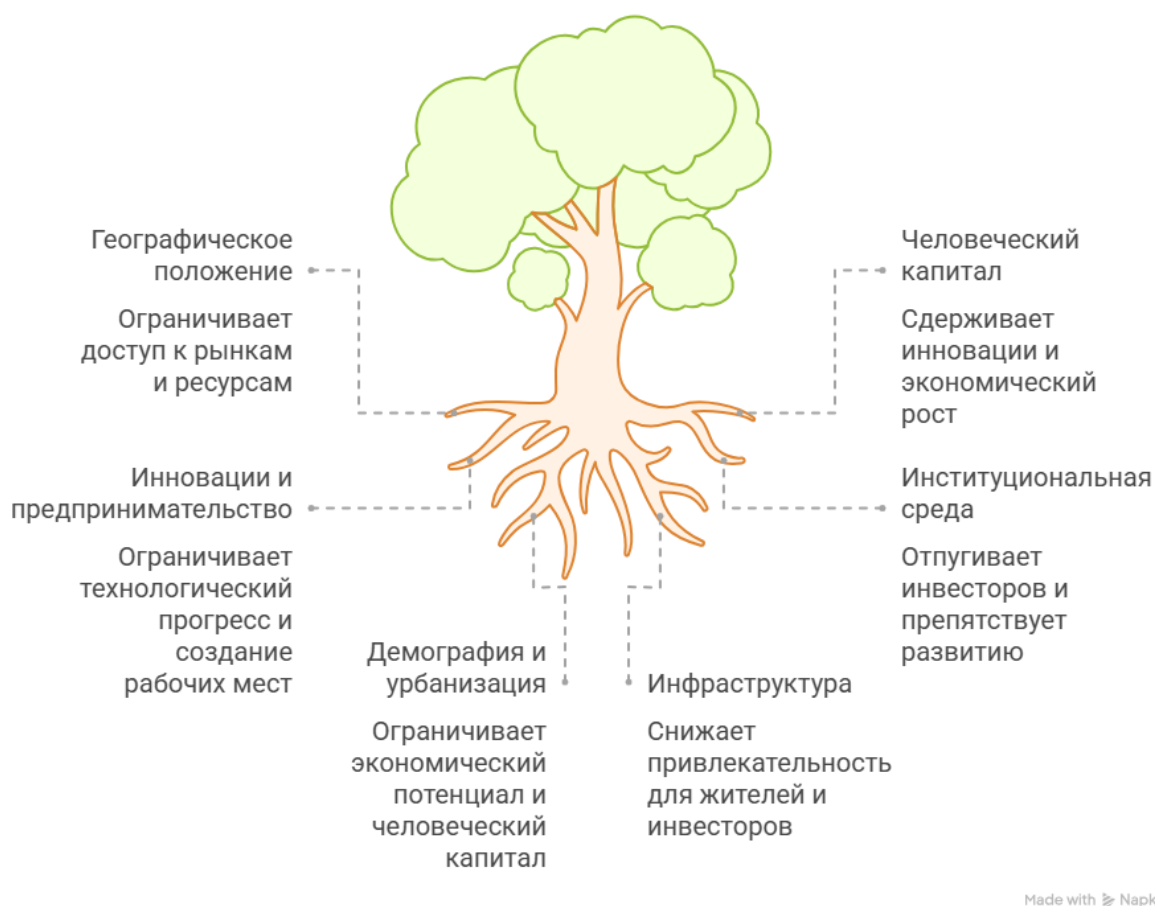

Рис. 25. Ограничения, связанные с недооценкой влияния факторов на региональное развитие

Фактором, который может оказать влияние на снижение территориального неравенства, выступает взаимодействие регионов. Учитывая, что регионы сотрудничают друг с другом посредством различных каналов, и ни один регион не развивается строго обособленно, необходимо принять во внимание эффекты,

которые возникают в процессе их взаимодействия. Первый закон географии⁷⁸ гласит: «все связано со всем, но предметы, расположенные ближе, связаны сильнее, чем те, что отдалены», а это значит, что необходимо учитывать пространственную зависимость. Эти эффекты можно учитывать с помощью модифицированных эконометрических моделей, учитывающих пространственный лаг.

Чтобы понять, как исследователи отражают пространственную зависимость, обратимся к соответствующим работам.

*Основные модели пространственной эконометрики*⁷⁹:

пространственная авторегрессия (SAR) учитывает пространственный лаг зависимой переменной (WY). Значимый положительный коэффициент ρ указывает на схожую направленность регионов, отрицательный — на противоположную;

Модель Дарбина: учитывает лаг и зависимой, и объясняющих переменных. Положительный коэффициент означает, что рост X в соседних регионах увеличивает Y в данном регионе.

Модель пространственных ошибок (SEM): учитывает пространственную зависимость в ошибках.

Применение данных моделей нашло отражение в следующих работах: исследование миграционных процессов⁸⁰; агломерационный эффект⁸¹; взаимное влияние регионов⁸²; выбор способов учета пространственных эффектов и построение соответствующей взвешивающей матрицы⁸³.

Выше были рассмотрены факторы, влияющие на региональное развитие, и эффекты пространственной взаимосвязи. Ключевой идеей выступает постро-

⁷⁸Tobler W.R. A Computer Movie Simulating Urban Growth in the Detroit Region // Economic Geography Vol. 46, Jun., 1970, Supplement: Proceedings. International Geographical Union. Commission on Quantitative Methods. URL: <https://www.jstor.org/stable/i207818> (accessed at 24.10.2025).

⁷⁹Demidova O.A. Convergence of Russian regions: Different patterns for poor, middle and rich // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 4. С. 1151-1165.

⁸⁰Basile R., Girardi A., Mantuano M. Migration and regional unemployment in Italy // The Open Urban Studies Journal. 2012. Vol. 5. No. 1; Demidova O., Signorelli M. Determinants of youth unemployment in Russian regions // Post-Communist Economies. 2012. Vol. 24. No 2. Pp. 191-217.

⁸¹Fujita M. Development of East Asian regional economies: A view from spatial economics // Regional Integration in East Asia: From the Viewpoint of Spatial Economics. London: PalgraveMacmillanUK, 2010. С. 64-88; Букина Т.В., Демидова О.А., Сверчкова Н.В. Изучение иерархических эффектов в российских регионах с помощью пространственных моделей // XVII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»: сборник докладов: в четырех книгах. 2017. № 1. С. 245-256.

⁸²Демидова О. А. Методы пространственной эконометрики и оценка эффективности государственных программ // Прикладная эконометрика. 2021. № 4. С. 107–134; Семерикова Е.В., Демидова О.А. Взаимодействие региональных рынков труда в России: анализ с помощью пространственных эконометрических моделей. // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 57–80.

⁸³Семерикова Е. В., Демидова О. А. Анализ региональной безработицы в России и Германии: пространственно-эконометрический подход // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 64–85.

ение теоретической модели системного регионального исследования⁸⁴, в которой органично соединится методология исследований факторов регионального развития и пространственных эффектов.

Для проведения исследования выбран панельный тип данных – многомерные данные, полученные путем наблюдения за одними и теми же объектами в течение определенного периода времени.

Преимущество панельных данных заключается в том, что они предоставляют возможность работать с большим количеством наблюдений, что увеличивает число степеней свободы и снижает зависимость между объясняющими переменными, а также позволяют проследить индивидуальные изменения признаков объектов (регионов) выборки во времени⁸⁵. Также они позволяют анализировать многие экономические вопросы, на которые нельзя ответить с помощью использования временных рядов или кросс-секционных данных.

Временной интервал исследования составляет 12 лет – с 2010 по 2021 г. включительно. Для анализа не используются 2022, 2023 и 2024 гг. по причине того, что официальные данные за эти годы доступны не для всех рассматриваемых показателей и территорий. Также не учитывались кризисные 2008 и 2009 гг. с целью минимизировать влияние глобальных макроэкономических шоков на рассматриваемые переменные.

В качестве объектов собранной в рамках настоящей работы базы данных выступают 80 субъектов Российской Федерации. Исключение из исследования регионов определялось следующими мотивами. Во-первых, невозможность получения полной статистики за указанный временной интервал, что сделало бы панель данных несбалансированной. В результате были исключены Республика Крым, г. Севастополь, ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область.

Во-вторых, для регионов Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ отсутствуют числовые значения некоторых рассматриваемых в работе показателей. В результате Ненецкий автономный округ рассматривается в составе Архангельской области, а Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа – в составе Тюменской области.

Все данные по исследуемым факторам находятся в открытом доступе в сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели» Федеральной службы государственной статистики. Расчеты, представленные в работе,

⁸⁴ Шарыгин М.Д. Общественная география в системе научного знания: проблема географизации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей, Смоленск, 14–16 октября 2016 года. Смоленск: Универсум, 2016. С. 45–52.

⁸⁵ Ратникова Т.А. Введение в эконометрический анализ панельных данных // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 10. № 2. С. 267–316.

были выполнены с помощью программной среды R и инструмента для статистического анализа Stata.

В таблице 1 представлены Зависимая и независимые переменные, используемые в исследовании. Как видно из таблицы, в качестве регрессоров были выбраны показатели, охватывающие ключевые аспекты регионального развития: технологический, человеческий, инфраструктурный и институциональный.

Таблица 1

Зависимая и независимая переменные, используемые в исследовании

Переменная	Переменная, единицы измерения	Пояснение
Y	ВРП на душу населения в текущих ценах, рубли	обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг для конечного использования. Этот показатель использовался в работах предыдущих исследователей, рассматривающих региональное развитие ⁸⁶
X2	Используемые передовые технологии, штук	показатель инновационной деятельности. Инновационная активность ведет к повышению конкурентоспособности региона, а сами инновации способствуют привлечению инвестиций, увеличению качества жизни ⁸⁷ .
X3	Городское население, %	показатель качества человеческого капитала процент городского населения от общего населения субъекта ⁸⁸ .
X4	Инвестиции в основной капитал в текущих ценах, млн. руб	данный показатель отражает объем средства, вложенных в обновление и развитие материальной базы производства, что способствует увеличению и обновлению основных фондов, необходимых для функционирования и роста экономики ⁸⁹ .

⁸⁶ Семерикова Е.В., Демидова О.А. Анализ региональной безработицы в России и Германии: пространственно-эконометрический подход // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 64-85; Букина Т.В., Демидова О.А., Сверчкова Н.В. Изучение иерархических эффектов в российских регионах с помощью пространственных моделей // XVII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»: сборник докладов: в четырех книгах. 2017. № 1. С. 245–256; Зубаревич Н. В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2. С. 158-167; Demidova O.A. Convergence of Russian regions: Different patterns for poor, middle and rich // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 4. С. 1151-1165; Kolomak E. A. Spatial externalities as a source of economic growth // Regional Research of Russia. 2011. Vol. 1. С.114-119.

⁸⁷ Bosma N. et al. Institutions, entrepreneurship, and economic growth in Europe // Small Business Economics. 2018. Vol. 51. С. 483-499; Romer P. M. Increasing returns and long-run growth // Journal of political economy. 1986. Vol. 94. No. 5. С. 1002-1037.

⁸⁸ Попова П. А., Букина Т. В., Кашин Д. В. Влияние межрегиональных пространственных эффектов на экономическое развитие регионов России // Journal of Applied Economic Research. 2024. Vol. 23. No. 3. С. 751-775.

⁸⁹ Demidova O., Marelli E., Signorelli M. Spatial effects on the youth unemployment rate: The case of eastern and western Russian regions // Eastern European Economics. 2013. Vol. 51. No. 5. С. 94-124.

Переменная	Переменная, единицы измерения	Пояснение
X5	Плотность автомобильных дорог, км на 1000 км ² территории	дороги общего пользования с твердым покрытием - развитая инфраструктура способствует повышению доступности территорий, что может приводить к расширению производственных цепочек и увеличению числа экономических партнеров региона ⁹⁰ .
X6	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет, %	процент домохозяйств, имевших доступ к сети Интернет, от общего числа домохозяйств субъекта – не только отражает информационный потенциал региона, но и способствует социальному равенству, сокращая цифровое неравенство между городскими и сельскими территориями, что может положительно влиять на уровень развития региона
X7	Плотность железнодорожных путей, км на 1000 км ² территории	железнодорожные пути для грузового и пассажирского сообщения – развитая инфраструктура способствует повышению доступности территорий, что может приводить к расширению производственных цепочек и увеличению числа экономических партнеров региона ⁹¹ .
X8	Население с высшим образованием	показатель качества человеческого капитала – доля работающего населения с высшим образованием ⁹² .

Первоначально был проведен корреляционный анализ для выявления взаимосвязей объясняющих переменных с зависимой переменной. В данной работе рассчитывался ранговый коэффициент корреляции Спирмена, который используется для данных, которые не имеют нормального распределения или их распределение неизвестно. Значимость коэффициентов корреляции проверялась с помощью значения p-value (табл. 2).

Как показал корреляционный анализ, все регрессоры демонстрируют статистически значимую (p-value < 0,01) связь с ВРП на душу населения. Наиболее тесная положительная связь наблюдается с инвестициями в основной капитал и доступом к сети Интернет, в то время как показатели плотности автомобильных дорог и железнодорожных путей показывают слабую отрицательную корреляцию, что может быть обусловлено тем, что высокая плотность транспортной сети может и отрицательно влиять на ВРП, снижая объемы территории, где могли бы располагаться предприятия⁹³.

⁹⁰ Саралидзе А.М., Доничев О.А. Формирование автодорожной инфраструктуры как инструмента межрегиональной экономической интеграции // Финансы: теория и практика. 2014. № 1. С. 36-47; Demidova O.A. Convergence of Russian regions: Different patterns for poor, middle and rich // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 4. С. 1151-1165; Ignatov A. Analyzing the determinants of the European union's regional economic development // Global Economy Journal. 2019. Vol. 19. No. 01.

⁹¹ Там же.

⁹² Попова П. А., Букина Т. В., Кашин Д. В. Влияние межрегиональных пространственных эффектов на экономическое развитие регионов России // Journal of Applied Economic Research. 2024. Vol. 23. No. 3. С. 751-775.

⁹³ Саралидзе А. М., Доничев О. А. Формирование автодорожной инфраструктуры как инструмента межрегиональной экономической интеграции // Финансы: теория и практика. 2014. № 1. С. 36-47.

Таблица 2

Корреляция зависимой переменной и регрессоров

Переменная	Коэффициент корреляции	p-value
Используемые передовые технологии	0.34	$2.2e^{-16}$
Городское население	0.51	$2.2e^{-16}$
Инвестиции в основной капитал в текущих ценах	0.57	$2.2e^{-16}$
Плотность автомобильных дорог	-0.23	$1.282e^{-12}$
Удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет	0.64	$2.2e^{-16}$
Плотность железнодорожных путей	-0.1	0.009
Население с высшим образованием	0.31	$2.2e^{-16}$

Перед построением регрессионных моделей временные ряды, используемые в панельных данных, были проверены на стационарность (табл. 3) с помощью теста Pesaran CIPSU nit Roottest⁹⁴. Результаты теста Pesaran подтвердили стационарность всех используемых временных рядов, что позволило использовать их в регрессионных моделях без дополнительных преобразований.

Таблица 3

Проверка стационарности временных рядов

Ряд	Статистика	p-value	Вывод
ВРП на душу населения	-4.26	<0.01	Стационарен
Используемые передовые технологии	-1.73	<0.1	Стационарен
Городское население	-5.52	<0.01	Стационарен
Инвестиции в основной капитал в текущих ценах	-5.04	<0.01	Стационарен
Плотность автомобильных дорог	-4.74	<0.01	Стационарен
Удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет	-4.21	<0.01	Стационарен
Плотность железнодорожных путей	-4.64	<0.01	Стационарен
Население с высшим образованием	-4.43	<0.01	Стационарен

⁹⁴Pesaran M. H. A simple panel unit root test in the presence of cross-section dependence // Journal of applied econometrics. 2007. Vol. 22. No. 2. Pp. 265-312.

Далее было проведено построение регрессионных моделей, не учитывающих пространственный лаг, чтобы убедиться в необходимости учета пространственных эффектов при моделировании регионального развития. Традиционными для панельных данных являются *модель сквозной регрессии* и *регрессионная модель с фиксированными эффектами*. Однако проведенное моделирование показало несостоятельность данных моделей, поскольку в них не учитывались пространственные взаимосвязи регионов, что определило недовершенство моделирования для оценки регионального развития. Таким образом, возникла необходимость проведения пространственно-эконометрического анализа для того, чтобы определить, присутствуют ли пространственные эффекты для регионов России и нужно ли их учитывать при моделировании уровня развития.

Для того, чтобы оценить пространственную взаимосвязь регионов необходимо учитывать пространственный лаг, который позволяет оценить пространственный эффект и строится на основе взвешивающей матрицы. Такая матрица может быть построена множеством способов. Самые распространенные способы – это матрица, основанная на географическом расположении регионов относительно друг друга, или матрица бинарная, основанная на наличии или отсутствии общей границы. В исследовании была рассчитана взвешивающая матрица обратных расстояний и бинарная матрица общих границ.

Для построения матрицы расстояний были взяты координаты по широте и долготе административного центра каждого региона. Необходимо отметить, что в качестве административного центра Московской области был взят город Красногорск, так как там располагается часть органов административной власти, а административным центром Ленинградской области был принят город Гатчина, который официально утвержден таковым. Санкт-Петербург и Москва рассматривались как отдельные субъекты вне областей, будучи городами федерального значения.

Далее была построена матрица обратных расстояний между всеми субъектами РФ, где расстоянием от региона i до региона j принимался кратчайший путь от координаты административного центра региона i до координаты административного центра региона j , то есть Евклидово расстояние между ними.

Построение обратной взвешивающей матрицы, основанной на географическом расстоянии, осуществлялось по следующей формуле (1):

$$W_{ij} = \begin{cases} \frac{1}{d_{ij}}, & \text{где } d_{ij} \text{ — это расстояние между столицами субъектов } i \text{ и } j \\ 0, & \text{если } i = j \end{cases}, \quad (1)$$

Необходимо также отметить, что подобная взвешивающая матрица имеет ограничения по двум причинам. Во-первых, географическое расстояние можно рассчитать не только как евклидово, но и как расстояние по автомобильным дорогам, железным дорогам, как время передвижения от одного центра до другого, можно также учитывать протяженность общей границы соседствующих субъектов. Во-вторых, пространственный лаг может зависеть не только от географического расстояния, но и от социально-экономической дистанции, от торговых потоков между субъектами, от близости институтов, от мощностей экономик граничащих субъектов и многих других факторов.

В данном исследовании для проведения пространственного эконометрического анализа используется базовая матрица, основанная на географических расстояниях, так как не преследуется цель оценить взаимодействие регионов, основанное на конкретном факторе – например, торговых отношениях или политических. Более того, плотность автомобильных дорог и железнодорожных путей в данной работе учитываются как отдельные переменные.

Также в работе рассчитывается бинарная матрица при проведении пространственного анализа, формула которой выглядит следующим образом:

$$W_{ij} = \begin{cases} 1, & \text{если регионы } i \text{ и } j \text{ имеют общую сухопутную границу} \\ 0, & \text{если общей границы нет} \end{cases}$$

Матрица, рассчитанная таким образом, считает пространственно связанными только те субъекты, которые имеют общую границу. В основу этой матрицы закладывается предположение о том, что если регионы граничат между собой, то будут влиять друг на друга, в то время как матрица *расстояний* указывает на то, что, чем ближе регионы друг к другу, тем сильнее она связана в пространстве, то есть учитывается влияние не только регионов-соседей, но и соседей второго, третьего, k-го порядка.

В данном исследовании бинарная матрица использована с целью проверить устойчивость результатов пространственного регрессионного анализа к выбору взвешивающей матрицы. Предполагается, что матрица обратных расстояний более тщательно учитывает взаимосвязь переменных, в то время как бинарная матрица делает предпосылку о наличии пространственной связи между объектами только в том случае, если у них есть общая граница, то есть, если они являются соседями первого порядка.

Возможная пространственная зависимость обычно оценивается с помощью расчета индекса Морана и оценки его значимости. Данный индекс – это статистический показатель для измерения пространственной автокорреляции, который показывает, существует ли кластеризация исследуемых объектов, или они располагаются случайно и независимо друг от друга.

Индекс Морана рассчитывается для зависимой переменной – ВРП на душу населения, по формуле:

$$I(Y) = \frac{\sum_{i,j=1}^n w_{ij}(Y_i - \bar{Y})(Y_j - \bar{Y})}{\sum_{i=1}^n (Y_i - \bar{Y})^2},$$

где: n – число регионов (80)

w_{ij} – элемент взвешивающей матрицы для регионов i и j

Y_i – значение выбранного показателя для региона i

Y_j – значение выбранного показателя для региона j

$\bar{Y}$ – среднее значение наблюдений для выбранного показателя

Данная статистика рассчитывается отдельно для каждого временного промежутка и принимает значение $-1 < I(Y) < 1$. Значимость этой связи проверяется с помощью расчетной z-статистики. Таким образом, при $I(Y) \in (0; 1)$ значимо, существует положительная пространственная зависимость. Следовательно, если в наблюдаемом регионе значение выбранного показателя Y растет, то и в соседних регионах этот показатель будет увеличиваться. Если $I(Y) \in (-1; 0)$ значимо, то существует отрицательная пространственная зависимость. Статистика Морана рассчитывается автоматически в программе RStudio.

Из данной таблицы можно наблюдать, что значение статистики Морана для выборки из всех субъектов является значимым на уровне значимости $\alpha = 1\%$ для всех временных промежутков, кроме 2013 и 2014 годов (в эти периоды показатель значим на уровне значимости $\alpha = 5\%$). Это может быть обусловлено тем, что в 2014 году Россия столкнулась с санкциями, которые негативно влияли на экономику, а также тем, что в данный период имели место тенденции разобщенности регионов, вызванные направленностью региональных политик на защиту местной экономики. Тем не менее, не наблюдаются незначимые оценки индекса, значит, есть основания отклонить нулевую гипотезу о нулевой пространственной зависимости. Индекс представлен положительной величиной, что указывает на положительную пространственную автокорреляцию и наличие кластеризации объектов по показателю ВРП на душу населения.

**Статистика Морана зависимой переменной на полной выборке
по взвешивающей матрице обратных расстояний**

Год	Статистика Морана	p-value
2010	0.064	0.005
2011	0.061	0.007
2012	0.059	0.009
2013	0.051	0.019
2014	0.051	0.019
2015	0.066	0.005
2016	0.080	0.001
2017	0.073	0.002
2018	0.063	0.006
2019	0.062	0.008
2020	0.097	0.0001
2021	0.082	0.0009

Таким образом, если значение ВРП на душу населения в одном субъекте РФ растет, то при наличии положительной пространственной зависимости, значение этого показателя в близлежащих субъектах тоже будет расти. В целом, более сильные регионы России выступают локомотивами для расположенных рядом, побуждая их тянуться за лидером.

Тем не менее, значение индекса Морана по модулю относительно мало (не приближается к единице), что делает обоснованным разделение выборки на европейскую и азиатскую части, так как в западной части России территории субъектов гораздо меньше, чем в восточной. Это можно наблюдать на рисунке (рис. 26). Основываясь на том, что плотность населения в субъектах и разделение труда между субъектами в европейской части выше, чем в азиатской, была выдвинута *гипотеза* о том, что пространственная зависимость будет разной для европейской части России и азиатской.

Так, статистика Морана была рассчитана отдельно для подвыборки западных и восточных субъектов. В западную часть вошли регионы следующих федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский и Приволжский. В восточную часть были включены субъекты Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Разделение выборки на подвыборки обусловлено тем, что российские регионы разделяют на западные (европейские) и восточные (азиатские) по Уральским горам.

Рис. 26. Деление территории РФ на европейскую и азиатскую части

Результаты расчета индекса для европейской части РФ представлены в таблице 5.

Таблица 5

Статистика Морана зависимой переменной для европейской части России по взвешивающей матрице обратных расстояний

Год	Статистика Морана	p-value
2010	0.132	$4.33e^{-6}$
2011	0.130	$9.23e^{-6}$
2012	0.137	$4.37e^{-6}$
2013	0.118	$3.78e^{-5}$
2014	0.115	$5.00e^{-5}$
2015	0.154	$6.02e^{-7}$
2016	0.170	$5.92e^{-8}$
2017	0.158	$3.32e^{-7}$
2018	0.149	$1.43e^{-6}$
2019	0.101	0.001
2020	0.161	$2.64e^{-7}$
2021	0.131	$4.12e^{-5}$

Из таблицы видно, что индекс Морана для всех временных промежутков является значимым на уровне значимости $\alpha = 1\%$ и представляет собой положительную величину на всем наблюдаемом интервале. Следовательно, существует положительная пространственная зависимость между ВРП на душу населения одного наблюдаемого субъекта и соседнего. Необходимо отметить, что для европейской части России значения по модулю выше, чем для полной

выборки по всем субъектам. Для этой территории присуща кластеризация регионов вокруг региона-локомотива и ВРП одного региона в бóльшей степени зависит от ВРП соседних регионов. Нами рассчитана статистика Морана для выборки из субъектов РФ азиатской части (табл. 6).

Таблица 6

Статистика Морана зависимой переменной для азиатской части России по взвешивающей матрице обратных расстояний

Год	Статистика Морана	p-value
2010	-0.029	0.845
2011	-0.030	0.847
2012	-0.033	0.895
2013	-0.033	0.887
2014	-0.024	0.775
2015	-0.012	0.648
2016	0.006	0.471
2017	-0.007	0.595
2018	-0.016	0.684
2019	0.006	0.467
2020	0.066	0.105
2021	0.028	0.293

Из полученных результатов можно заключить, что значение p-value слишком велико, чтобы отвергнуть нулевую гипотезу, в противном случае вероятность ошибочных результатов будет слишком высока. Таким образом, при расчете статистики Морана для азиатской части России нет оснований утверждать о наличии пространственной зависимости между близлежащими регионами и нет возможности интерпретировать полученные результаты. Следовательно, кластеризация и какая-либо пространственная взаимосвязь субъектов по выбранному показателю ВРП на душу населения для азиатской части России не наблюдается.

Таким образом, можно говорить о наличии положительной пространственной зависимости между европейскими регионами России и отсутствии таковой зависимости для регионов азиатской части. Дополнительно статистика Морана была рассчитана для всех факторов, рассмотренных в работе в качестве регрессоров, на полной выборке, чтобы определить, значения каких других показателей региона зависят от таких же показателей соседствующих регионов. Индекс Морана рассчитывался отдельно для каждой переменной за каждый временной промежуток по всем регионам.

Коэффициент пространственной корреляции для регрессоров рассчитывался, чтобы предположить возможное наличие косвенных пространственных

эффектов. Они возникают, если показатель региона i влияет на зависимую переменную (ВРП на душу населения) в регионе j , в том случае, когда наблюдается значимая пространственная зависимость между регионами i и j . Результаты представлены в таблице ниже (табл. 7).

Таблица 7

Статистика Морана объясняющих переменных по взвешивающей матрице обратных расстояний на полной выборке субъектов

	Используемые передовые технологии	Городское население	Инвестиции в основной капитал в текущих ценах	Плотность автомобильных дорог	Уд. вес дом. хоз. с доступом к Интернет	Плотность ж/д путей	Население с высшим образованием
2010	0.13	0.13	0.04	0.28	0.15	0.05	0.05
2011	0.15	0.13	0.03	0.27	0.14	0.05	0.03
2012	0.14	0.13	0.02	0.09	0.09	0.07	0.01
2013	0.13	0.13	0.02	0.10	0.11	0.07	0.00
2014	0.14	0.13	0.02	0.09	0.06	0.08	0.04
2015	0.13	0.13	0.02	0.09	0.05	0.08	0.02
2016	0.13	0.13	0.02	0.09	0.05	0.08	0.00
2017	0.14	0.12	0.02	0.09	0.10	0.08	0.01
2018	0.13	0.12	0.05	0.09	0.06	0.08	0.03
2019	0.12	0.13	0.05	0.09	0.03	0.08	0.11
2020	0.12	0.13	0.04	0.09	0.07	0.08	0.10
2021	0.12	0.13	0.04	0.09	0.07	0.08	0.16
значимость		$P < 0.01$		$P < 0.05$		$P > 0.1$	

Результаты показывают, что такие переменные как «Используемые передовые технологии», «Доля городского населения», «Плотность автомобильных дорог» и «Плотность железнодорожных путей» имеют пространственную зависимость, подтвержденную статистически на уровне значимости $\alpha = 1\%$ в течение всего временного интервала. Значение статистики за каждый год для этих факторов значимое и положительное. Следовательно, чем выше значение показателя в наблюдаемом регионе, тем выше соответствующие показатели в близлежащих регионах. Этому результату есть разумное объяснение: межрегиональные связи и сотрудничество способствуют заимствованию положительного опыта регионов-соседей, что приводит к повышению эффективности в различных сферах деятельности региона.

Во-первых, успешное внедрение современных технологий значительно снижает издержки производства и ведет к увеличению прибыли. Такой опыт одного региона побуждает соседние регионы последовать примеру, чтобы оста-

ваться конкурентоспособными. Эта взаимосвязь способствует созданию динамичной среды, в которой технологический прогресс в одном субъекте стимулирует окружающие субъекты, что приводит к сетевому эффекту технологического развития.

Более того, компании налаживают межрегиональное сотрудничество или имеют филиалы в разных регионах, что также способствует распространению передовых технологий. Во-вторых, тенденция к увеличению городского населения и повышению уровня урбанизации может оказывать влияние на соседние регионы. В-третьих, автомобильные дороги создают единую федеральную сеть, которая соединяет все регионы страны, поэтому развитие дорожной инфраструктуры в одном регионе влияет на связность и доступность соседних регионов.

Следующим шагом после проведения пространственного корреляционного анализа является проведение регрессионного анализа, учитывающего пространственные эффекты при моделировании уровня регионального развития. В данном исследовании используется модификация модели пространственной авторегрессии – SAR.

Данная модель позволяет оценить косвенные пространственные эффекты независимых переменных. Наличие косвенного пространственного эффекта говорит о том, что изменение определенного показателя (независимой переменной) в регионе i приводит к изменению результирующего показателя (зависимой переменной) в регионе j . Таким образом, деятельность региона i в отдельной сфере при наличии прямой пространственной взаимосвязи (пространственного лага) может оказывать влияние на развитие региона j .

Косвенные эффекты, которые рассчитывались в работе ранее, могут быть как отрицательными, так и положительными. Положительный косвенный эффект говорит об увеличении определенного показателя в регионе i приводит к увеличению зависимой переменной в регионе j , то есть наблюдается прямая зависимость. При наличии отрицательного пространственного эффекта зависимость будет обратной.

На данном этапе было построено две регрессионные модели: на основе матрицы обратных расстояний и на основе бинарной матрицы для проверки чувствительности результатов к выбору матрицы (табл. 8). По результатам оценки можно наблюдать, что коэффициент пространственной автокорреляции (spatial rho) является значимым в обеих моделях на уровне значимости $\alpha = 1\%$.

Это свидетельствует о том, что пространственное взаимодействие регионов России на полной выборке действительно существует, а его положительное значение говорит о том, что регион-лидер стимулирует близлежащие регионы к росту, а не стягивает ресурсы и возможности на себя, негативно влияя на соседние территории.

Оценка косвенных пространственных эффектов для зависимой переменной по всем регионам России на основе двух типов матриц

Модель SAR на полной выборке				
	На основе бинарной матрицы (1)		На основе матрицы обратных расстояний (2)	
Показатель	Коэффициент	p-value	Коэффициент	p-value
Используемые передовые технологии	8.247	0.090	3.834	0.035
Городское население	16458.32	0.160	10204.34	0.000
Инвестиции в основной капитал в текущих ценах	0.305	0.001	0.318	0.000
Плотность автомобильных дорог	-162.362	0.522	-246.266	0.120
Удельный вес домашних хозяйств, имевших доступ к сети Интернет	742.655	0.368	-205.273	0.609
Плотность железнодорожных путей	6.319	0.922	20.749	0.679
Население с высшим образованием	10396.14	0.005	9672.304	0.000
Spatial rho	0.567	0.000	0.706	0.000
Наблюдения	960			
Группы	80			
Длина панели	12			

Более того, на пространственную автокорреляцию приходится большая часть вариации данных (56.7% для модели, построенной по бинарной матрице, и 70,6% для модели, построенной по матрице обратных расстояний), что говорит о том, что пространственные эффекты присутствуют для всех регионов Российской Федерации и оказывают влияние на их развитие.

Однако, коэффициент пространственной автокорреляции оказывает более сильное влияние на ВРП регионов в модели, построенной на основе матрицы обратных расстояний. Это может быть обусловлено тем, что матрица обратных расстояний учитывает влияние не только соседей первого порядка (имеющих общую границу) друг на друга, но и соседей второго и следующего порядка в зависимости от расстояния между ними: чем расстояние меньше, тем связь сильнее, но она не бинарная.

С помощью модели пространственной авторегрессии, как было отмечено выше, также можно выявить косвенные пространственные эффекты. Так, моделях, построенных на основе матрицы обратных расстояний и на основе бинарной матрицы, косвенный пространственный эффект при переменной «Инвестиции в основной капитал» является значимым на 1%-м уровне и положительным. Следовательно, при росте этих показателей в одном регионе ВРП близлежащих регионов тоже растет.

Такое влияние инвестиций в основной капитал можно интерпретировать следующим образом: увеличение производственных мощностей в одном регионе может говорить о внедрении новых технологий, которые затем распространяются в соседние регионы, что влечет за собой увеличение ВРП соседних регионов. Инвестиции в основной капитал и расширение производства в одном регионе могут послужить основой для создания производственного кластера, в котором задействованы соседние регионы, чьи ВРП растут вследствие такого взаимодействия. Увеличение производственных мощностей также может генерировать спрос на сырье, услуги или комплектующие из соседних регионов, в результате чего растет количество поставок, а ВРП соседних регионов увеличивается.

Косвенный пространственный эффект при переменной «Доля городского населения» является значимым и положительным в модели, построенной по матрице обратных расстояний. Это может быть связано с тем, что увеличение городского населения в одном регионе стимулирует развитие производства и услуг, расширяет рынки сбыта, что может способствовать появлению новых рабочих мест и увеличению экономической активности в соседних регионах. В модели, построенной по бинарной матрице, его значимость не подтверждается.

В части переменной «Население с высшим образованием» также наблюдается значимый и положительный косвенный эффект для обеих моделей на 1%-м уровне. Можно предположить следующие каналы влияния на ВРП близлежащих субъектов: взаимодействие ВУЗов одного региона и производств соседних регионов посредством исследовательских проектов способствует увеличению ВРП этих регионов.

Помимо этого, регионы с развитой системой высшего образования позволяют получить высокую профессиональную квалификацию не только жителям данного региона, но и близлежащим территориям, студенты которых, после окончания обучения, возвращаются в родной регион – возникновение мультипликативного эффекта.

Переменная «Используемые передовые технологии» также является значимой и положительной как в моделях, построенных на основе матрицы обратных расстояний, так и на основе бинарной матрицы. В модели, построенной по

бинарной матрице, эффект значим на 10%-м уровне, а в модели, построенной по матрице обратных расстояний, значим на 5%-м уровне. Следовательно, можно интерпретировать данный косвенный эффект следующим образом: увеличение числа передовых технологий в одном регионе приводит к росту ВРП соседних регионов - успешное внедрение передовых технологий в одном регионе может служить примером для близлежащих регионов.

Далее аналогичные модели были построены для выборки западных регионов России (табл. 9).

Таблица 9

Оценка косвенных пространственных эффектов для зависимой переменной по подвыборке западных регионов на основе двух типов матрицы

Модель SAR на подвыборке западных регионов				
	На основе бинарной матрицы (1)		На основе матрицы обратных расстояний (2)	
Показатель	Коэффициент	p-value	Коэффициент	p-value
Используемые передовые технологии	8.057	0.21 4	5.305	0.045
Городское население	6412.099	0.01 1	2956.12	0.010
Инвестиции в основной капитал в текущих ценах	0.191	0.00 0	0.212	0.000
Плотность автомобильных дорог	192.597	0.20 3	66.521	0.128
Удельный вес домашних хозяйств, имевших Интернет	282.789	0.51 1	-141.447	0.645
Плотность железнодорожных путей	4.577	0.85 5	-17.133	0.584
Население с высшим образованием	4827.976	0.04 3	1936.134	0.168
Spatial rho	0.692	0.00 0	0.782	0.000
Наблюдения	660			
Группы	55			
Длина панели	12			

Значимый и положительный эффект при переменной «Используемые передовые технологии» наблюдается только в модели, построенной по матрице обратных расстояний. Косвенный эффект при переменной «Население с высшим образованием» остается значимым и положительным только в модели, построенной по бинарной матрице. Неоднозначный косвенный эффект наблюдается при переменной «Доля городского населения». Он является значимым и отрицательным в модели, построенной по бинарной матрице, а в модели, построенной по матрице обратных расстояний, остается значимым и положительным.

Наша интерпретация результата следующая: с одной стороны, городское население одного региона может расти за счет оттока рабочей силы из близлежащих регионов, что негативно сказывается на уровне их развития, а сосредоточение городского населения в крупных регионах может усиливать неравенство: в одних регионах концентрируется рабочая сила, а другие регионы сталкиваются с ее нехваткой, в результате чего снижается их ВРП.

Рост городского населения одного региона может происходить за счет оттока сельского населения из *соседних* регионов, что негативно влияет на уровень их развития. Учитывая, что европейские регионы в целом являются высоко урбанизированными, можно предположить, что продолжающаяся концентрация городского населения, сопровождающаяся ростом социальной напряженности, высокой конкуренцией за рабочие места и т.д., негативно сказывается на развитии региона. Данный отрицательный косвенный эффект имеет место только для тех случаев, когда регионы имеют общую границу.

Положительный косвенный эффект, наблюдающийся в модели, построенной по матрице обратных расстояний, позволяет представить следующую интерпретацию. Рост городского населения в одном регионе, приводя к расширению производства, является положительным примером для близлежащих регионов, где растет ВРП. Можно предположить, что именно для кластера регионов некоторого порядка, отличного от первого, косвенный пространственный эффект от роста городского населения будет положительным, а для регионов с общей границей – отрицательным.

Результаты построенных моделей на выборке регионов европейской части оказались достаточно чувствительными к выбору взвешивающей матрицы. Следовательно, при разработке региональной политики важно четко определить, с какими именно «соседями» — ближайшими или отдаленными — взаимодействует данный регион.

От этого выбора напрямую зависят конкретные политические и экономические меры. Далее были построены модели по двум типам матриц для выборки восточных (азиатских) регионов (табл. 10).

**Оценка косвенных пространственных эффектов для зависимой переменной
по подвыборке восточных регионов на основе двух типов матриц**

Модель SAR на подвыборке восточных регионов				
	На основе бинарной матрицы (1)		На основе матрицы обратных расстояний (2)	
Показатель	Коэфф.	p-value	Коэфф.	p-value
Используемые передовые технологии	11.846	0.343	17.123	0.209
Городское население	37576.4	0.000	19592.89	0.000
Инвестиции в основной капитал в текущих ценах	0.372	0.105	0.598	0.000
Плотность автомобильных дорог	1185.774	0.12	1790.98	0.122
Удельный вес домашних хозяйств с доступом в Интернет	1124.406	0.543	70.669	0.945
Плотность железнодорожных путей	2180.072	0.909	780.185	0.552
Население с высшим образованием	25588.05	0.092	25844.01	0.011
Spatial rho	0.458	0.08	0.668	0.000
Наблюдения	300			
Группы	25			
Длина панели	12			

По результатам оценки моделей SAR, построенных для азиатских регионов, коэффициент пространственной автокорреляции получился значимым и положительным в моделях, построенных как на основе матрицы обратных расстояний, так и на основе бинарной матрицы. При этом для модели, построенной по бинарной матрице, он значим на 10%-м уровне, а для модели, построенной по матрице обратных расстояний – на 1%-м уровне. Несмотря на то, что доля вариации, приходящаяся на пространственную автокорреляцию, снизилась (45.8% для бинарной матрицы и 66,8% для матрицы обратных расстояний), можно говорить о том, что межрегиональные взаимодействия все же оказывают влияние на развитие регионов в данной части России.

В части косвенных эффектов переменная «Доля городского населения» на данной выборке является значимой на 1%-м уровне и положительной в обеих моделях, поскольку эти регионы России не высоко урбанизированные, и при миграции в города этот эффект положительно влияет на рост производства. Положительный косвенный эффект также наблюдается при переменной «Инвестиции в основной капитал» в модели, построенной по матрице обратных расстояний. Также наблюдается значимый и положительный эффект при переменной «Население с высшим образованием» для обеих моделей.

Результаты моделей на выборке восточных регионов в целом не чувствительны к выбору типа взвешивающей матрицы. Исследование эмпирически подтвердило наличие положительной пространственной автокорреляции для ВРП на душу населения с соответствующими показателями в российских регионах. С помощью данной модели обнаружено, что пространственная автокорреляция присутствует на полной выборке регионов России, результаты деятельности одного региона положительно влияют на близлежащие регионы (соседей первого, второго и пр. порядка). Следовательно, имеет смысл внедрять региональные программы, направленные на взаимодействие регионов, нужно воздействовать не точечно на каждый регион, а учитывать сферы деятельности, положительно влияющие на соседей.

При проведении анализа была выявлена значительная неоднородность: эффект силен и устойчив в европейской части России, тогда как в азиатской части он статистически незначим. Однако, регрессионный анализ показал, что коэффициент пространственной автокорреляции на данной выборке также является положительным, но не таким высоким, как в моделях, построенных на полной выборке и на выборке западных регионов. Этот результат является незаурядным и может свидетельствовать о том, что межрегиональное взаимодействие хоть и является менее значительным в контексте развития восточных регионов в сравнении с западными, но все же оказывает положительное влияние на их развитие. Значит, для данных регионов также необходимо учитывать межрегиональные взаимодействия при разработке эффективной региональной политики.

Анализ выявил косвенные значимые положительные косвенные пространственные эффекты для таких факторов как «Население с высшим образованием», кроме модели, построенной по матрице обратных расстояний на выборке западных регионов; «Инвестиции в основной капитал»; «Доля городского населения». Косвенный эффект данной переменной оказался значимым и положительным для восточных регионов по результатам обеих моделей. На подвыборке западных регионов он оказался положительным для матрицы обратных расстояний, но отрицательным для бинарной матрицы. Это может свидетельствовать о том, что увеличение доли городского населения является положительным процессом для региональных экономик в целом.

Таким образом, нами была предпринята попытка «нового» наполнения предложенной М.Д. Шарыгиным теоретической модели системного регионального исследования, в которой органично соединилась методология исследований факторов регионального развития и пространственных эффектов.

2.3. ОСОБЕННОСТИ УРАЛЬСКОГО АГЛОМЕРИРОВАНИЯ ГЛАЗАМИ ПЕРМСКИХ ГЕОГРАФОВ

Рост числа горожан и распространение городского образа жизни ведет за собой трансформацию системы расселения и появление урбанизированных территорий – «больших городов», агломераций, как в России, так и в уральском регионе (в его классических и природных рамках). В дальнейшем для анализа этого процесса выбраны две типичные и примерно одинаковые по уровню развития уральские агломерации: Пермская и Челябинская.

Вопросы изучения городских агломераций давно находятся в фокусе внимания российских ученых (В.Г. Давидович и др.⁹⁵; Г.М. Лаппо⁹⁶; Ю.Л. Пивоваров⁹⁷; Е.В. Антонов⁹⁸; Е.Н. Перцик и др.⁹⁹). Активно проводятся исследования и в настоящее время. Так, например, значительный вклад в развитие теории агломерации был сделан уральскими учеными (Е.Г. Анимица¹⁰⁰; А.А. Победин¹⁰¹; В.В. Большаков¹⁰²; В.А. Скутин и др.¹⁰³). Не обошли стороной данную тематику и пермские географы (А.П. Бурьян¹⁰⁴; П.Н. Чепкасов¹⁰⁵; М.Н. Степанов¹⁰⁶ и др.).

Несмотря на значительную проработку данного вопроса так и не сложилась единого мнения относительно понятия агломерации, подходов к определению ее состава и границ, оценке развития. В научной литературе существует несколько трактовок агломерации. Среди классиков этого направления в нашей

⁹⁵ Давидович В.Г., Гутман Г. В., Лаппо Г.М. Вопросы развития городских агломераций в СССР // Со-временные проблемы географии. М., 1964. 135 с.

⁹⁶ Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с. ; Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Городские агломерации России [Электронный ресурс]. URL: [http:// polit.ru/article/2010/02/16/demoscope407/](http://polit.ru/article/2010/02/16/demoscope407/) (дата обращения: 03.03.2016).

⁹⁷ Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1999. 232 с.

⁹⁸ Антонов Е.В. Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13 (1). С. 180–202.

⁹⁹ Перцик Е.Н. Проблемы развития городских агломераций // Academia. Архитектура и строительство. 2009. №2. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-gorodskih-aglomeratsiy](https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-gorodskih-aglomeratsiy)

¹⁰⁰ Анимица Е. Г. Города горнопромышленной зоны // Города Среднего Урала. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 304 с.

¹⁰¹ Победин А.А. Проблемы развития екатеринбургской городской агломерации // Муниципалитет. Экономика и управление. 2012. №2. С. 48–56.

¹⁰² Большаков В.В. Города-спутники в составе Челябинской агломерации. Проблемы и потенциал // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2014. С. 33–36.

¹⁰³ Скутин В.А. Экономико-географические проблемы расселения в Свердловской городской агломерации: (11.00.02): автореф. дис. ... канд. геогр. наук / АН СССР. Ин-т географии. М., 1975. 31 с.

¹⁰⁴ Бурьян А.П. Трудовые и культурно-бытовые связи в Челябинской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. М., 1970.

¹⁰⁵ Чепкасов П.Н. Спутники города Перми. Экономико-географический очерк Пермской агломерации в связи с проблемами расселения // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Экономическая география. 1966. Вып. 3. №128. С. 5–64.

¹⁰⁶ Степанов М.Н. Развитие поселений-спутников Перми // Города-спутники. М., 1961. С. 78–82с.

стране известны В.Г. Давидович, Г.М. Лаппо и Е.Н. Перцик. По их мнению, городская агломерация это – компактная территориальная группировка поселений (главным образом городских), объединенных многообразными и интенсивными связями (хозяйственными, трудовыми, культурно-бытовыми, рекреационными и др.). В дальнейшем данное определение было уточнено и расширено. Кроме компактной и относительно развитой совокупности взаимодополняющих друг друга городских и сельских поселений с интенсивными связями следует отметить их сложное и динамическое единство. Оно выражается в общих для агломерации рынках (труда, жилья, услуг и пр.), концентрации экономической деятельности с реализацией ежедневных потребностей, обуславливающих доступность экономических, культурно-бытовых, образовательных, рекреационно-оздоровительных связей при помощи транспорта.

В российском экспертном и управленческом сообществе доминирует ошибочная позиция, согласно которой основной инструмент формирования агломераций должен сводиться к административному слиянию малых муниципальных образований с крупным городом-центром. По мнению В.В. Гаевского¹⁰⁷, в основе формирования и существования агломерации должна быть структура управления, сформированная на основе добровольного решения соседних муниципальных образований с целью эффективного управления совместным развитием, реализации межмуниципальных проектов.

С практической и управленческой позиции агломерация это – межрайонная урбанизированная территория. В «Стратегии пространственного развития Российской Федерации» агломерация трактуется как урбанизированная территория, представляющая собой систему расселения, состоящую из города-центра и внешней (пригородной) зоны. Ее границы определяются регулярными и интенсивными трудовыми, производственными, административно-деловыми, торгово-бытовыми, транспортно-логистическими, рекреационными и другими связями города-центра и населенных пунктов внешней зоны. Фактические (не привязанные к административным границам) границы агломерации, как правило, соответствуют изохроне 1,5 – 2,0 часовой транспортной доступности города-центра. Данные критерии актуальны для определения границ агломерации. Однако кроме определения границ агломерации необходимо регулирование ее развития.

В проекте федерального закона «О городских агломерациях» помимо понятия, критериев выделения рассматриваются вопросы управления развитием агломераций, определяется механизм ее юридического создания, состав и пол-

¹⁰⁷ Гаевский В.В. Агломерации России как объект государственного управления // Развитие городских агломераций. Аналитический обзор / Министерство регионального развития Российской Федерации. Вып. 2. С. 6–42.

номочия органов управления, порядок принятия комплексного плана развития, а агломерация трактуется как территория городского округа либо городского округа с внутригородским делением, либо города федерального значения, объединенная с территориями иных муниципальных образований устойчивыми социальными, экономическими и хозяйственными связями.

Модель управления агломерацией может быть смешанной (координационной). При такой модели одновременно существует и межмуниципальное сотрудничество, и направляющие решения со стороны региона. В устройстве органов управления одновременно предусмотрены межмуниципальный Координационный совет и Комиссия высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ по вопросам развития городских агломераций. Координационный совет непосредственно осуществляет управление городской агломерацией, а Комиссия осуществляет общую координацию развития городских агломераций на территории субъекта РФ (в том числе, если их несколько).

В России уже есть опыт поддержки развития крупных агломераций за счет стимулирования договорного характера взаимодействия муниципалитетов с городами-ядрами. Однако правовая и законодательная база находится в стадии формирования.

Исходя из реалий, в России можно выделить несколько моделей управления (А.В. Одинцова¹⁰⁸; Е.М. Бухвальд¹⁰⁹), а для Челябинской и Пермской агломераций актуальны следующие:

1) вертикальная модель (прямое региональное управление) может быть необходима если в состав агломерации входит один городской округ с сильными специалистами и несколько муниципальных округов с острым дефицитом специалистов и финансов;

2) горизонтальная модель (межмуниципальное сотрудничество без координации со стороны региона), актуальна в том случае, если муниципальные образования в составе городской агломерации политически активны и примерно сопоставимы по уровню кадровой и финансовой обеспеченности.

Несмотря на длительную теоретическую проработку данной тематики, интерес к ней со временем повышается. Процессы агломерирования в России в XXI веке приобретают новые черты, проблемы и возможности.

В настоящее время встречается несколько методик выделения агломераций, делимитации границ и оценки уровня их развития. Они, как правило, отражают интегральные индексы на основе частных показателей. В дальнейшем эти методики будут положены в основу исследования Пермской и Челябинской агломераций.

¹⁰⁸ Одинцова А.В. Проблемы развития агломераций в России // Федерализм. 2021. № 2. С. 65–83.

¹⁰⁹ Бухвальд Е.М. Агломерации и проблемы их законодательного регулирования // Жилищные стратегии. 2021. № 1. С. 11–26.

Выбранные уральские агломерации имеют сходства и различия. Обе агломерации сформировались как индустриальные на базе городов-миллионеров. Влияние агломерационного ядра проявляется в следующем:

- 1) транспортная доступность и интенсивность передвижений внутри рассматриваемой территории;
- 2) взаимосвязи места проживания с основными местами приложения труда;
- 3) плотности сети населенных пунктов и их привлекательности с точки зрения размещения нового жилищного строительства;
- 4) наличие центров административного и общественного обслуживания, культурно-бытовых и рекреационных возможностей.

Процесс агломерирования здесь начался почти в одно время. Особый интерес к агломерациям проявился после 2007 года, когда Министерством регионального развития и Министерством экономического развития был взят курс на крупные городские агломерации, которые должны стать частью долгосрочной стратегии развития России. Было выбрано 20 агломераций, в числе которых оказались Пермская и Челябинская. Предварительная работа по формированию последних началась с 1960-х гг., а официальный статус агломераций они получили с 2014 по 2017 год.

Одним из первых диссертационных исследований была работа А.П. Бурьян по Челябинской агломерации¹¹⁰. Вопросы Челябинского агломерирования рассматривались в работах В.В. Большакова¹¹¹, В. Глазычева, И. Стародубровской¹¹², А. В. Шмидта, В. С. Антонюка, А. Франчини¹¹³.

Интерес к Пермской агломерации проявлялся с 70-х годов прошлого века (М.Н. Степанов¹¹⁴, А.П. Бурьян и А.М. Коробейников¹¹⁵). Делимитацию Пермской агломерации провел П.Н.Чепкасов¹¹⁶. Его работы, сделанные на материалах 1963–1965 гг., особенно актуальны через полвека, и, по-видимому, будут

¹¹⁰ Бурьян А.П. Трудовые и культурно-бытовые связи в Челябинской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. М., 1970.

¹¹¹ Большаков В.В. Города-спутники в составе Челябинской агломерации. Проблемы и потенциал // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2014. С. 33–36.

¹¹² Челябинская агломерация. Потенциал развития / В. Глазычев, И. Стародубровская и др. Челябинск, 2008. 278 с.

¹¹³ Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 776–789.

¹¹⁴ Степанов М.Н. Развитие поселений-спутников Перми // Города-спутники. М., 1961. С.78–82с.

¹¹⁵ Бурьян А.П., Коробейников А.М. Территориальная организация, основные тенденции и перспективы развития Пермской агломерации // Территория и общество: межвед. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1996. С. 90–105.

¹¹⁶ Чепкасов П.Н. Спутники города Перми. Экономико-географический очерк Пермской агломерации в связи с проблемами расселения // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Экономическая география. 1966. Вып. 3. №128. С. 5–64.

востребованы в будущем. Сегодня данная тематика представлена в работах С.А. Меркушева, Р.С. Николаева¹¹⁷, О.Б. Ганина¹¹⁸.

Формирование Челябинской и Пермской агломераций

Челябинск оказался первым городом не только по внедрению реформы местного самоуправления, но и одним из лидеров страны по созданию городской агломерации. В 2014 г. заявка южноуральской столицы была поддержана Министерством регионального развития РФ и вошла в перечень пилотных проектов по развитию агломераций, но Формирование агломерации началось в конце 1990-х г. и прошло несколько этапов со сменой тенденций и принципов регулирования.

I этап (2007–2008) - научные исследования. В 2007 году была начата работа по разработке концепции Челябинской агломерации. Проект не был поддержан губернатором, но по итогам этой работы была опубликована монография¹¹⁹.

II этап (2014–2020) межмуниципальное сотрудничество. В апреле 2014 г. подписано межмуниципальное Соглашение о приоритетных направлениях взаимодействия между 7 муниципальными образованиями и Соглашение о создании Челябинской агломерации (от 24.06.2014 г. № 52/6). В ее состав входило 7 муниципальных образований, среди них городской округ с внутригородским делением.

Однако, указанное Соглашение прекратило свое действие в 2020 году, в связи с чем в управлении Челябинской агломерации следует отметить нестабильность. С 2014 по 2020 год действовала «горизонтальная модель» управления путем межмуниципального сотрудничества с активной поддержкой региональных властей. Были разработаны стратегия социально-экономического развития агломерации и схема территориального планирования. Стратегия развития Челябинской агломерации является логическим продолжением Стратегии социально-экономического развития Челябинской области до 2035 года.

Для развития урбанизированной территории важно понимать, что создание агломерации не подразумевает слияние территорий. На практике это означает, что люди смогут пользоваться инфраструктурными объектами без замены каких-либо документов и прав собственности. В 2015 г. был создан основ-

¹¹⁷ Меркушев С.А., Николаев Р.С. О развитии Пермской агломерации// Индустриальная цивилизация: прошлое или будущее России? Материалы III Пермского конгресса ученых-экономистов. Том 2. 2017. 8 с.

¹¹⁸ Ганин О.Б. «О потенциале развития пермской агломерации» URL: <https://www.business-class.ru/news/2020/03/08/ekspert-rasskazal-business-class-o-potenciale-razvitiya-aglomeracii-v-permskom-krae>.

¹¹⁹ Челябинская агломерация. Потенциал развития / В. Глазычев, И. Стародубовская и др. Челябинск, 2008. 278 с.

ной управляющий орган – «Координационный совет муниципальных образований Челябинской агломерации». Участниками ассоциации были муниципальные образования в составе Челябинской агломерации, региональные органы юридически не участвовали. В 2020 г. данная ассоциация была ликвидирована и курс развития агломерации изменился.

III этап (декабрь 2019 – 2020.) "транспортная реформа". Согласно действующей Комплексной схеме транспортного обслуживания населения Челябинской агломерации (2021 г.) в состав агломерации входят три образования: Челябинск, Копейск и Сосновский муниципальный район. В настоящее время в агломерации представлена «вертикальная модель» – прямое региональное управление на основе перераспределения муниципальных полномочий в пользу региона (но только в сфере транспорта). В это время происходит переход к прямому региональному управлению в сфере транспорта путем перераспределения полномочий. Сфера управления агломерацией стала пониматься более узко, как *транспортная* агломерация.

Работа по организационному оформлению **Пермской городской агломерации** так же имеет длительную историю и прошла три этапа.

I этап (2000–2017) – разработка и корректировка документов, инвентаризация существующих промышленно-инвестиционных площадок.

В 2010 году в Мастер-плане Перми были обозначены примерные границы Пермской агломерации и были даны рекомендации по ее развитию. Однако начало становлению *системы управления* Пермской агломерации было положено в 2015 году, когда была создана рабочая группа по социально-экономическому развитию Пермской городской агломерации при губернаторе Пермского края.

В 2016 году было подписано Соглашение о взаимодействии правительства Пермского края с муниципальными образованиями в рамках создания и развития Пермской агломерации. На первом этапе становления агломерации была представлена вертикальная модель управления. Она предполагает прямое региональное управление городской агломерацией на основе перераспределения полномочий от муниципальных образований к региону. В Пермской агломерации предполагалось создание Координационного совета как ассоциации, однако в дальнейшем от этой идеи решили отказаться. Формирование Координационного совета при Совете муниципальных образований необычно – насколько известно, это единственный случай среди агломераций городов-миллионеров. В это время была разработана Концепция социально-экономического развития Пермской агломерации до 2030 года с перспективой

до 2037 года. Документ определяет векторы развития территории Пермской агломерации, описывает цели, задачи, ожидаемые результаты, якорные инвестиционные проекты.

II этап (2017–2023) – оформление агломерации.

В это время создан Координационный совет по вопросам развития Пермской агломерации при Совете муниципальных образований. В агломерации полномочия были перераспределены значительно в связи с положениями координационной модели. Совет является совещательным органом, а также как юридическое лицо выступает заказчиком при реализации межмуниципальных проектов.

На стадии формирования концепции развития Пермской городской агломерации в ее состав включается город Пермь и Пермский район. Однако уже в таком составе Пермская городская агломерация является крупной уральской агломерацией. Далее осуществляется создание совместных (межмуниципальных) объектов транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры, координация градостроительной политики Перми и Пермского района, создание новых кластеров, промышленных парков, транспортно-логистических комплексов на въездных направлениях. В рамках федерального проекта «Чистая вода» был построен межмуниципальный водовод «Пермь – Краснокамск», благодаря которому выросла надежность водоснабжения правобережной части Перми и Краснокамска. Спортивные объекты Пермского района, в том числе Красавинский Дворец спорта.

III этап (с 2023 г.) – развитие агломерации.

Летом 2023 г. губернатор Прикамья инициировал перераспределение полномочий между администрацией Перми и Пермским краем, что предполагает передачу региональным органам властям полномочий в таких сферах, как образование (осуществление функций по назначению и увольнению руководителей муниципальных образовательных организаций); градостроительная деятельность (распоряжение земельными участками и земельный контроль); торговая деятельность и реклама (утверждение схемы рекламных конструкций на земельных участках независимо от форм собственности, проведение торгов и заключение договоров); теплоснабжение, водоснабжение и водоотведение, обращение с отходами производства и потребления и других. Перераспределение полномочий предусмотрено на неограниченный срок с 1 января 2024 г. с финансированием за счет бюджета края и государственно-частного партнерства. Следует отметить позитивный опыт Пермского края в части применения этих механизмов.

Третий этап продлится до 2030 года. На этом этапе планируется повысить «транзитность» Пермской городской агломерации, вывести старые промышленные предприятия за пределы центра, восстановить и включить в экономическую деятельность промышленные зоны на периферии, сформировать в пределах агломерации новую городскую среду – парки, зоны отдыха, спортивные и досуговые центры.

Основным экономическим фактором развития Пермской городской агломерации стала реализация кластерной политики, направленной на поддержку точек роста городской экономики – территориальных кластеров инновационной направленности. Агломерация призвана обеспечить транспортную и социальную связность, а также единое пространство публичной услуги для обеспечения наиболее комфортного функционирования предприятий, входящих в кластеры. Это способствовало формированию на территории Пермской агломерации шести инновационных и производственных кластеров, двух индустриальных парков и двух технопарков в сфере высоких технологий.

Стоит отметить, что вопросы о развитии и управлении Пермской агломерации активно поддерживались тремя губернаторами Пермского края В.Ф. Басаргиным, М.Г. Решетниковым, Д.Н. Махониным, главами города Перми П.А. Демкиным, Э. О. Сосниным.

Анализируя развитие уральских агломераций, следует отметить как общие, так и специфичные черты. Они относятся относительно численности населения и занимаемой площади к крупнейшим российским агломерациям. Так как состав их по времени меняется, будем анализировать два варианта: «малая» и «большая» агломерация.

Определение границ агломераций

При проведении границ городских агломераций используются индивидуальные и унифицированные методики. Первые определяют территорию конкретной агломерации, для которой разрабатывается концепция или стратегия долгосрочного развития. Данная методика позволяет решить задачу делимитации максимально точно, но затрудняет сравнительный анализ агломераций из-за отсутствия единых алгоритмов делимитации.

Методики второго типа универсальны. Они разрабатываются для большинства агломераций макрорегиона или страны. Их цель – упорядочение статистического учета (выделяемые агломерации становятся ячейками для сбора и обобщения статистической информации) или определение объектов государственной поддержки в рамках политики интенсификации развития «точек роста» страны. Эти методики базируются на статических и геоинформационных данных по всем территориям.

Установление границ агломерации имеет свое целеполагание и подходы:

1) *административный* («экономический») – определение границ агломераций путем разделения урбанизированных и сельских территорий с использованием административных границ;

2) *морфологический* – выделение территории агломерации как непрерывной зоны населенных пунктов;

3) *функциональный* – территория агломерации определяется как область взаимодействия между ядром и периферийной территорией, состоящей из соседних муниципальных образований;

4) *сетевой* – установление границ агломерации с учетом определения нескольких ядер первого порядка и функциональных связей между ними;

5) *альтернативный* – оценка пространственных различий не только в расселении и застройке, но и в экономических категориях, как производительность труда, степень концентрации промышленности и сферы услуг, мультипликативные эффекты и т.п.

Разница подходов и методов затрудняет проводить делимитацию агломерации, хотя они обладают определенной универсальностью. В делимитации агломерации чаще всего используются методики *Института географии РАН*¹²⁰, *ЦНИИП градостроительства*¹²¹ и *унифицированную методику делимитации городских агломераций*¹²².

На первом этапе во всех случаях необходимо выделить *ядро агломерации* (идентификация ее ядра – населенного пункта, достаточно крупного и экономически развитого, чтобы «собрать» вокруг себя агломерацию). При выделении ядра агломерации следует учитывать численность населения центрального города, плотность населения, долю занятых в экономике, непрерывность застройки, уровень экономической активности.

На втором этапе проведение *границ агломерации* происходит на основе транспортной доступности, предельной площади территории агломерации, слитности застройки и др.

Далее следует выделение *периферийной территории*, определяется количество городских поселений-спутников, численность и плотность населения в них, временная доступность, доля населения, занятого в сельском хозяйстве, доля населения городских населенных пунктов на периферийной территории,

¹²⁰ Лаппо Г., Полян П., Валиванова Т. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1 С. 45–52.

¹²¹ Листенгурт Ф.М. Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1975. №1. С. 48–60.

¹²² Полян П.М., Заславский И.Н., Наймарк Н.И. Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик. Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988. С. 26–40.

производственная и коммуникационная связанность и инфраструктура, функциональное разделение труда между поселениями. После чего определяется *реальное взаимодействие* (связность) рассматривается интенсивность различных потоков и связей (инфраструктурных, экономических и трудовых), в том числе интенсивность маятниковых трудовых миграций и культурно-бытовых поездок между ядром и населенными пунктами-спутниками.

В каждой методике количественные характеристики индикаторов устанавливаются индивидуально.

Границы **Челябинской агломерации** проводились по ряду основных принципов:

- 1) транспортная доступность и интенсивность передвижений внутри рассматриваемой территории;
- 2) взаимосвязи места проживания с основными местами приложения труда;
- 3) плотности сети населенных пунктов и их привлекательности с точки зрения размещения нового жилищного строительства;
- 4) наличие центров административного и общественного обслуживания, культурно-бытовых и рекреационных возможностей.

Делимитация Челябинской агломерации была проведена и с учетом практических целей для формирования системы управления агломерационным развитием. За пороговое значение транспортной доступности был принят 1 час, что примерно соответствовало 1,5 часа в часы пик. Новое – методом полевых наблюдений на основных магистралях Челябинска и пригородной зоны был проведен анализ размещения наружной рекламы. Кроме того, для территории агломерации характерна сложность рельефа и необходим фактор естественных барьеров.

Границы агломерации, выделенные в ходе данного исследования, не были привязаны к границам муниципальных образований: одни муниципальные районы, окружающие Челябинский городской округ, были отнесены к агломерации целиком, другие – частично.

В Стратегии социально-экономического развития Челябинской области на период до 2035 г. эти границы были расширены до границ соответствующих муниципальных образований, плюс к ним была добавлена территория Кунашакского муниципального района, которая по итогам исследования не входила в агломерацию даже частично.

Научно обоснованное выделение первоначальных границ агломерации способствует ее становлению и институциональному оформлению на основе сетевого принципа: развитие агломерации на базе развития г. Челябинска.

Первоначально в состав агломерации входило 7 муниципальных образований: Челябинский и Копейский городские округа и 5 муниципальных районов –

Коркинский, Еманжелинский, Красноармейский, Сосновский, Еткульский, а в настоящее время ее рамки сузились до 3 муниципальных образований – Челябинский и Копейский ГО и Сосновский МО (рис. 27-а). Учитывая транспортную доступность и систему расселения к агломерации следует отнести Аргаяшский и Кунашакский муниципальные образования.

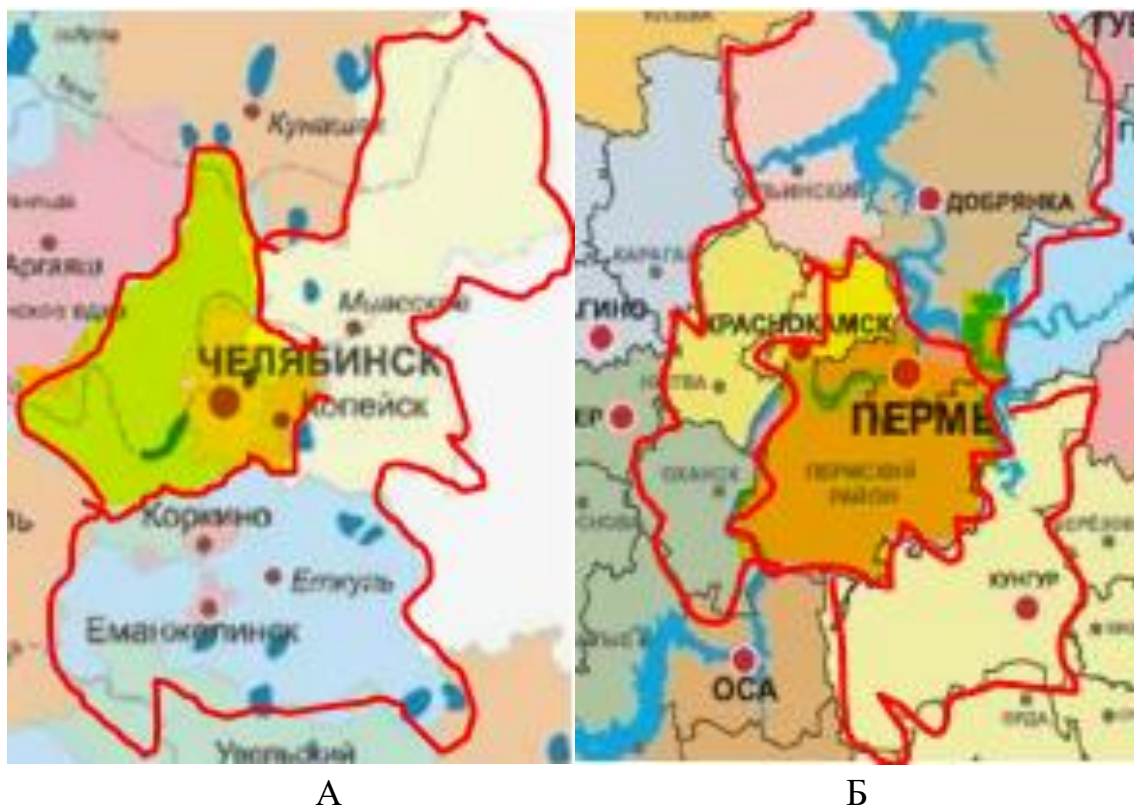

Рис. 27. Состав Челябинской (а) и Пермской (б) агломераций

Для формирования границ **Пермской агломерации** применялась методика института географии РАН, предполагающая:

- 1) выделение агломерации по населенным пунктам по критерию временной доступности до ядра (1,5-часовая доступность от ядра + 0,5-часовая от больших и средних городов-спутников;
- 2) уровень развития – коэффициент развитости не менее 1,0 (для крупногородских).

Кроме того, необходимо учитывать тесноту связей центра и периферии, плотность застройки, миграционные потоки ядро-периферия. Однако они коррелируют с транспортной и временной доступностью и развитием внешней зоны (*Краз*).

Юридически в состав Пермской агломерации первоначально входили два муниципальных образования: город Пермь и Пермский муниципальный район

(согласно Соглашению 2016 г.). На следующем этапе развития дополнительно вошли городские округа Краснокамск, ЗАТО Звездный (рис. 25-б).

В дальнейшем при реализации транспортных проектов в состав агломерации включили Добрянский, Нытвенский, Оханский, Кунгурский, Ильинский городские округа. Проект такого состава агломерации был обоснован П.Н. Чепкасовым еще в 1966 г.

Здесь также выделяется «малая» (ГО: Пермский и ЗАТО Звездный и МО: Краснокамский и Пермский) и «большая» агломерация (в него вошли МО: Нытвенский, Оханский, Кунгурский, Добрянский, Ильинский).

Для обеих агломераций характерна нестабильность их состава, границ. Это, прежде всего, обусловлено практической направленностью развития и управления их территорией. Научные наработки становятся в противовес практическим действиям, а отсутствие четкого алгоритма управления и разработанной законодательной базы приводит к стихийности, пробам и ошибкам.

Оценка системы расселения и роли ядра в данных агломерациях

При анализе использовалось несколько методических подходов, при которых рассчитывались следующие индексы.

*а) Индекс агломеративности*¹²³ – отношение численности городского населения внешней зоны к городскому населению всей агломерации определяется по формуле 1:

$$I_a = P/P_a, \quad (1)$$

где I_a – отношение населения городов-спутников к общей численности населения агломерации;

P – численность населения городов-спутников;

P_a – численность населения агломерации.

Данный индекс характеризует уровень урбанизации и при значении более 0,1 считается, что агломерационные процессы проходят нормально и территория может претендовать на формирование агломерации.

¹²³ Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф. 2014. С.346.

б) Коэффициент развитости¹²⁴, рассчитанного по формуле 2:

$$K_{разв} = P(M \times m + N \times n), \quad (2)$$

где $K_{разв}$ – коэффициент развитости;

P – численность населения городской агломерации (млн чел.);

M – число городов в городской агломерации;

N – число поселений городского типа в городской агломерации;

m – доля численности населения городов в численности населения городской агломерации;

n – доля численности населения поселения городского типа в численности населения городской агломерации.

$K_{разв}$ учитывает людность и структуру распределения населения в городских населенных пунктах, рассчитывается на основе численности городского населения агломерации и спутниковой зоны. Для признания агломерации сформированной он должен быть не меньше 1,0.

в) Коэффициент агломеративности¹²⁵, как и предыдущий коэффициент характеризует сформированность и развитость внешней среды. Подсчитывается как плотность сети городских поселений, отнесенная к среднему кратчайшему расстоянию между ними и рассчитывается по формуле 3:

$$Ka = (N / S) \times L, \quad (3)$$

Где Ka – коэффициент агломеративности;

N – число городских населенных пунктов на территории агломерации;

S – площадь территории агломерации, кв км;

L – кратчайшее расстояние между городскими пунктами.

В Челябинской агломерации в расширенных границах проживает более 1,6 млн. человек (47,1% населения области), 74% которых живет в центре. Причем темпы роста населения по сравнению с 2015 г. составили 102% (табл. 3). Население Челябинска в 2024 г. составляло 1 243,8 тыс. чел., в остальных городах агломерации проживает порядка 214,1 тыс. чел., из которых лидируют Копейск (151,8), Коркино (34,0) и Еманжелинске (28,2). Площадь составляет 9,5 тыс. км². Средняя плотность населения в агломерации – 168,3 чел./км² (по области – 38,4 чел./км²). На территории агломерации расположено 9 городских и 215 сельских населенных пунктов со средней людностью 7151 чел.

¹²⁴ Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. №1. С. 45–52.

¹²⁵ Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. №1. С. 45–52.

Параметры развития Пермской и Челябинской агломераций в 2024 г.

№	Показатели	Пермская агломерация		Челябинская агломерация	
1	2	3	4	5	6
1.	Год образования, год	2016 «малая» агломерация	Перспектива «большая» агломерация	2014 «малая» агломерация	Перспектива «большая» агломерация
2.	Состав	ГО: Пермский, Краснокамский. МО: Пермский	ГО: Пермский, Краснокамский Добрянский, Нытвенский, Кунгурский, Оханский Ильинский МО Пермский	ГО: Челябинский Копейский МО: Сосновский	ГО Челябинский Копейский, Коркинский, Еманжелинский, Еткульский, МО: Сосновский, Краноармейский
3.	Численность населения, тыс. чел.	1287,7	1450,9	1417,2	1602,1
4.	Темпы роста численности населения, % от года образования	0,98	101,3	103,1	102,1
5.	Доля населения города-центра, %	80,6	70,7	83,4	74,4
6.	Доля населения агломерации в субъекте, %	51	57,8	41,7	47,1
7.	Площадь, кв.км	5610	21502	2928	9511
8.	Число населенных пунктов, г/с	3/297	11/1000	2/85	9/215
9.	Плотность населения, чел. кв.км	229,9	67,5	488,7	168,3
	Протяженность дорог, км	4653	6495	2775,4	4409,3
10.	Плотность дорог, км/кв.км (0,18)	0,85	0,33	0,94	0,46
11.	Удаленность от центра города, км	36,1	58,2	21,3	32,3
12.	Специализация хозяйства	Химическая промышленность, нефтехимия, энергетика, цветная металлургия, деревопереработка, авиационное машиностроение		Горнодобывающая промышленность, тяжелое машиностроение, черная и цветная металлургия	

13.	Коэффициент агломерированности, ед.	0,021	0,029	0,014	0,030
14.	Индекс агломерированности, ед.	0,05	0,10	0,11	0,16
15.	Коэффициент развитости, ед.	3,0	12,3	2,8	2,6
16.	Демографическая ситуация, балл	0,90	0,8	0,70	0,53
17.	Экономика и уровень благосостояния населения, балл	0,76	0,60	0,95	0,85
18.	Социальная сфера (уровень жизни), балл	0,8	0,67	0,82	0,71
19.	Здравоохранение, балл	0,85	0,65	0,90	0,96
20.	Образование, балл	0,8	0,9	0,75	0,8
21.	Культура, балл	0,6	0,9	0,72	0,5
22.	Жилищные условия, балл	0,9	0,8	0,90	0,97
23.	Торговля и общественное питание, балл	0,8	0,7	0,9	1,0
24.	Транспорт, инфраструктура, балл	0,65	0,5	0,6	0,48
24.	Безопасность и охрана порядка, балл	0,71	0,65	0,7	0,6
26.	Экологическая безопасность, балл	0,72	0,68	0,72	0,67
27.	Коэффициент устойчивого развития, балл	0,69	0,71	0,84	0,70

*При расчете показателей агломераций использовались материалы Территориального органа Федеральной статистики по Пермскому краю и Челябинской области за 2015 и 2024 гг.

Показатели, характеризующие процесс агломерирования (*Ia* – 0,16; *Kраз* – 2,6; *Ka* – 0,03, см. табл.) демонстрируют ее сформированность. Отношение численности городского населения внешней зоны к городскому населению всей агломерации составляет 25,6%. Внешняя среда агломерации на основе анализа людности и структуры распределения населения в городских населенных пунктах-спутниках и ядре отличается сформированностью и развитостью. Единственный критерий, характеризующий развитость внешней среды на основе

плотности сети городских поселений и среднего кратчайшего расстояния между ними, не вписывается в рамки сформированности (0,03 вместо 0,1).

Рассматривая реально существующую и институционально оформленную агломерацию (в составе 3 образований), ее характеристики (*Ia* – 0,11; *Краз* – 2,82; *Ka* – 0,014, см. табл.), отметим более высокий уровень сформированности, более высокую плотность и доступность территории, тесные связи ядра и периферии, создание единого общественного пространства.

Пермская агломерация расположена на площади 21,5 тыс. км². Численность населения – 1450,9 тыс. чел. (57,8%), из которых 70,7% проживает в центре (1026,9 тыс. чел.). В 2024 г. в Добрянке проживало 28,3, в Краснокамске – 51,9, в Нытве – 16,2, в Оханске – 6, в Чермозе – 2,8, в Кунгуре – 61,6 тысяч человек. Демографическая ситуация не отличается большой подвижностью. По сравнению с 2015 годом численность населения увеличилась на 1%, прежде всего за счет периферии.

Анализируя систему расселения агломерации, следует отметить ее мелко-селенность, невысокую плотность населения 67,5 чел./км² (по краю – 15 чел./км²). В агломерации 11 городских и 1000 сельских населенных пунктов, средняя людность которых 1305 чел., что в 5 раз ниже, чем в Челябинской агломерации.

Результаты сформированности агломерации: *Ia* – 0,10; *Краз* – 12,3; *Ka* – 0,029 (см. табл.) соответствуют предъявляемым критериям, однако внешняя зона характеризуется сосредоточением населения около центра агломерации.

Рассматривая институционально оформленную агломерацию (в составе 3 образований) следует отметить, что ее рассчитанные характеристики (*Ia* – 0,05; *Краз* – 3,0; *Ka* – 0,021, см. табл.) демонстрируют более высокую плотность и доступность территории, тесные связи ядра и периферии, создание единого общественного пространства. Однако система расселения не отличается совершенством. Ядро притягивает к себе большую часть населения, где и так проживает более 80% населения агломерации, превращая периферию в пригород со спальными районами, соответственно повышая нагрузку на периферийную территорию. Данный вариант агломерации, выделенный на основании административного ресурса с дальнейшим объединением в единое муниципальное образование, не соответствует основным ее критериям.

Система расселения, особенности центра и внешней зоны, удаленность от центра в обеих агломерациях сходны. Среди различий можно отметить более высокий уровень урбанизации, меньшее число городских и сельских населенных пунктов с большей людностью в Челябинской области. Это обусловлено меньшей площадью и спецификой промышленного производства региона.

Оценка уровня развития городской агломерации

Оценка развития городских агломераций как правило проводится на основе показателей, характеризующих целостность, сформированность и развитость городской агломерации (общая численность городского населения агломерации, плотность населения, доля занятых в экономике, доля инвестиций в основные фонды, плотность автомобильных дорог), а также интегральные показатели, в частности, коэффициенты развитости и агломеративности. Существуют методики комплексной оценки агломерации на основе частных показателей¹²⁶.

О.Н. Цапиевой, Д.А. Деневизюк и М.М. Агарагимова¹²⁷ предлагают методику *интегральной оценки устойчивого развития территории*.

На наш взгляд, комплексная оценка развития городской агломерации должна включать демографические, социальные, экономические, экологические, институциональные показатели и отображать ее устойчивость (способность региона сохранять и повышать значение необходимых параметров качества жизни населения в пределах определенного уровня безопасности).

После отбора индикаторов развития стоит рассчитать соответствующие унифицированные показатели и выявить их влияние и направленность, определить связан ли статистический показатель соответствующей подсистемы с интегральным показателем возрастающей или убывающей зависимостью, на основе чего разрабатывается его удельный вес, например:

$I_{\text{экон}}$ – экономическая подсистема – 0,25;

$I_{\text{соц}}$ – социально-демографическая подсистема – 0,25;

$I_{\text{инфр}}$ – подсистема инфраструктуры – 0,2;

$I_{\text{прир}}$ – природно-экологическая подсистема – 0,2;

$I_{\text{уп}}$ – институциональная подсистема – 0,1;

Обобщающий показатель каждой подсистемы рассчитывается из стандартизированных значений по формуле 5:

$$I_i = \frac{1}{m+k} \left[\sum_{j=1}^m I_{ij}^{(\text{поз})} + \sum_{j=1}^k I_{ij}^{(\text{нег})} \right], \quad (5)$$

где I_i – интегральный показатель соответствующей подсистемы;

m – число позитивных показателей;

k – число негативных показателей;

¹²⁶ Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломераций. На примере Московской агломерации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 44 с.

¹²⁷ Цапиева Д.А. Агарагимова М.М. Интегральная оценка устойчивого развития города // Экономический анализ: теория и практика. 2007. №20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integralnaya-otsenka-ustoychivogo-razvitiya-goroda> (дата обращения: 06.02.2024)].

$I_{ij}^{(noz)}$ – стандартизированное значение j -го позитивного показателя для i -той подсистемы;

$I_{ij}^{(neg)}$ – стандартизированное значение j -го негативного показателя для i той подсистемы.

В итоге, сам Индекс устойчивого развития представляет собой линейную функцию (6):

$$I_{ург} = \sum_{i=1}^n w_i \cdot I_i, \quad (6)$$

где $I_{ург}$ – индекс устойчивого развития агломерации;

I_i – интегральный показатель соответствующей подсистемы;

n – подсистемы (природная, экономическая, социальная, демографическая, институциональная)

w_i – весовой коэффициент соответствующей подсистемы, удовлетворяющий условиям:

$$w_i \geq 0, \quad \sum w_i = 1.$$

В развернутом виде данную оценку можно представить формулой (7):

$$I_{ура} = (I_{урсд} \times w_c + I_{урэ} \times w_э + I_{урэл} \times w_{эл} + I_{уруп} \times w_{уп}), \quad (7)$$

где $I_{ура}$ – устойчивое развитие агломерации,

$I_{урсд}$ – устойчивое развитие социальной составляющей (доступность социальных услуг, доходы населения, обеспеченность жильем, здоровье, темпы роста численности населения);

$I_{урэ}$ – устойчивое экономическое развитие (ВВП агломерации, уровень занятости, рентабельность предприятий, инвестиции);

$I_{урэл}$ – устойчивое состояние экологической среды (уровень загрязнения окружающей среды, антропогенная нагрузка);

$I_{уруп}$ – эффективность управления (выполнение бюджета, инвестиционная привлекательность).

В связи с тем, что агломерация находится на переходном институциональном этапе становления, статистика по отдельным населенным пунктам отсутствует, и при расчетах используется информация по муниципальным образованиям.

В идеальном варианте, где все социальные, экономические, экологические и институциональные показатели достигают наилучших значений, индекс устойчивого развития ($I_{ур}$) стремится к 1. Это будет означать, что агломерация достигла идеального баланса и сочетания устойчивого социального прогресса, экономического развития и экологической ответственности. Расчет индекса

позволяет оценить различные аспекты развития агломерации, выявить его дисбаланс, способность противостоять внешним и внутренним стрессам и поддерживать стабильное функционирование на долгосрочной основе.

Проведенные нами исследования позволили провести оценку развития выбранных агломераций.

Рассмотрим основные показатели социально-экономического развития г. Челябинска и Челябинской области. Центром одной агломерации является *Челябинск* – крупный транспортный узел (железные и автомобильные дороги, аэропорт) и один из крупнейших промышленных городов России с многопрофильной отраслевой структурой хозяйства (см. табл.). Занимая всего 0,52% общей площади области, он сформировал агломерацию центростремительного типа развития, на которую приходится около 20% территории и 47% населения области. В агломерации создается около 40% промышленной продукции области (в т. ч. 36% – в Челябинске).

В рамках агломерации существуют различия между муниципальными образованиями. Промышленность большинства городов-спутников (г. Копейск, г. Коркино, г. Еманжелинск) и их поселков возникла при освоении бурого угольного бассейна в начале XX века. Активная промышленная добыча угля началась в 1930 гг. Интенсивное освоение природных ресурсов, игнорирование требований охраны окружающей среды привели к значительным нарушениям территории, ландшафт которой испещрен карьерами и разрезами, отвалами и болотами. Однако городам-спутникам присуща развитая транспортная инфраструктура, соединяющая их друг с другом и с городом-центром, способствующая их фактическому слиянию (плотность дорог высока и составляет 0,46 км/км²). Это создает благоприятные условия для маятниковой миграции населения: производственной, социальной, культурной, бытовой и пр.

Социально-экономическое пространство городской агломерации весьма неоднородно, что наглядно отражают следующие характеристики:

1) объемы инвестиций в основной капитал на одного человека рассредоточены по территории агломерации и значительно различаются (в г. Челябинске – 66,5 тыс. руб., что в 12,3 раза больше минимального значения – Коркинский муниципальный район);

2) наибольшие инвестиции в основной капитал организаций муниципальной формы собственности на 1 человека представлены в Сосновском районе;

3) весьма неравномерно осуществляется программа ввода жилья (максимальный показатель 4,1 кв м на одного человека – в Сосновском районе против 0,1 кв м – в Еманжелинском районе;

4) наибольший товарооборот розничной торговли на одного человека в г. Челябинске в 4,3 раза больше, чем в Еткульском муниципальном районе.

Существует значительный разброс значений показателей социального развития по территории агломерации. Так, среднемесячная заработная плата в Челябинском городском округе является максимальной и опережает минимальную (Красноармейский МО) в 1,6 раза. Общая площадь жилых помещений в среднем на одного чел. максимальна в Сосновском районе (37,3 м²) и превышает минимальное значение в 1,8 раза (Еткульский район).

И наконец, весьма проблематично экологическое состояние агломерации: наибольший объем выбросов в атмосферу загрязняющих веществ на 1 человека, отходящих от стационарных источников, наблюдался в Челябинском городском округе. Он превышал объемы выбросов в Красноармейском районе с наилучшей ситуацией в 17,8 раза.

На основании авторской методики оценки агломерации получены следующие результаты. Интегральный коэффициент устойчивого развития «большой» агломерации, рассчитанный по формулам 5 – 7, составил 0,7 (нормальный уровень – 1), из чего следует, что устойчивости в развитии агломерации не наблюдается. Прежде всего, дисбаланс выражен в транспортном и инфраструктурном обустройстве, в экологической и демографической ситуации «большой» агломерации (см. табл.). В «малой» агломерации коэффициент 0,84 свидетельствует о лучшей, но не идеальной ситуации. Здесь дисбаланс также обусловлен развитием транспорта и инфраструктуры.

Проведенный анализ свидетельствует о наличии достаточно противоречивой ситуации: с одной стороны, существует относительно однородное социально-экономическое пространство Челябинской агломерации, но внутренняя среда Челябинской агломерации неоднородна.

Пермь – это один из немногих городов в России, который исторически развивался как агломерация на основе объединения рабочих поселков. Это крупный промышленный город России с многопрофильной отраслевой структурой хозяйства. Пермь, занимая всего 0,56% общей площади области, сформировала крупную агломерацию, на которую приходится около 57,8% населения края. В агломерации создается более 40% промышленной продукции области (в т. ч. 31% в Перми).

Различия в социально-экономическом развитии есть и в пределах агломерации. На фоне многоотраслевой структуры центра агломерации в городах-спутниках представлены одна-две отрасли промышленности. Краснокамск специализируется на целлюлозно-бумажной промышленности и машиностроении, Кунгур и Нытва – на пищевой, в Добрянке представлены электроэнергетика и добыча нефти. Оханск и Чермоз не имеют четкой промышленной направленности, что влияет на уровень безработицы: максимальный показатель – в Оханске (1,23%), а меньший – 0,39 – в Перми. Выявлены и существенные различия в по-

казателях уровня жизни. Так, наибольшая заработная плата зарегистрирована в Перми и Краснокамске, а минимальная – в Оханске. Максимальная обеспеченность жилищным фондом – в Оханске (32 м² на 1 жителя), минимальная – в Кунгуре и Ильинском (менее 24). Нового жилья мало строится в Кунгуре и Нытве, максимум – в Пермском МО. В системе здравоохранения тоже есть отличия: наиболее высокая обеспеченность врачами и больничными койками в Перми, наименее – в Оханске, Ильинском; в тоже время, максимальная заболеваемость населения отмечается в Перми, Краснокамске и Добрянке, минимальная – в Ильинском и Оханске.

Рассчитанный для Пермской агломерации интегральный коэффициент устойчивого развития «большой» агломерации составил 0,71 по данным на 2024 г., это означает, что устойчивости в развитии агломерации не наблюдается (как и в Челябинской агломерации), дисбаланс выражен в транспортном и инфраструктурном обустройстве, в экологической и демографической ситуации. Для «малой» агломерации коэффициент составил 0,69, что также обусловлено недостаточным развитием транспортной инфраструктуры.

Для повышения уровня жизни населения предполагается создание зрелых городских агломераций, что будет способствовать разрешению противоречий. Для этого необходимо усилить территориальное разделение труда на основе диверсификации экономики, обеспечить единую систему территориального планирования, синхронизации генеральных планов и «точек роста» различных муниципальных образований, эффективное и комплексное землепользование путем резервирования оптимальных площадок под жилищное строительство, промышленное и сельскохозяйственное производство с учетом имеющейся инфраструктуры, развития ЖКХ и др.

В дальнейшем развитие транспорта в рассматриваемых агломерациях предусматривает развитие скоростных его видов: запуск Метротрамвая, трансформация челябинского метро и реализация проекта «Компактный город», нацеленный на создание транспортной железнодорожной сети в Пермской городской агломерации. Он необходим для того чтобы связать поселки и города-спутники сообщением электропоездов «Ласточка».

Транспортная тематика коснулась и автобусного сообщения: проводится масштабное обновление подвижного состава автобусов на магистральных маршрутах, происходит и непосредственно оптимизация самих маршрутов.

В обеих агломерациях ведется строительство и реконструкция аэропортов. В Челябинске оборудована площадка для обработки самолетов противообледенительной жидкостью. После реконструкции аэропорт им. Курчатова получил третью категорию ICAO, став единственным на Урале аэропортом, способным принимать самолеты в любую погоду.

Налицо значительные достижения в логистической сфере: введены эксплуатацию новые логистические комплексы по первичной обработке и хранению сельскохозяйственной продукции «Грюнвальд» площадью 15 000 м². В Пермской агломерации 2023 г. начато создание совместных (межмуниципальных) объектов транспортной, коммунальной и социальной инфраструктуры, координация градостроительной политики Перми и Пермского района, ведется создание новых кластеров, промышленных парков, транспортно-выездных комплексов.

Таким образом, на основе уже существующих и доработанных нами методик исследования проведены оценка и анализ двух типичных уральских агломераций, в то же время обладающих уникальными чертами. В них отмечается высокая доля населения центра, активно притягивающего к себе пригороды, что формирует «малую» агломерацию с «расползанием города» и распространения там городского образа жизни. В связи с этим все острее ставятся вопросы формирования единого рынка земли, инфраструктурного обеспечения, территориального планирования и управления им. А это, в свою очередь, ставит на повестку дня выбор модели управления, ведь нерешенные организационные вопросы придают агломерации неопределенность относительно ее трактовки и проведения границ.

2.4. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И САМООРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Михаил Дмитриевич Шарыгин – Заслуженный деятель науки, профессор, наш учитель и вдохновитель, яркий представитель классической экономической географии, работавший в эпоху золотого века науки, придерживался традиционных подходов «отцов-основателей» советской экономгеографии, развивая и углубляя учения о ТПК, ЭПЦ, районировании, территориальной организации производительных сил и пр. Работы М.Д Шарыгина давно стали классическими и являются неотъемлемой частью образовательных программ по социально-экономической географии. Отдавая должное нашему Учителю как теоретика и стороннику фундаментальных научных исследований в сфере исследования территориальной организации общества, хотим подчеркнуть его новаторский и даже бунтарский дух. Именно под его руководством наша кафедра была переименована в кафедру «социально-экономической географии», что свидетельствовало об усилении социальной проблематики в работах сотрудников¹²⁸.

¹²⁸Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Географическое мышление: новые грани проявления // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. Т. 123. № 3. С. 239–246; Столбов В.А. Географическая материя: субстанция и атрибуты / В.А. Столбов // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2022. Т. 32. № 2. С. 216–228; Шайдунова Е.С., Субботина Т.В. Теоретико-

Михаил Дмитриевич активно поддерживал и нацеливал молодых специалистов на совершенно новые и неожиданные в традиционном понимании темы исследования. Например, изучение территориальных особенностей социального развития Пермской области и ее регионов стало одним из приоритетных направлений научного поиска авторов данной статьи. Михаил Дмитриевич никогда не стремился «заикнуться» на описании конкретных проблем без их ретроспективного анализа, выявления причинно-следственных связей, действенных предложений и рекомендаций. Я с благодарностью вспоминаю переломный в моей судьбе момент, когда на защите дипломных работ¹²⁹ (в те времена это было торжественное и открытое публичное мероприятие) Михаил Дмитриевич выступил перед собравшимися, как бы мы сейчас сказали, с «программной речью», подчеркнув, что будущее нашей науки ему видится в стремительном расширении объекта и предмета исследования, в нацеленности на комплексное изучение общественных явлений и процессов, в формировании географии культуры, поведения, образа жизни, спорта и т.д.

Михаил Дмитриевич своими работами во многом опередил время, показывая значимость нашей науки в формировании комфортной среды обитания, сохранении историко-культурного наследия, повышении уровня и качества жизни населения, выявления уникальности каждой территориальной общности людей и пр.¹³⁰

Продолжая традиции новаторства и смелого научного поиска, заложенные основателем Пермской географической школы, ученики и последователи М.Д. Шарыгина продолжают исследовать различные формы и аспекты жизнедеятельности социума, особенности их проявления в различных регионах. В рамках данной статьи рассмотрены территориальные особенности самоорганизации населения, отражающие степень социальной активности местных сообществ, индикаторами которой могут быть как объективные, так и субъективные показатели, например, стремление улучшить условия жизни, участие в волонтерском движении или некоммерческих организациях (НКО). Полный комплекс различных функций, которые представители сообществ реализуют в ходе своей жизнедеятельности (труд, быт, лечение и отдых, самореализация и культурное просвещение), практически неисчерпаем. Теоретической базой исследования различных форм и видов жизнедеятельности населения традиционно является учение о территориальной общности людей (ТОЛ), которые формируются в

методологические вопросы изучения социального благополучия населения на примере Пермского края // Геополитика и экогеодинамика регионов, 2020. Т. 6 (16). № 2. С. 146–157.

¹²⁹ Балина Т.А. Социально-культурное развитие сельской местности (на примере Карагайского района Пермской области).

¹³⁰ Шарыгин М. Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2(41). С. 17-25. DOI 10.17072/2079-7877-2017-2-17-25

границах регионов разного иерархического уровня, чему было посвящено немало работ М.Д. Шарыгина¹³¹.

Современная общественная география существенно расширяет теоретико-методологический спектр изучения территориальных особенностей жизни населения, помогает выявлять причинно-следственные связи между социально-экономическими и духовно-поведенческими аспектами, значительно обогащает методический аппарат диагностики социальной ситуации, позволяет оценить благополучие населения через социальное самочувствие¹³². Данные категории определяют особенности образа жизни, поведения, традиций населения, проживающего на определенной территории, которые выражаются в разных формах социальной активности местных сообществ.

Социальное самочувствие – эмоциональная оценка людьми своего общественного положения, уровня удовлетворения социально-экономических и духовных потребностей. Оно выступает индикатором состояния общества, его социальных или территориальных групп. Отражая разные стороны жизни социума, данная категория широко используется многими научными отраслями – социологией, психологией, философией и др., и каждая из них предлагает свою трактовку, раздвигая ее гносеологические границы. Социальное самочувствие населения основывается на ощущении собственного здоровья и безопасности, защищенности от разного рода стрессов и рисков: экономических (потеря работы, ухудшение материального положения), социальных (отсутствие гарантий, защищенности), политических, национальных или религиозных преследований, преступности, произвола чиновников, экологических катастроф и многого другого. Также социальное самочувствие определяется уверенностью в завтрашнем дне, безопасности своих близких, удовлетворенностью жизнью и социальным оптимизмом.

Социальное самочувствие населения мы рассматриваем в широком спектре не только как характеристику удовлетворенности условиями жизни и жизнедеятельности населения конкретного региона, но и с позиции собственного и коллективного благополучия, стабильности политической и социально-экономической ситуации, оценки перспектив и уверенности в завтрашнем дне, ощущения защищенности со стороны государства. При исследовании социального самочувствия необходимо опираться на совокупность параметров его проявления, каждый из которых содержит определенный набор эмпирических показателей и включает социальную активность, материальное положение, само-

¹³¹ Балина Т.А., Шарыгин М.Д., Пономарева З.В. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. ст. Смоленск, 2016. С. 66–74.

¹³² Балина Т.А., Столбов В.А. Социальное самочувствие населения в контексте поведенческой географии // Географический вестник. 2023. № 1 (64). С. 72–83.

реализацию, здоровье, идентификацию, социальную комфортность, эмоционально-чувственную сферу, индивидуально-личностные особенности и др.¹³³. Именно местное сообщество как воплощение человеческого капитала становится одним из основных ресурсов развития территории. Для развития местного сообщества нужны реальные поводы, подсказанные самой жизнью, то, что по-настоящему заботит людей.

Представители социологии, психологии, педагогики, философии большое внимание уделяют обсуждению содержания, сходства и специфики категории «социальная активность». Так, Смирнов В. А. отмечает, что социальная активность является мерой социальной деятельности – мерой в философском смысле, а не просто количественной характеристикой интенсивности этой деятельности, выражает ее конкретно-историческую обусловленность. Ее целью является реализация интересов общества, классов, тех или иных социальных общностей, личности как члена данного сообщества¹³⁴.

Л.Н. Коган предложил серьезное дополнение к этому определению. Он считает, что вопрос о природе социальной активности может быть научно решен лишь в том случае, если она рассматривается как результат тех или иных общественных сил. У социальной активности есть одно отличие от социальной деятельности: первая представляет общественное качество людей. Одной из ее характеристик является отношение к социальной среде (ситуации), которое не всегда выражается в действии. Уже само проявление интереса к общественным проблемам (в противовес равнодушию) свидетельствует о наличии социальной активности¹³⁵. Другими словами, социальную активность в большей степени характеризует желание принять участие в решении общественно значимых проблем, например, в деятельности местного самоуправления, общественных движениях, партиях или в деятельности некоммерческих организаций.

Активность – это не только некая абстрактная социально-психологическая категория, но и внутренний ресурс развития региона, способный как ускорять, так и тормозить общественные процессы. Специфика географического подхода предполагает, что при исследовании активности внимание фокусируется не на отдельной личности или социальной группе (как это принято в социологических или психологических исследованиях), а охватывает territori-

¹³³Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvieponyatie-factory-formirovaniya-i-pokazateli-izmereniya/viewer>.; Черкашина Т.Ю. Субъективное качество жизни населения: интегральная оценка и частные индикаторы // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 97–110.

¹³⁴Смирнов В.А. Социальная активность советских рабочих (некоторые методологические и социологические аспекты проблемы). М., 1979. 207 с.

¹³⁵Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека, М., 1984. 252 с.

альные общности, формирующиеся в определенных географических (территориальных) условиях¹³⁶.

Многие авторы определений социальной активности стремятся подчеркнуть первенствующее значение главной характеристики активности – ее позитивно преобразующие качества. Так, например, Е.А. Ануфриев считает, что социальной может быть признана лишь та активность, которая способствует общественному прогрессу¹³⁷, ориентирована на положительные общественные ценности, наполняющие жизнь человека высоким смыслом.

Существует несколько подходов к определению уровня социальной активности. Один из них, наиболее близкий нам по сути и максимально точно вписывающийся в социоэкономическую парадигму, был предложен В.Н. Константиновым и основывался на взаимодействии понятий «социальная активность» и «жизненная позиция»¹³⁸. В его интерпретации высокий уровень предполагает социальную инициативу и творческую деятельность, а самый низкий – пассивную жизненную позицию, с потенциально-негативной направленностью, в основе которой лежит скептицизм.

Другой подход был предложен Ф.А. Батуриным, который взял за основу классификации трудовую деятельность и вычленил следующие уровни социальной активности:

- творческий, в котором развита способность к самостоятельности мышления и действия;
- репродуктивно-творческий, в котором преобладает новаторский момент деятельности, а творчество выступает в качестве личной инициативы;
- пассивный, его отличает отсутствие в потребности в труде и/или незначительное проявление активности;
- отрицательный – это деятельность, наносящая прямой вред или ущерб обществу¹³⁹.

Участие людей в жизни общества и желание преобразовать окружающую действительность, рассматриваемое нами как форма выражения социальной активности, проявляется на микроуровне, то есть в границах муниципальных образований, поселений и прочих сообществ, которые формируют территориальные общности людей.

Географические исследования социальной активности населения должны опираться на пространственный подход и использовать модель «Территориальная общность людей» для перехода от индивидуального (личностного) уровня

¹³⁶Балина Т. А. Региональная диагностика социальной ситуации (на материалах Пермской области): дис. ... канд. геогр. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 1996. 16 с.

¹³⁷ Ануфриев Е.А. Социальный статус и активность личности. М. 1984. 287 с.

¹³⁸ Константинов В.Н. Социальная активность и пассивность личности. Владимир: Знание. 1990. 118 с.

¹³⁹ Батурин Ф.А. Социальная активность трудящихся: сущность и управление. Новосибирск, 1984. 176 с.

исследования к региональному. Одним из первых отечественных ученых, глубоко и всесторонне раскрывших ТОЛ в контексте географического анализа, был А.А. Ткаченко¹⁴⁰, чьи идеи нашли отражение во многих трудах пермских географов¹⁴¹.

Представляя собой самостоятельную ячейку территориальной структуры общества, ТОЛ включает в себя конкретную группу населения со всеми ее характеристиками, определяющими потребности, ценностные ориентации, особенности поведения, менталитета, традиций, культурной среды, социальной активности, самоорганизации.

Принадлежность людей к определенной территории является необходимым условием консолидации их в местное сообщество. Совместное проживание принуждает людей к созданию благоприятных условий жизнедеятельности, улучшению качества окружающей их среды. Личные инициативы, умение самоорганизации и координации усилий являются крайне важными качествами, которые необходимо выявлять и поддерживать. Подчеркнем, что местные сообщества, формирующиеся в границах конкретной территории, отличаются разной степенью социальной активности, что проявляется в их стремлении преобразить (улучшить) среду жизнеобитания, решить проблемы собственными силами, создав группы единомышленников, принять участие в общественной деятельности.

Трансформация социально-экономической географии в общественную вызвала к жизни интерес к пространственному анализу социальной активности и самоорганизации населения¹⁴², что потребовало использования новых методов и подходов, в том числе и социологических. Совокупность статистических и социологических методов отражает самоорганизацию населения, которую мы рассматриваем как важнейший элемент пространственного развития региона «снизу». И именно в связи с этим тезисом одна из основных задач местного сообщества – стимул для своего развития, перспектив, скрепленных желанием представителей местного сообщества в постоянном проживании на данной тер-

¹⁴⁰ Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1995. 155 с.

¹⁴¹ Балина Т.А., Шарыгин М.Д., Пономарева З.В. Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. ст. Смоленск, 2016. С. 66–74; Чекменева Л.Ю. Территориальный анализ и диагностика геодемографической ситуации Пермского края: автореф. ... канд. геогр. наук. Пермь, 2010. 23 с.

¹⁴² Балина Т. А. Региональная диагностика социальной ситуации (на материалах Пермской области): автореферат дис. ... канд. геогр. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 1996. 16 с.; Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в макрорегионе: Дальний Восток России: автореферат дис. ... д-ра геогр. наук. Пермь, 2013. 35 с.

ритории. Это возможно только при консолидации усилий членов местных сообществ, объединенных общей идеей¹⁴³.

Краткий обзор мнений о сущности и взаимоотношениях категорий социальной активности и деятельности отражает наличие нескольких уровней активности, высший уровень – это творческая активность, активная жизненная позиция и стремление чего-то созидать и улучшать. Одна из форм проявления социальной активности – это участие людей в различного рода некоммерческих организациях (НКО), что будет рассмотрено ниже в территориальном аспекте.

Одно из направлений деятельности НКО – волонтерская деятельность, осуществляемая добровольческими (волонтерскими) организациями.

Федеральный закон РФ определяет добровольческую (волонтерскую) организацию как некоммерческую организацию «в форме общественной организации, общественного движения, общественного учреждения, религиозной организации, ассоциации (союза), фонда или автономной некоммерческой организации, которая осуществляет деятельность в целях, указанных в п. 1 ст. 2 Федерального закона, привлекает на постоянной или временной основе добровольцев (волонтеров) к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности и осуществляет руководство их деятельностью»¹⁴⁴. Сотрудники этих общественных объединений не получают заработной платы, а трудятся на важнейших социальных направлениях осознавая исключительную важность своей работы. Таким образом, в волонтерской активности ярко проявляются процессы самоорганизации и гражданской активности населения регионов.

Социальную активность населения и его самоорганизацию можно изучать, опираясь, во-первых, на анализ объективных (статистических) показателей, во-вторых – на субъективные данные (исследования общественного мнения). В рамках данной статьи в качестве первого подхода рассмотрены показатели участия населения в некоммерческих организациях, активность подачи заявок на гранты Президентского фонда, их целевая направленность. Анализ волонтерской активности регионов опирался на три главных критерия: добровольцы, волонтерские организации и добровольческие мероприятия¹⁴⁵. Субъективный подход основан на довольно новом и популярном сегодня методе – анализе тегов, который отражает наиболее значимые вопросы для населения.

¹⁴³ Шарыгин М.Д., Осоргин К.С. Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 94-104.

¹⁴⁴Ст. 5. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. N 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/104232/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/#friends> (дата обращения 07.04.2021).

¹⁴⁵ Единая информационная система. Волонтерство России. [электронный ресурс] URL: <https://xn--90acesaqsbbsbreoa5e3dp.xn--p1ai/> (дата обращения 02.04.2021).

Волонтерское движение существует во всех регионах России. Всего по стране насчитывается более 200 тыс. добровольцев. В абсолютном выражении наибольшее количество добровольцев (более 8 тыс. человек) в 2021 г. отмечалось в Новосибирской, Кемеровской, Свердловской, Сахалинской, Ленинградской, Самарской областях, что не всегда зависит от численности населения регионов, которые не являются лидерами по людности. Расчеты числа волонтеров на 1000 человек населения выявили довольно интересную картину: по данному показателю лидируют не самые богатые в большинстве случаев регионы Поволжья и Центральной России, а также отдаленные регионы Западной Сибири и Дальнего Востока с непростыми природными условиями (рис. 28). Особенно высокими показателями отличаются Ямало-Ненецкий и Чукотский автономные округа, а также Магаданская и Сахалинская области. Напрашивается вывод о довольно высоком уровне социальной активности проживающего здесь населения, причиной чему может быть относительно высокая доля молодого населения.

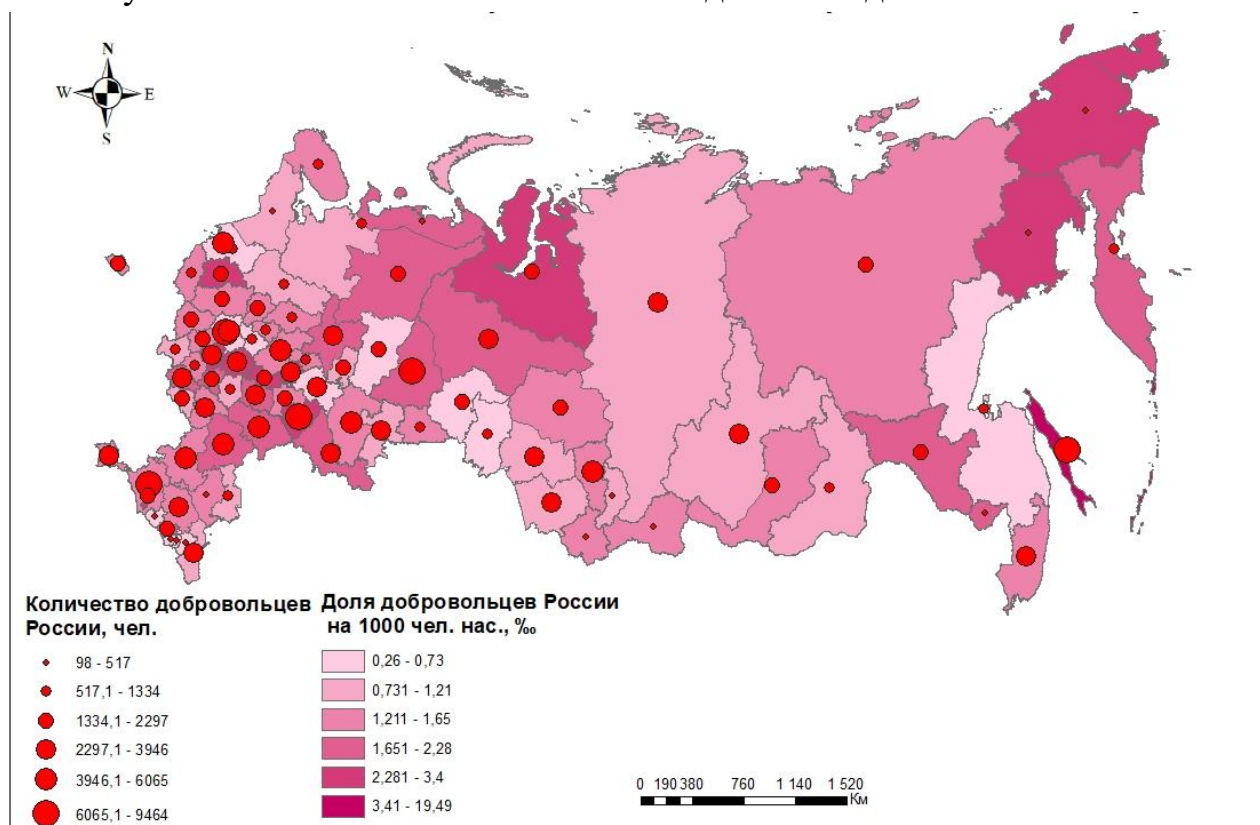

Рис. 28. Количество волонтеров в регионах России в 2021 г.

Волонтерское движение в России в 2021 году объединяло 30730 добровольческих организаций. По их количеству (более 160) выделялись Сахалинская, Волгоградская, Самарская и Оренбургская области. Лидерство Сахалинской области, на которую приходилось 5% волонтерских организаций, может определять система расселения, состоящая из небольших разрозненных населенных пунктов. Малое количество волонтерских организаций характерно для регио-

нов Северного Кавказа. Можно сделать вывод, что менее активно участвуют в волонтерском движении те регионы и народы, где сильны родственные связи и обязательства, являющиеся неотъемлемой частью образа жизни населения.

Ежегодно в России с участием волонтеров проводится более 30 тыс. мероприятий по 16 направлениям, почти половина из них связана с помощью детям и молодежи. В этом направлении лидирует Республика Башкортостан. Также массовыми являются мероприятия, оказывающие помощь ветеранам и сохраняющие историческую память, развивающие культуру и искусство, образование. Лидером по количеству мероприятий с участием волонтеров в 2021 году стала Волгоградская область. Однако, в статистике проводимых мероприятий трудно выделить долю тех, которые организовываются централизованно «сверху» и тех, что инициируются «снизу». Это могут быть мероприятия все-российского и международного масштаба, а могут локального, в которых приняли участие добровольные помощники.

Необходимо отметить, что количественные показатели волонтерского движения могут существенно меняться год от года, в том числе под влиянием, например, эпидемии коронавируса, поэтому следует рассматривать их в динамике. В то же время анализ показателей по одному году позволяет выявить значительные территориальные различия и сделать выводы о пространственных особенностях проявления социальной активности населения.

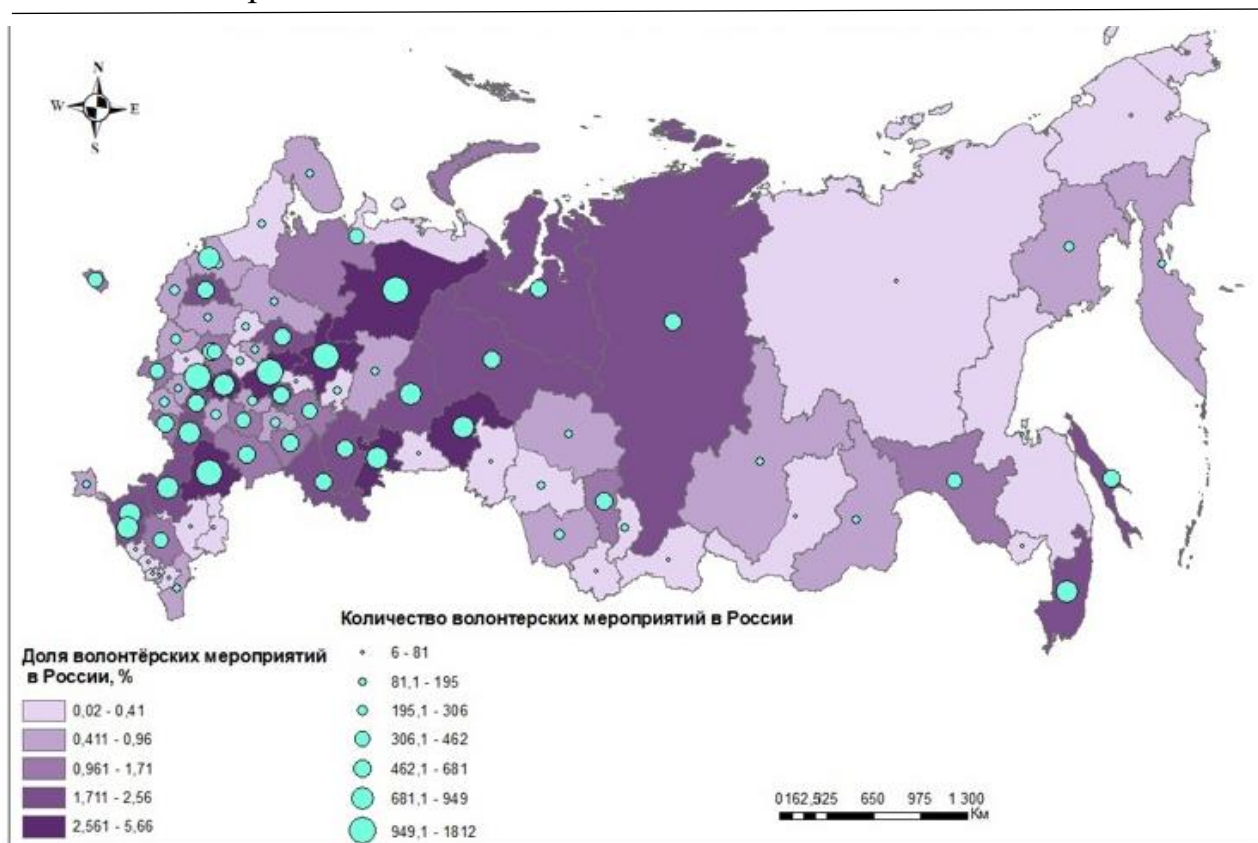

Рис. 29. Волонтерские мероприятия в регионах России в 2021 г.

Для более детального исследования социальной активности и самоорганизации населения рассмотрим основные направления деятельности некоммерческих организаций в разрезе субъектов Приволжского федерального округа. Рассмотрим один из объективных показателей социальной активности населения – количество некоммерческих организаций (рис. 27, 28). Как видим на графике, уже в 2023 г. их число изменилось, хотя в целом ситуация поменялась не принципиально¹⁴⁶. Так, менее всего некоммерческие организации представлены в Чувашской республике и Республике Мордовия. Лидерами по количеству НКО стали Кировская область (287 организаций) и Нижегородская область (173 организации). Одной из версий, объясняющих такую «расстановку сил», определяющих уровень самоорганизации населения и их социальную активность, мы считаем уровень урбанизации. Так, в республиках с относительно низкой долей городского населения отмечается и небольшое количество НКО, а в высокоурбанизированных регионах их число значительно выше. Безусловно, определяющим фактором является и численность проживающего в регионах населения. Но Самарская область и Татарстан, являясь лидерами в этом плане, не могут «похвастаться» высокой степенью активности своих жителей.

Рис 30. Количество некоммерческих организаций в регионах Приволжского федерального округа, 2023 г.

Анализируя различные формы проявления социальной активности населения и его вовлеченности в общественную добровольную деятельность представляется важным рассмотреть классификацию НКО по видам направленности

¹⁴⁶Итоговый рейтинг регионов РФ – 2024. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://riarating.ru/infografika/20241223/630274686.html> (Дата обращения 30.01.2025)

(целей объединения), что отражает проблемы развития регионов (рис. 29). Для анализа нами были использованы данные по заявкам в Фонд президентских грантов, который является единым оператором государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций в Российской Федерации с 2017 года. Фонд предоставляет финансирование на инициативные проекты представителей гражданского общества и местных сообществ¹⁴⁷.

Наиболее проблемными направлениями в 2023 г., заявки на которые преобладают в Приволжском федеральном округе – это «Охрана здоровья граждан, пропаганда здорового образа жизни» (768 заявок), «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» (631 заявка) и «Сохранение исторической памяти» (464 заявки). Как показал анализ, вопросы здравоохранения, поддержания и популяризации здорового образа жизни являются ключевым направлением грантовой деятельности НКО не только в субъектах Приволжского ФО, но и в других регионах страны.

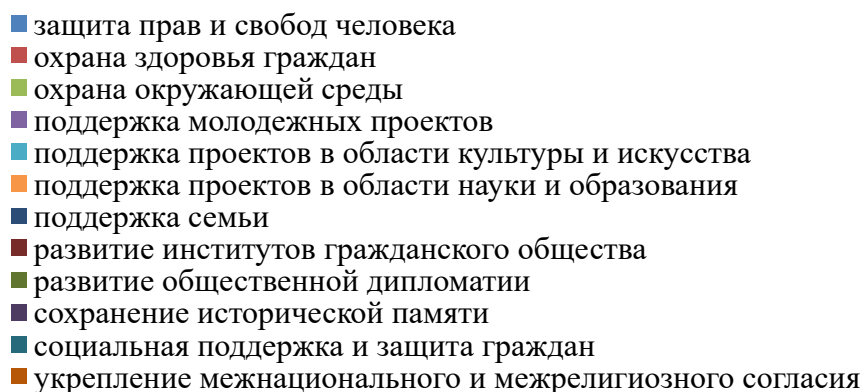

Рис 31. Отраслевая структура НКО по видам деятельности в регионах Приволжского федерального округа в 2023 г., %

¹⁴⁷ Официальный сайт «Фонда президентских грантов». Электронный ресурс. Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/public/home/about> (дата обращения 15.01.2025)

Наименьшее количество заявок было подано по направлениям «Развитие общественной дипломатии и поддержка соотечественников» и «Укрепление межнационального и межрелигиозного согласия» (47 и 91 соответственно), что свидетельствует об относительно низкой степени остроты данных проблем.

Как уже отмечалось выше, одним из важнейших атрибутов социального благополучия населения является здоровье, что нашло отражение и в приоритетах по подаче заявок на гранты общественными организациями.

Анализ территориального распределения заявок по «Охране здоровья граждан, пропаганде здорового образа жизни» (рис. 30) позволил сделать интересные выводы. Во-первых, лидерами в это плане оказались наиболее крупные по численности населения субъекты, административные центры в которых представлены городами-миллионерами: Пермский край, Республики Татарстан и Башкортостан, Самарская и Нижегородская области.

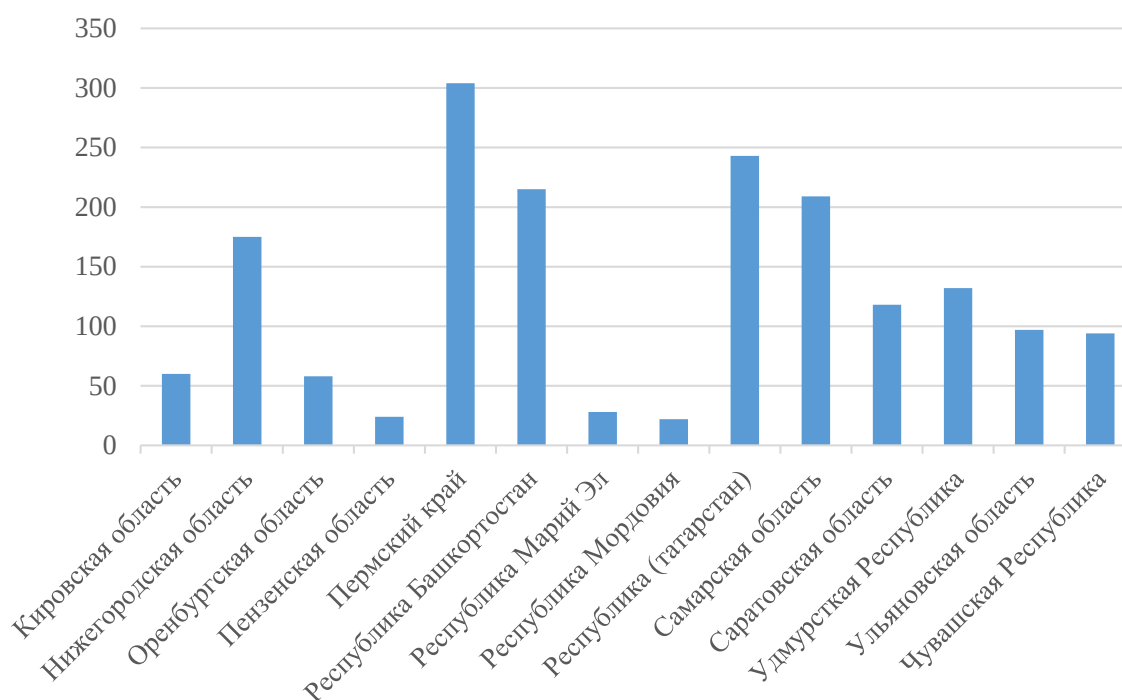

Рис. 32. Территориальное распределение заявок по «Охране здоровья граждан, пропаганде здорового образа жизни» в Приволжском Федеральном округе в 2023 г.

Во-вторых, жители высокоурбанизированных регионов имеют не только более высокую степень социальной активности, но и в большей степени нацелены на популяризацию здорового образа жизни, что хоть и не напрямую, но косвенно говорит о более высокой степени социальной активности.

Проведенный нами ранее анализ заявок на гранты, их количестве и направленности по Приволжскому округу показал, что Самарская и Нижегородская области оказались лидерами по этим показателям¹⁴⁸.

Нами были изучены тексты заявок с описанием цели, задач и обоснования их социальной значимости. Массивы данных были проанализированы по всем регионам страны и визуализированы с помощью метода «облака тегов». Здесь представлена тематика заявок из НКО Пермского края (рис. 31).

Наиболее часто встречающиеся в текстах заявок слова и термины указывают на наиболее насущные и проблемные направления, которые отражают интересы сограждан.

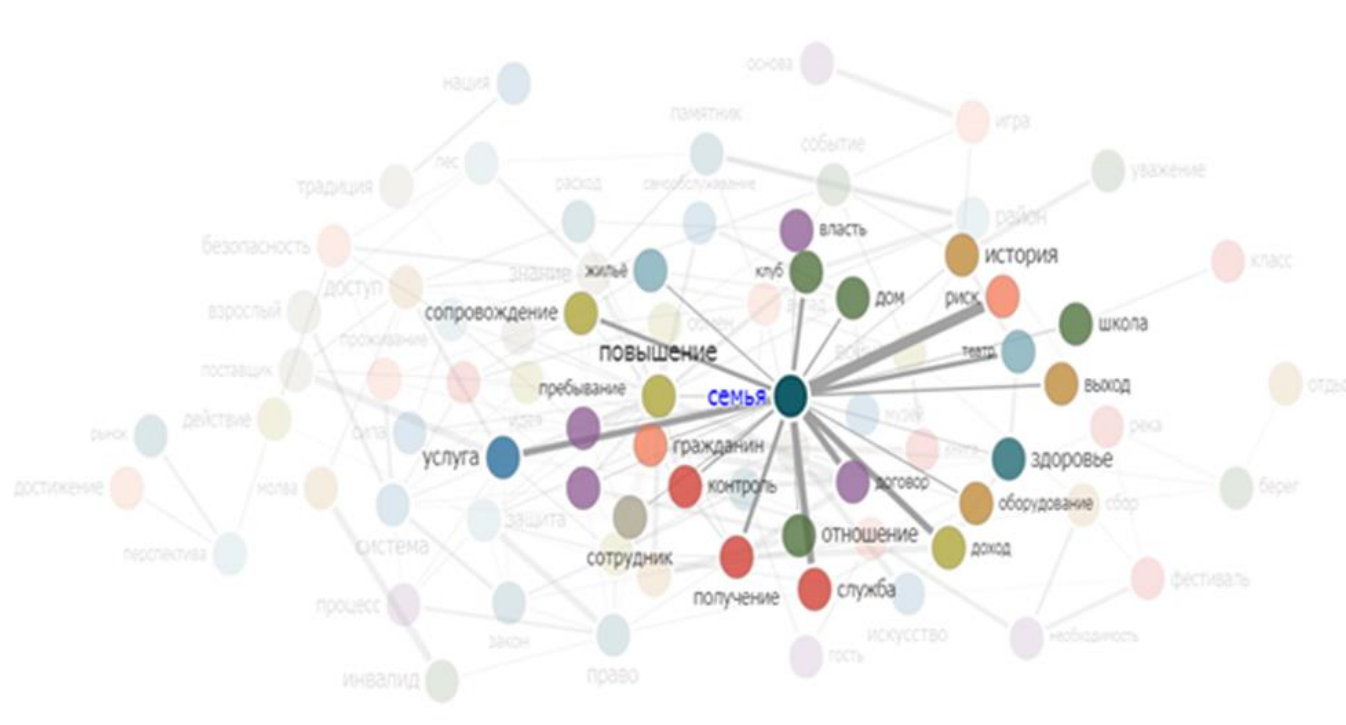

Рис 33. «Облако тегов» для аннотаций заявок Президентских грантов, созданных в Пермском крае в период за 2020–2023 гг.

Фонд Президентских грантов – одна из многих структур, осуществляющих поддержку некоммерческих организаций, позволяющий реализовать стремления представителей местных сообществ по улучшению условий жизни, повышению социального благополучия, поддержанию социальной активности. Анализ этих вопросов представляется важным направлением общественной географии.

¹⁴⁸ Балина Т.А. Социальная активность населения: пространственный анализ (на примере Приволжского федерального округа) / Т.А. Балина, З.П. Замараева, К.С. Осоргин // Наука. Инновации. Технологии. 2025. № 1. С. 11–36. DOI 10.37493/2308-4758.2025.1.1.

Таким образом, для выявления особенностей социальной активности населения необходимо учитывать разнообразные объективные и субъективные факторы, которые по-разному могут проявляться в исторически сформировавшихся территориальных общностях людей.

Проживание на одной территории заставляет людей искать компромиссы для совместной жизнедеятельности. Такие качества, как личная инициатива, способность к самоорганизации и умение согласовывать свои действия с окружающими выделяют активных членов местных сообществ, а территория получает импульс для своего развития, перспективу, скрепленную желанием людей не только в постоянном проживании в данной местности, но и ее улучшении.

2.5. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РЕГИОНА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ГЕОГРАФИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

Изучение историко-культурного наследия представляется одним из актуальных, востребованных и важных направлений социально-экономической географии, которая, трансформируясь в общественную географию, значительно расширила объект и предмет своего познания. Казалось бы, это новое для нашей науки направление является своего рода вызовом на «социальный заказ» от нашего общества, которое находится в поиске, так называемой, национальной идеи, стремится укрепить свою государственность, сохранить историческое наследие, воссоздать основы патриотической и культурно-просветительской работы, особенно с молодым поколением. В то же время необходимо подчеркнуть, что для географической науки исследования историко-культурного наследия и его роли в формировании социума отнюдь не новы. Основы были заложены учеными прошлых веков, например, в Античную эпоху Геродотом, в период Просвещения Ш. Л. Монтескье и И.Г. Гердером; К. Риттером, Ф. Ратцелем и П. В. де ла Блашем. В XIX веке великий почвовед В.В. Докучаев обращался к данной тематике.

Одним из первых исследователей, обратившийся к исследованиям категории «культурный ландшафт» по праву считается русский географ Лев Семенович Берг¹⁴⁹, который включал в компоненты ландшафта природу, население и культуру человека. Ученый понимал под культурным ландшафтом «такой ландшафт, в котором природа изменена человеком. Поля, сады, лесонасаждения, луга, пастбища, каналы, дороги, постройки – все это составляет элементы культурного ландшафта»¹.

¹⁴⁹ Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. РГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463-475.

В зарубежной географии возрастание интереса к территориальной дифференциации культуры и формированию самобытных территорий приобрело черты научного направления в 30-е годы XX века благодаря Карлу Зауэру¹⁵⁰, который десятью годами позднее Л.С. Берга опубликовал труд «Морфология ландшафта». В отличие от советской школы культурного ландшафта, выросшей из классического ландшафтоведения, К. Зауэр исходил из антропологии и культурной географии. Он определял культуру в качестве знаковой силы, формирующей культурный ландшафт и придающей ему уникальную форму. Ученый акцентировал внимание на структуре и компоновке ландшафта как материального свидетельства деятельности человеческой культуры. По его мнению, для понимания культурного ландшафта необходимо исследовать всю последовательность изменений, вносимых человеческой деятельностью, то есть анализировать генетику ландшафта.

Идеи Л.С. Берга были развиты и преумножены Ю.Г. Саушкиным¹⁵¹, который сделал акцент на хозяйственной функции культурного ландшафта. Юлиан Глебович склонялся к тому, что экономическая география не должна сводиться лишь к изучению производительных сил, а наоборот, связывал хозяйство и пространственную организацию общества с историей, культурой, традициями и нравственно-психологическими основами населения. Ученый уделял большое внимание глубокому изучению влияния топонимики, исторических памятников, народной архитектуры на формирование уникального облика регионов. На примере Подмосковья и Русской равнины Ю.Г. Саушкин рассматривал культурное наследие в качестве «памяти места», что стало теоретическим фундаментом для современной культурной географии.

К данной тематике неоднократно обращался в своих работах Вадим Вячеславович Покшишевский, который по праву причисляется к «отцам-основателям» советской социально-экономической географии. В своей докторской диссертации, рассматривая историю миграций в России за многовековой период, ученый подчеркивал и влияние этих процессов на формирование образа жизни населения, его традиций, менталитета, особенностей поведения¹⁵². Ученый рассматривал культуру как атрибут разнонаправленных процессов расселения народов, формирования этнических ареалов и традиционных систем хозяйствования, особое внимание уделяя географическим (природным, экономическим и пр.) различиям территории. Описываемые им этнические группы рассматривались как главные носители историко-культурного наследия. По мне-

¹⁵⁰ Sauer C.O. 1925. «The Morphology of Landscape». University of California Publications in Geography 2 (2): 19-53.

¹⁵¹ Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. М.: Мысль, 1946. Вып. 1. С. 97–106.

¹⁵² Покшишевский В. В. География миграции населения России. Опыт историко-географического исследования: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1949. С. 2

нию ученого, современные миграции, процессы урбанизации, сложившаяся система расселения, межэтнические взаимодействия являются производным (следствием) укорененного в историческом прошлом культурного наследия народов.

Таким образом, с вводом в круг географических исследований категории «культурное наследие» и закреплением его как базового обозначилась необходимость более глубокой проработки понятия «культурный ландшафт», который ранее отождествляли с антропогенным ландшафтом. К началу 1970-х гг. эти исследования получили дальнейшее развитие в отечественной географии, укоренив понимание среди важнейших компонентов культурного ландшафта природную среду, хозяйство, язык и духовную культуру.

В настоящее время географы вновь обращаются к исследованиям культурного ландшафта. Так, Горохов С. А. и Стрелецкий В. Н. отмечают, что культурный ландшафт, несмотря на существенные различия в его трактовках, выступает стержневым, базовым понятием еще сравнительно молодой российской культурной географии. Именно с культурно-ландшафтных исследований и теоретических разработок началось ее формирование в конце XX века. Вокруг этой категории выстраивается множество разнообразных направлений географических исследований. Как подчеркивает В.Н. Стрелецкий, концепт культурного ландшафта – важное звено в современной *cultural geography*, но, как показывает мировой опыт, одно из нескольких ключевых в ряду равноположенных. Приоритетное же внимание именно к культурному ландшафту отражает специфику российской культурной географии¹⁵³.

Большой вклад в развитие теоретических основ изучения культурных ландшафтов внес Л.В. Смирнягин, акцентировав внимание на ключевом компоненте – «региональной идентичности», формируемой под влиянием общего исторического опыта, культурных символов и наследия. Он предлагает дифференциацию районов культуры по приоритетности лишь некоторых признаков из их общего числа. Набор этих признаков является уникальным для отдельно взятого общественного района¹⁵⁴.

Категория «культурный ландшафт» исследуется и в настоящее время, опираясь на стройную теоретико-методологическую базу отечественных и зарубежных работ. Так, Ю.А. Веденин подчеркивает роль человека, рассмат-

¹⁵³ Стрелецкий В. Н., Горохов С.А. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86, № 3. С. 374-392. DOI 10.31857/S2587556622030141.

¹⁵⁴ Смирнягин Л.В. Вернакулярный район // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 35–36

ривая его в рамках территориальной общности людей¹⁵⁵. Ученый изучал культурный ландшафт как «знаковую систему», наполненную символами, значениями и смыслами, которые каждая группа населения интерпретирует по-своему. Согласно его мнению, культурный ландшафт представляет трехкомпонентную структуру, включающую природную основу, хозяйственную составляющую, а также информационный, нравственно-духовный фундамент, сложенный исторической памятью, ценностными ориентирами, символами, чувством места, и представляющий собой идентичность.

Сегодня многие географы обратились к исследованию историко-культурного наследия в разных его проявлениях. Особенно важно в этом ключе отметить работы А.Г. Дружинина¹⁵⁶, В.Н. Стрелецкого¹⁵⁷, Д.Н. Замятина¹⁵⁸, Т.И. Герасименко¹⁵⁹ и др. Большой вклад в изучение данных вопросов внесли и представители смежных наук, что принципиально важно для глубокого анализа этого междисциплинарного предмета¹⁶⁰.

Особое значение в представлении культурного ландшафта играют региональная идентичность и местное самосознание. Культурный регионализм отражает самобытность региональных сообществ людей, неразрывно связанную и с региональным разнообразием культурных ландшафтов. В регионализме, с точки зрения культуры, выделяется два пласта: 1) комбинация культурных характеристик, которые придают определенной местности, ее культурному ландшафту черты своеобразия, а также уникальности и непохожести; 2) рефлексивный уровень, выраженный в представлениях людей о самобытности разных территорий, в частности о своей идентичности. Стержневое понятие регионализма как феномена культуры – региональное самосознание людей, их региональная идентичность. Считаем необходимым акцентировать внимание на важности этой идеи в контексте социально-экономической географии.

М.П. Крылов в своей монографии определяет эту идентичность как внутреннее состояние местных жителей, в сознании которых формируется чаще образ, имидж, бренд территории, включающий определенный набор образов,

¹⁵⁵ Веденин Ю. А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7–14.

¹⁵⁶ Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географического исследования культуры: дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 1995.

¹⁵⁷ Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: дис. ... д-ра геогр. наук / ИГ РАН. М., 2012. 320 с

¹⁵⁸ Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий. СПб.: Алетей, 2020. 668 с.

¹⁵⁹ Герасименко Т.И. Этническая культура и ландшафт: грани взаимодействия // География и туризм. 2018. № 1. С. 52–60;

¹⁶⁰ Галкова О. В. Культурный ландшафт (методология и историография): монография / О. В. Галкова, И. А. Петрова, Г. П. Кибасова, В. В. Глазунов. Волгоград: Издательство ВолгГМУ, 2020. 372 с.; Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 61–69; Рагулина М.В. Концепции культуры и культурный ландшафт // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 167–169.

символов мифов территории. На данном этапе, созревшее в сознании людей отличительное и неповторимое качество, не свойственно широким массам, всей стране. Оно воспринимается ими в качестве «своего», с точки зрения проявления специфичного «духовного поля». Особый интерес вызывает суждение о том, что региональная идентичность – это не просто какой-либо материальный феномен, запечатленный в ландшафте. Это комплексное культурно-историческое наследие, которое хранит память прошлых поколений, укореняет человека на определенной территории, подталкивает его к активным действиям, направленным на созидательное изменение территории (города, региона, страны)¹⁶¹.

Продолжая тему региональной идентичности и ее влияния на формирование культурного ландшафта приведем в качестве примера мнение В.Н. Стрелецкого по поводу специфичности культурного пространства России в отличие от европейского (или западного, в целом). Рассматривая особенности культурного пространства нашей страны, ученый отмечает следующее: «Российское культурное пространство характеризуется иным геоисторическим спектром полей взаимодействий. Колоссальные размеры территории, ее природное разнообразие и положение на стыке разных культурных миров предопределили особую сложность национальной истории России. Миграции разноразличных народов, их смешение и чересполосное расселение, колонизация новых земель стали ключевыми факторами ее пространственной дифференциации и регионализации»¹⁶². В своих работах ученый уделяет большое внимание особенностям и важнейшим трендам трансформации социокультурного пространства России в первые десятилетия XXI века. Так, например, им выявлены характерные особенности социо- и культурно-географической дифференциации в современной России по оси «центр-периферия», при этом особое внимание уделено сдвигам в этническом расселении и их культурно-географическим последствиям¹⁶³.

В российской культурной географии сформировались весьма разнообразные подходы к исследованию культурных ландшафтов. Работы В.Н. Калущкова, выполненные еще в 1990–2000-е годы, легли в основу его монографии «Ландшафт в культурной географии», изданной в 2008 г. Во многом они возрождали

¹⁶¹ Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.

¹⁶² Стрелецкий В. Н. Европейское и российское культурные пространства: опыт историко-географического сравнения // Исторический подход в географии и геоэкологии : Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии, Санкт-Петербург, 21–23 сентября 2023 года / Отв. редактор Л.Б. Вампилова. – Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 45–52.

¹⁶³ Стрелецкий В. Н. Географические оси и главные векторы трансформации социокультурного пространства России в начале XXI в // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 77–84.

традиции средового подхода в культурном ландшафтоведении, в том числе классическое научное наследие К. Зауэра. В модели В.Н. Калуцкого во главу угла поставлены природный ландшафт и местное сообщество людей в их тесном взаимодействии. Также к базовым компонентам культурного ландшафта отнесено: хозяйство (его традиционный тип), селитьба, язык и духовная культура. Это последовательно культуроцентричная модель культурного ландшафта (пять из шести базовых компонентов культурного ландшафта относятся к культурной сфере)¹⁶⁴. Для становления российской культурной географии большое значение имели региональные культурно-ландшафтные исследования В.Н. Калуцкого и его коллег, в частности, по регионам Европейского Севера России.

Изучение историко-культурного наследия находится в фокусе внимания и пермских географов¹⁶⁵. По мнению представителей Пермской географической школы, для каждого социума определенный набор артефактов местной территории несет разную ценностную нагрузку. М.Д. Шарыгин и В.А. Столбов выделяют особый «духовный мир» каждого социума, основанный на роли культурно-исторического и природного наследия. Особого внимания заслуживает тот факт, что и в мире, и в России развивается процесс восприятия культуры в качестве источника формирования человеческого, интеллектуального, инновационного (творческого) капитала. Кроме того, культурно-историческое наследие формирует позитивный имидж территории, повышает инвестиционную привлекательность и обогащает региональный капитал¹⁶⁶.

Таким образом, исследования концепции культурного ландшафта, его роли в формировании региональной идентичности и других вопросов необходимы и как инструмент сохранения «культурного кода» нации, и патриотического воспитания молодежи, и для формирования региональных (территориальных) брендов. Культурно-историческое наследие важно использовать для формирования имиджа и брендов территории, репрезентацией которых занимаются, в том числе музеи, выступающие аттракторами туристической инфраструктуры территории (города, страны).

Музеи транслируют образы, ассоциации, сохраняют исторический нарратив, выражают уникальность региона, накапливая конкурентный инновационный (творческий) ресурс. Именно музеи выступают «хранителями истории», предметов прошлого, формирующих связный ряд культурно-исторического наследия. Бренд, построенный на фундаменте наследия местной территории, обращает к чувствам (ностальгии, любопытству, восхищению, причастности).

¹⁶⁴ Калуцкий В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.:Новый хронограф, 2008. 320 с.

¹⁶⁵ Балина Т.А., Чупина Л.Б., Данилова Ю.Н., Наумов В.О. Социокультурное развитие региона: понятие, направления, проблемы // Географический вестник. 2014. № 4 (31). С. 36–41.

¹⁶⁶ Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь, 2016. 553 с.

Грамотно выстроенные бренды регионов создают «дух места», вызывая желание повторного посещения, смены места жительства, влияют на социально-экономическое развитие региона, повышая его инвестиционную привлекательность. Отличительной особенностью музеев является их фокус на долгосрочное хранение, экспонирование и репрезентацию предметов музейного фонда на фоне изменчивости модных веяний и тенденций.

Музеи играли и играют разные роли в сохранении культурных и природных памятников. Понятие «музей» (от греч. – храм муз), это исторически обусловленный многофункциональный институт социальной памяти, посредством которого реализуется общественная потребность в отборе, сохранении и репрезентации специфических групп культурных и природных объектов (музейных предметов), осознаваемых обществом как ценность, подлежащая изъятию из среды бытования и передаче из поколения в поколение¹⁶⁷.

На протяжении XIX века складываются крупнейшие музейные коллекции в мире, что было характерно для Европы и России: Эрмитаж в Санкт-Петербурге, Национальная галерея в Лондоне, Метрополитен-музей в Нью-Йорке, Естественноисторический комплекс в Вене, Венгерский национальный музей. XIX столетие ознаменовалось бурным развитием науки и техники, что послужило открытию профильных музеев по всему миру; во второй половине XIX века, в России открываются местные, краеведческие музеи. В частности, на заседании Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), 15 ноября 1890 года, было принято решение о создании в Перми музея.

Сегодня музеи превращаются в научно-исследовательские и культурно-просветительские центры, способные объединять не только сотрудников музея, но и представителей инновационных научных областей. С другой стороны, музею теперь необходимо взаимодействовать с массовым посетителем, посредством инструментов не только просветительского, но и развлекательного характера. Наблюдаются тенденции перестройки музейного пространства с включением сервисных позиций (кафе, кинозалы, детские комнаты), а также трансформация прилегающей к музею территории в качестве целевого культурного пространства, перестройки инфраструктурной составляющей (пандусы, тифлокомментирование, экспозиционные решения для людей с инвалидностью).

Музеи, выступая «хранителями» культуры, культурного ландшафта конкретной местности, собирателем образов, становится субъектом формирования имиджа территории. Основываясь на подлинных, вещественных доказатель-

¹⁶⁷ Большая Российская Энциклопедия. Электронный ресурс: МУЗЕЙ • Большая российская энциклопедия – электронная версия (bigenc.ru).

ствах прошлых эпох, музеи выступают базисом сохранения культурно-исторического наследия, отражая многие значимые образы и традиции, обычаи народов региона, привлекая тем самым множество туристов на всевозможных фестивалях, ярмарках, акциях.

Ныне в регионе функционирует один из крупнейших российских музеев, Пермский краеведческий музей с более чем 130-летней историей. В XX веке важными составляющими функционирования музея были полевые исследования, ведение дневников, их учет и сохранение, камеральный этап работы (обработки), а также изучения документов, печатных материалов.

В сохранении и популяризации культурно-природного наследия особая роль отводится музеям. Основная функция музеев заключается не только в демонстрации исторических экспонатов, артефактов, документов, и в организации выставок, экспозиций, проведении краеведческой работы, научно-исследовательских изысканий. В Музее пермских древностей, на примере которого мы раскрываем данную проблематику, важнейшей функцией являются просветительская и профориентационная деятельность¹⁶⁸.

В Пермском крае существует 79 музейных учреждений, 15 из которых подведомственны региональному Министерству культуры, оставшиеся 64 музея в муниципалитетах (по данным Пермского краеведческого музея). В частности, 28 из 79 музеев (или 35%) находятся в сельской местности, что утверждает фокус внимания не только на историко-культурной основе, но и важности финансового обеспечения бюджетами именно муниципальных образований региона¹⁶⁹.

Музей пермских древностей, структурное подразделение Пермского краеведческого музея, является одним из уникальных палеонтологических музеев России. Этот музей вобрал коллекции музейных предметов палеонтологического, геологического, палеозоомологического профиля. Здесь представлены также скелеты и их слепки на расстоянии «вытянутой руки», в частности местные находки – скелет первобытного мамонта, найденный в 1927 году, в 40 метрах от деревни Шабуры Верещагинского района Пермской области, а также фрагменты скелетов трогонтериевых слонов, обнаруженных в Оханском районе Пермского края, в 2010-х годах.

Одним из основных веяний современного музея является его переход от места хранения и стационарного экспонирования предметов музейного фонда к функциям культурно-просветительской, научно-образовательной площадки.

¹⁶⁸ Мельников Е.Р., Балина Т.А. Роль цифровых технологий в развитии музейного дела // Цифровая география. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пермь, 2024. С. 379–382.

¹⁶⁹ Автоматизированная информационная система «Статистика» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https:// statais.mkrf.ru/](https://statais.mkrf.ru/) (дата обращения: 12.09.2025).

Важное место находит принцип соучастия, вовлечения разных групп посетителей не только к прослушиванию экскурсий, но и совместному изучению геологического и палеонтологического прошлого нашего региона, составляющих базис современной минерально-сырьевой базы Пермского края.

Рис. 34. Экспозиция Музея пермских древностей
Фото Е.Р. Мельникова

Современный ресурсный характер мировой экономики выделяет Пермский регион благодаря запасам калийно-магниевых солей, угля, нефти, газа, залежам хромитовых, золотоносных и алмазоносных руд, наличию драгоценных и поделочных минералов (агат, яшма, нефрит), строительных пластов (гипс, известняк).

Рис. 35. Геологическая экспозиция Музея пермских древностей
Фото Е.Р. Мельникова

Около 20% минерально-сырьевой базы современной мировой экономики сформировалось во времена пермского геологического периода, названного по наименованию Пермской губернии, в XIX веке. Именно неразрывная связь пермского периода и пермской земли, наличие геологического и палеонтологического наследия составляет основу для формирования научно-обоснованного бренда региона. При грамотном выстраивании регионального (территориального) бренда, Пермский край может повысить инвестиционную привлекательность, улучшить миграционные показатели и приблизить статус культурной, в данном случае палеонтологической, столицы страны.

Важно отметить не только историческую, визуальную, символическую составляющую брендинга территории, но и событийность, отсылающую к циклам мероприятий, увязывающих наследие с брендом в рамках тематических акций, событий.

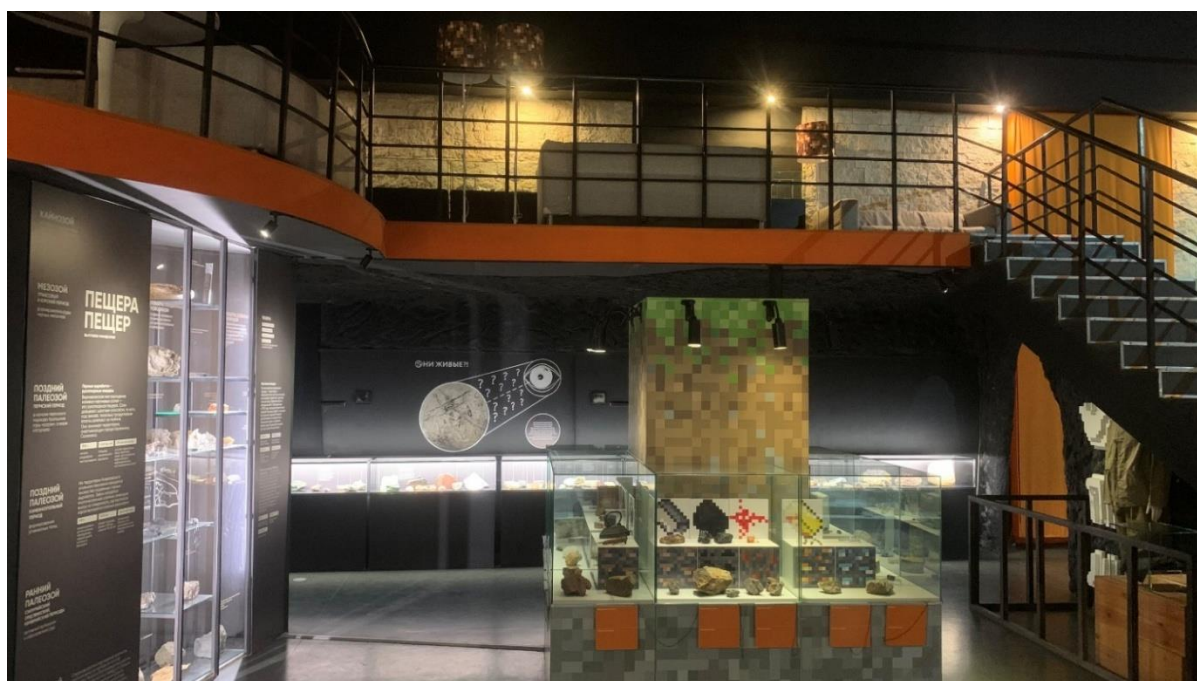

Рис. 36. Экспозиция Музей Пермских древностей
Фото Е.Р. Мельникова

Таким образом, историко-культурное наследие рассматриваемой территории представляется не только музейным экспонатом, но и характеризует «ДНК» территории. При ее грамотной «расшифровке» (научном исследовании) и «упаковке» (маркетинговому сценарию) регион может занять уникальное место на глобальной карте конкурирующих регионов.

Формирование научно-обоснованного бренда «Пермский период» на базе создаваемого одноименного музейного комплекса представляет собой стратегический проект, направленный на конструирование уникальной региональной идентичности и усиление геокультурного позиционирования Пермского края.

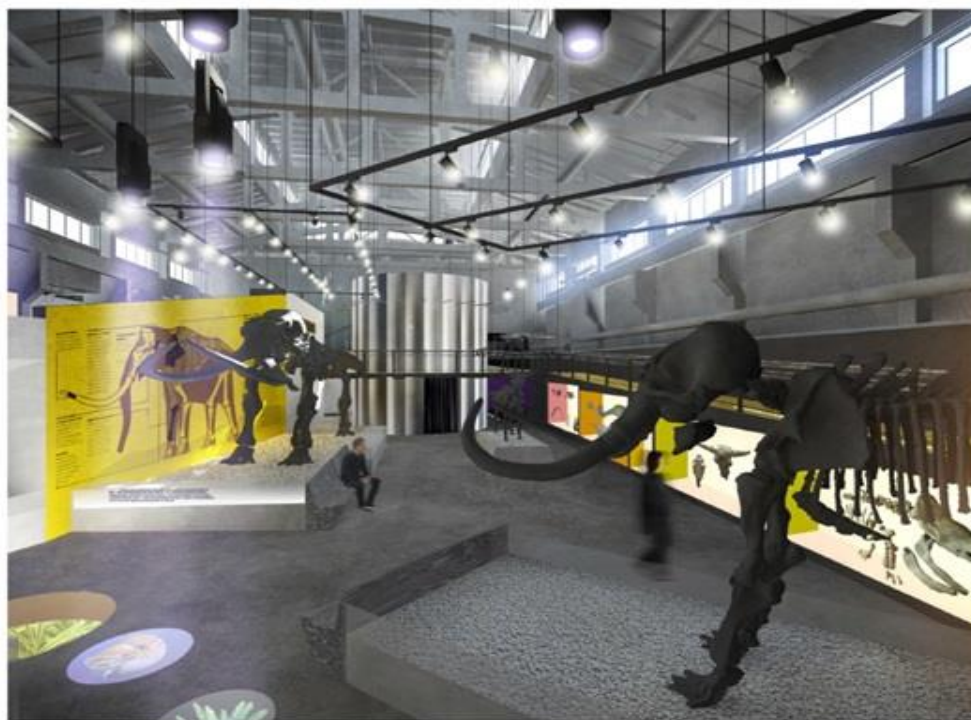

Рис. 37. Эскиз выставочного пространства в дизайн концепции нового музея «Пермский период» на территории социокультурного пространства «Завод Шпагина» (здание Литера Д1) в исполнении бюро «Белоусов и Корнилова»¹⁷⁰

Принципиально важно, что музей «Пермский период» концептуально осмысливается не как естественнонаучный музей в узком, классическом понимании, а как междисциплинарная институция, ориентированная на раскрытие историко-культурного контекста Пермского периода как части геологической истории планеты, утвердившей всемирную известность Перми как места его открытия¹⁷¹.

Изучение процессов восприятия, конструирования символов и практик взаимодействия различных социальных групп с формируемым культурным пространством представит ценнейшие данные для анализа трансформации культурных ландшафтов региона, может стать площадкой практических исследований культурной и поведенческой географии. Это формирует основу для прогнозирования траекторий социально-экономического развития Пермского края с его уникальным геологическим и культурным наследием.

¹⁷⁰ Сайт Министерства культуры Пермского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mk.permkrai.ru/novosti/?id=350773> (дата обращения 07.10.2025).

¹⁷¹ Вострикова Т.П., Глазырина Ю.В., Меркушева Е.Н., Островский С.Л. Завод Шпагина – пространство культуры – музей «Пермский период» // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 306–315.

Библиографический список

- Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
- Алаев Э.Б.* Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977. 199 с.
- Анимица Е.Г.* Города горнопромышленной зоны // Города Среднего Урала. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 304 с.
- Антонов Е.В.* Городские агломерации: подходы к выделению и делимитации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13 (1). С. 180–202.
- Ануфриев Е.А.* Социальный статус и активность личности. М. 1984. 287 с.
- Анучин В.А.* Теоретические основы географии. М.: Мысль. 1972. 430 с.
- Анучин В.А.* Теоретические проблемы географии. М.: МГУ. Географиз. 1960. 264 с.
- Бакланов П.Я.* Подходы и основные принципы структуризации географического пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 5. С. 7–18.
- Балина Т.А.* Региональная диагностика социальной ситуации (на материалах Пермской области): автореферат дис. ... канд. геогр. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 1996. 16 с.
- Балина Т.А.* Социальный мониторинг как инструмент диагностики социальной ситуации региона // Территория и общество / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2001. С. 55–63.
- Балина Т.А., Чупина Л.Б., Данилова Ю.Н., Наумов В.О.* Социокультурное развитие региона: понятие, направления, проблемы // Географический вестник. 2014. № 4 (31). С. 36–41.
- Балина Т.А., Столбов В.А., Чекменева Л.Ю., Мельников Е.Р.* Имидж территории: вопросы понятийно-терминологической систематизации и формирования // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2020. Т. 30. № 4. С. 473–483.
- Балина Т.А., Столбов В.А.* Социальное самочувствие населения в контексте поведенческой географии // Географический вестник. 2023. № 1 (64). С. 72–83.
- Балина Т.А., Николаев Р.С., Чекменева Л.Ю., Пономарева З.В.* Эволюция географической науки: от статистической к цифровой географии // Цифровая география: материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Пермь, 2020. Т.2. С. 7–11.
- Балина Т.А., Конышев Е.В., Пономарева З.В., Рязанцев А.С., Столбов В.А.* Территория и пространство: трансформация категорий на современном этапе развития географической науки // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2022. № 2. С. 25–33.
- Балина Т.А., Шарыгин М.Д., Пономарева З.В.* Территориальная общность людей как пространственная форма организации жизни населения // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сб. науч. ст. Смоленск, 2016. С. 66–74.

Балина Т.А., Замараева З.П., Осоргин К.С. Социальная активность населения: пространственный анализ (на примере Приволжского федерального округа) // Наука. Инновации. Технологии. 2025. № 1. С. 11–36.

Батулин Ф.А. Социальная активность трудящихся: сущность и управление. Новосибирск, 1984. 176 с.

Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Известия РГО. 1915. Т. 51. Вып. 9. С. 463–475.

Букина Т.В., Букин Е.К. Влияние транспортной доступности на повышение качества городской среды в старопромышленном городе // Ars Administrandi. 2014. № 3. С. 55–67.

Букина Т.В., Демидова О.А., Сверчкова Н.В. Изучение иерархических эффектов в российских регионах с помощью пространственных моделей / XVII Апрельская международная научная конференция «Модернизация экономики и общества»: сборник докладов: в четырех книгах. 2017. № 1. С. 245–256.

Бурьян А.П., Коробейников А.М. Территориальная организация, основные тенденции и перспективы развития Пермской агломерации // Территория и общество: межвед. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1996. С. 90–105.

Бурьян А.П. Трудовые и культурно-бытовые связи в Челябинской агломерации: автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. М., 1970.

Большаков В.В. Города-спутники в составе Челябинской агломерации. Проблемы и потенциал // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. 2014. С. 33–36.

Бухвальд Е.М. Агломерации и проблемы их законодательного регулирования // Жилищные стратегии. 2021. № 1. С. 11–26.

Веденин Ю. А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 1. С. 7–14.

Волкова А.В. Социально-экономическое развитие регионов РФ: дезинтеграция и демографическое сжатие // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 4 (76).

Вострикова Т.П., Глазырина Ю.В., Меркушева Е.Н., Островский С.Л. Завод Шпагина – пространство культуры – музей «Пермский период» // Актуальные проблемы изучения исторических городов-заводов. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 306–315.

Гаевский В.В. Агломерации России как объект государственного управления // Развитие городских агломераций. Аналитический обзор / Министерство регионального развития Российской Федерации. Вып. 2. С. 6–42.

Галкова О.В. Культурный ландшафт (методология и историография): монография / О.В. Галкова, И.А. Петрова, Г.П. Кибасова, В.В. Глазунов. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2020. 372 с.

Ганин О.Б. О потенциале развития пермской агломерации. URL: <https://www.business-class.ru/news/2020/03/08/ekspert-rasskazal-business-class-o-potencial-razvitiya-aglomeracii-v-permskom-krae>.

Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины. М.: Сов. энцикл., 1988. 432 с.

Герасименко Т.И. Этническая культура и ландшафт: грани взаимодействия // География и туризм. 2018. № 1. С. 52–60;

Геттнер А. География, ее история, сущность и методы. Л.-М.: Гос. Изд-во. 1930. 416 с.

Горкин А.П. Социально-экономическая география: Понятия и термины. Словарь-справочник / отв. ред А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена. 2013. 328 с.

Григорьев А.А. Предмет и задачи физической географии: общие принципы изучения структуры физико-географического процесса // На методологическом фронте географии и экономической географии. М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. С. 45–59.

Давидович В.Г., Гутман Г., Лаппо Г.М. Вопросы развития городских агломераций в СССР // Современные проблемы географии. М., 1964. 135 с.

Демидова О.А. Методы пространственной эконометрики и оценка эффективности государственных программ // Прикладная эконометрика. 2021. № 4. С. 107–134.

Демидова О.А. Различные модели конвергенции бедных, средних и богатых регионов России // Экономика региона. 2021. Т. 17. № 4. С. 1151–1165 (на англ.).

Добрякова В.А., Добряков А.Б., Макарова К.И. Геоинформационное картографирование размещения населения для анализа его пространственной динамики // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2023. Т. 29, № 2. С. 150–161.

Добрякова В. А. Сравнительный анализ изменения людности населенных пунктов Тюменской области за периоды 1990–2000 и 2000–2010 гг. // Вестник Тюменского государственного университета. Экология и природопользование. 2013. № 4. С. 7–14.

Дружинин А.Г. Теоретико-методологические основы географического исследования культуры: дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 1995.

Дружинин А.Г. От «архипелага» городских агломераций к конурбациям и организуемым ими "большим пространствам": транспортно-инфраструктурная обусловленность нового тренда в территориальной организации России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. С. 701–704.

Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. М.: ИНФРА-М, 2017. 251 с.

Жекулин В.С. О структурных уровнях организации географической науки // География в системе наук. Л.: Наука, 1986. 212 с. С. 32–52.

Забелин И.М. Теория физической географии. М.: Географгиз. 1959. 303 с.

Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.

Затолокин А.С., Петров Ю.В. Эколого-географические приоритеты трансформации социально-экономического развития Тюменской области (без автономных округов) // Пространственная организация общества: теория, методология, практика / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2023. С. 188–191.

Земцов С.П., Смелов Ю.А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. Т. 40. № 4. С. 84–108.

Зубаревич Н.В. Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 2. С. 158–167.

Зырянов А.И. Регион: пространственные отношения природы и общества. Пермь. 2006. 372 с.

Изучение территориальной организации общества в свете идей М.Д. Шарыгина / под ред. Т.А. Балиной; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь. 2024. 188 с. Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/SHarygina-Izuchenie-territorialnoj-organizacii-obshchestva-v-svete-idej.pdf>.

Иоффе Г.В., Крылов М.П. Анализ системы географических наук с позиции концепции структурных уровней: сб. тезисов докладов III Всесоюзного симпозиума по теоретическим вопросам географии. Киев: Наукова думка, 1977. 154 с. С. 119–120.

Исаченко А. Г. Теория и методология географической науки: учебник для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 400 с.

Исаченко А.Г. Основные вопросы физической географии. Л., 1953. 392 с.

Ишмурастов Б.М. Региональные системы производительных сил: Методол. основы геогр. анализа. Новосибирск: Наука, 1979. 237 с.

Лямин В.С. География и общество: Философские и социологические проблемы географии. М.: Мысль, 1978. 309 с.

Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 61–69.

Каледин Н.В. Географическая научная картина мира: деятельностно-геопространственный контекст // Вестник СПбГУ. Сер. 7, 2003, вып. 1 (№7). С. 111–116.

Калесник С.В. Географическая среда. БСЭ, т. 6, 1971. С. 750.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Кедров Б.М. О геометодике как особом способе познания // География в системе наук. Л.: Наука, 1986. 212 с. С. 7–10.

Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека, М., 1984. 252 с.

Коломак Е.А. Влияет ли структура городской системы на экономическое развитие территорий // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2016. № 1 (499). С. 49–60.

Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.; Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 336 с.

Константинов В.Н. Социальная активность и пассивность личности. Владимир: Знание. 1990. 118 с.

Коробейников А.М. Территориальная общественная система: основные черты концепции // Территориальные социально-экономические системы Урала. Пермь: ПГУ, 1986. С. 38–42.

Крюков В.А., Токарев А.Н. Инновационно-ресурсные направления развития промышленности: пример Юга Тюменской области // Проблемы прогнозирования. 2023. № 1(196). С. 42–52.

Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.

Лаппо Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Наука, 1978. 152 с.

Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Городские агломерации России [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2010/02/16/demoscope407>.

Лаппо Г., Полян П., Валиванова Т. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1 С. 45–52.

Листенгурт Ф.М. Критерии выделения крупномасштабных агломераций в СССР // Известия АН СССР. Сер.геогр. 1975. №1. С. 48–60.

Лучников А.С., Меркушев С.А. Лучше один раз увидеть... // Пермский университет (газета). 2010. № 12 С. 3.

Лучников А.С., Мышлявцева С.Э., Фирсова А.В., Фролова И.В. Реализация деятельностного подхода в школьном курсе географического краеведения (по мотивам нового учебного пособия «Мой Пермский край») // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2018. С. 617–621.

Лучников А.С., Меркушев С.А. Реализация компетентностного подхода в учебных практиках на географическом факультете ПГНИУ // Национальный исследовательский университет в системе непрерывного образования (к 95-летию Пермского университета): материалы междунар. науч.-метод. конф. Пермь, 2011. С. 186–189.

Максаковский В.П. Географическая культура: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 1998. 416 с.

Мельников Е.Р., Балина Т.А. Роль цифровых технологий в развитии музейного дела. В сборнике: Цифровая география. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пермь, 2024. С. 379–382.

Мересте У.И., Ныммик С.Я. Современная география: вопросы теории. М.: Мысль, 1984. 296 с.

Меркушев С.А., Николаев Р.С. О развитии Пермской агломерации// Индустриальная цивилизация: прошлое или будущее России? Материалы III Пермского конгресса ученых-экономистов. Том 2. 2017. 8 с.

Мукистанов Н.К. От Страбона до наших дней: Эволюция географических представлений и идей. М.: Мысль, 1985. 237 с.

Одинцова А.В. Проблемы развития агломераций в России // Федерализм. 2021. № 2. С. 65–83.

Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь, 1974. 397 с.

Осипов В.А. Социально-экономические проблемы управления природопользованием. Концептуальный аспект. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. 244 с.

Осипов В.А. Влияние рентных отношений на эффективность природопользования и управления окружающей средой // Проблемы природопользования в районах со сложной экологической ситуацией. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. С. 7–10

Осипов В.А. Социально-экономическая ситуация и современные проблемы управления природопользованием в России // Геоэкологические аспекты функционирования хозяйственного комплекса Западной Сибири. Тюмень: ТюмГУ, 2001. С. 76–100.

Осинский И.И., Бутуева З.А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета, 2015. № 14. С. 38–45.

Перцик Е.Н. Проблемы развития городских агломераций // Academia. Архитектура и строительство. 2009. №2. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-gorodskih-aglomeratsiy](https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-gorodskih-aglomeratsiy)

Петрушина О.В., Сергеева Н.М., Власова О.В., Зюкин Д.А. Влияние урбанизации на социально-экономическое развитие региона // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. № 3 (393). С. 251–254.

Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1999. 232 с.

Победин А.А. Проблемы развития екатеринбургской городской агломерации // Муниципалитет. Экономика и управление. 2012. №2. С. 48–56.

Покишишевский В.В. География миграции населения России. Опыт историко-географического исследования: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Москва, 1949.

Полян П.М. Территориальные структуры – урбанизация – расселение: теоретические подходы и методы изучения. М.: Новый хронограф. 2014. С.346.

Полян П.М., Заславский И.Н., Наймарк Н.И. Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик. Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988. С. 26–40.

Попова П.А., Букина Т.В., Кашин Д.В. Влияние межрегиональных пространственных эффектов на экономическое развитие регионов России // Journal of Applied Economic Research. 2024. Т. 23. № 3. С. 751–775.

Рагулина М.В. Концепции культуры и культурный ландшафт // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 167–169.

Ратникова Т.А. Введение в эконометрический анализ панельных данных // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 10. № 2. С. 267–316.

Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 637 с.

Реклю Э. Человек и земля. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. Т. 1. 543 с.

Родоман Б.Б. Сущность и методы географии: География, районирование, картоиды / сб. трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с. С. 14–25.

Саралидзе А.М., Доничев О.А. Формирование автодорожной инфраструктуры как инструмента межрегиональной экономической интеграции // Финансы: теория и практика. 2014. № 1. С. 36–47

Саушкин Ю.Г. Географическая среда человеческого общества / География и хоз-во, 1963, вып. 12. С. 67–78.

Саушкин Ю.Г. Культурный ландшафт // Вопросы географии. М.: Мысль, 1946. Вып. 1. С. 97–106.

Саушкин Ю.Г. От метагеографии к теоретической географии / География в системе наук. Л.: Наука, 1987. 212 с. С. 11–20.

Сафиуллин Р.Г. Эволюция научно-образовательной сферы России: территориально-структурные особенности и тенденции // Успехи современного естествознания. 2020. № 9. С. 94–99.

Семерикова Е.В., Демидова О.А. Анализ региональной безработицы в России и Германии: пространственно-эконометрический подход // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 64–85.

Семерикова Е.В., Демидова О.А. Взаимодействие региональных рынков труда в России: анализ с помощью пространственных эконометрических моделей // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 57–80.

Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в макрорегионе: Дальний Восток России: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Пермь, 2013. 35 с.

Скрицкая М.К., Петров Ю.В. Система традиционного природопользования как источник воздействия на организацию территориальных общественных систем // Пространственная организация общества: теория, методология, практика. Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 357–360.

Скутин В.А. Экономико-географические проблемы расселения в Свердловской городской агломерации: (11.00.02): автореф. дис. ... канд. геогр. наук / АН СССР. Ин-т географии. М., 1975. 31 с.

Смирнов А.М. Общегеографические понятия / Теоретическая география. Вопросы географии. М.: Мысль, 1971. № 88. С. 29–64.

Смирнов В.А. Социальная активность советских рабочих (некоторые методологические и социологические аспекты проблемы). М., 1979. 207 с.

Смирнягин Л.В. Вернакулярный район // Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник /отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 35–36

Сочава В.Б. Учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1975., 40 с.

Степанов М.Н. Развитие поселений-спутников Перми // Города-спутники. М., 1961. С.78–82с.

Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Региональный капитал. Пермь, 2016. 553 с.

Столбов В.А., Шарыгин М.Д. Географическое мышление: новые грани проявления // Известия Всесоюзного географического общества. 1991. Т. 123. № 3. С. 239–246;

Столбов В.А. Географическая материя: субстанция и атрибуты // Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2022. Т. 32. № 2. С. 216–228.

Стрелецкий В. Н. Европейское и российское культурные пространства: опыт историко-географического сравнения // Исторический подход в географии и геоэкологии: Материалы VII Международной научно-образовательной конференции по исторической географии, Санкт-Петербург / отв. редактор Л.Б. Вампилова. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2023. С. 45–52.

Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: дис. ... д-ра геогр. наук / ИГ РАН. М., 2012. 320 с

Стрелецкий В.Н. Географические оси и главные векторы трансформации социокультурного пространства России в начале XXI в // Тенденции пространственного развития современной России и приоритеты его регулирования: материалы Международной научной конференции (XIII Ежегодная научная Ассамблея АРГО), Тюмень: ТюмГУ-Press, 2022. С. 77–84.

Стрелецкий В.Н., Горохов С.А. Специфика и тенденции развития культурной географии в России в начале XXI века // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2022. Т. 86, № 3. С. 374–392.

Субботина Т. В., Шарыгин М.Д. К вопросу о подготовке магистров // Университеты в формировании специалиста XXI века: тез. докл. междунар. науч.-метод. конф. Пермь, 1999. Т. 2. С. 89–91.

Сысоева Н. М. Развитие потребительской среды региона. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2004. 189 с.;

Теория и методология географической науки: учебник / М.М. Голубчик, С.П. Евдокимов, Г.Н. Максимов [и др.] М.: Гуманитар. изд. Центр ВЛАДОС, 2005. 463 с.

Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 1995. 155 с.

Трофимов А.М., Шарыгин М.Д. Общая география: вопросы теории и методологии: монография. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. 494 с.

Трофимов А.М., Солодухо Н.М. Вопросы методологии современной географии: Учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. 83 с.

Туровский Р.Ф. Политическая география: учеб. пособие. М.-Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.

Челябинская агломерация. Потенциал развития / В. Глазычев, И. Стародубровская и др. Челябинск, 2008. 278 с.

Чепкасов П.Н. Спутники города Перми. Экономико-географический очерк Пермской агломерации в связи с проблемами расселения // Ученые записки Пермского государственного университета. Экономическая география. 1966. Вып. 3. №128. С. 5–64.

Черкашина Т.Ю. Субъективное качество жизни населения: интегральная оценка и частные индикаторы // Регион: экономика и социология. 2006. № 3. С. 97–110.

Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломераций. На примере Московской агломерации: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005. 44 с.

Хорев Б.С. К вопросу о метагеографическом подходе: При определении общих понятий географии. / сб. тезисов докладов III Всесоюзного симпозиума

по теоретическим вопросам географии. Киев: Наукова думка, 1977. 154 с. С. 109–113.

Цапиева Д.А. Деневизюк, М.М. Агарагимова А.А. Интегральная оценка устойчивого развития города // Экономический анализ: теория и практика. 2007. №20. URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/integralnaya-otsenka-ustoychivogo-razvitiya-goroda](https://cyberleninka.ru/article/n/integralnaya-otsenka-ustoychivogo-razvitiya-goroda).

Шайдунова Е.С., Субботина Т.В. Теоретико-методологические вопросы изучения социального благополучия населения на примере Пермского края // Геополитика и экогеодинамика регионов, 2020. Т. 6 (16). № 2. С. 146–157.

Шарыгин М.Д. Общественная география в системе научного знания: проблема географизации // Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика: сборник научных статей, Смоленск, 14–16 октября 2016 года. Смоленск: Универсум, 2016. С. 45–52.

Шарыгин М.Д., Столбов В.А. Теоретико-методологические аспекты поиска законов и закономерностей в общественной географии // Географический вестник. 2020. №1(52). С. 22–32.

Шарыгин М. Д., Столбов В. А. Регион в условиях перехода к рыночной экономике. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 1995. С. 6–15.

Шарыгин М.Д. Общественная география в России: тернистый путь развития // Географический вестник. 2017. № 2(41). С. 17–25.

Шарыгин М.Д. Пятидесятилетие кафедры социально-экономической географии (исторический экскурс) // Пятидесятилетие кафедры социально-экономической географии Пермского университета. Пермь, 2005. С. 4–8.

Шарыгин М.Д., Столбов В.А., Субботина Т.В. Магистр-специалист XXI века // Магистратура в вузах России: материалы науч.-метод. конф. Воронеж, 2000. С. 140–144.

Шарыгин М.Д., Резвых В.В., Столбов В.А., Субботина Т.В. Проблемы формирования межмуниципальных образований Пермского края // Административно-территориальные реформы России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Пермь, 2006. С. 131–134.

Шарыгин М.Д. Основные проблемы экономической и социальной географии. Пермь: Пермский государственный университет, 1997. 272 с.

Шарыгин М. Д. Общественная география на рубеже столетий: тенденции и проблемы развития // Территория и общество. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2001. С. 3–13.

Шарыгин М.Д., Осоргин К.С. Территориальная основа организации местного сообщества // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 3. С. 94–104.

Шувалов В.Е. Энерго-производственный цикл // Научно-образовательный портал «Большая российская энциклопедия». 2024. № 3.

Шмидт А.В., Антонюк В.С., Франчини А. Городские агломерации в региональном развитии: теоретические, методические и прикладные аспекты // Экономика региона. 2016. Т. 12, вып. 3. С. 776–789.

- Audretsch D.B., Keilbach M.* Entrepreneurship and regional growth: an evolutionary interpretation // *Journal of evolutionary economics*. 2004. Vol. 14. Pp. 605-616.
- Basile R., Girardi A., Mantuano M.* Migration and regional unemployment in Italy // *The Open Urban Studies Journal*. 2012. Vol. 5. No. 1.
- Bosma N. et al.* Institutions, entrepreneurship, and economic growth in Europe // *Small Business Economics*. 2018. Vol. 51. Pp. 483-499.
- Demidova O., Signorelli M.* Determinants of youth unemployment in Russian regions // *Post-Communist Economies*. 2012. Vol. 24. No. 2. Pp. 191–217.
- Demidova O., Marelli E., Signorelli M.* Spatial effects on the youth unemployment rate: The case of eastern and western Russian regions // *Eastern European Economics*. 2013. Vol. 51. No. 5. Pp. 94-124.
- Diebolt C., Hippe R.* The long-run impact of human capital on innovation and economic development in the regions of Europe // *Applied Economics*. 2019. Vol. 51. No. 5. Pp. 542-563.
- Fujita M.* Development of East Asian regional economies: A view from spatial economics // *Regional Integration in East Asia: From the Viewpoint of Spatial Economics*. – London: Palgrave Macmillan UK, 2010. Pp. 64–88.
- Hanson G. H.* Market potential, increasing returns and geographic concentration // *Journal of international economics*. 2005. Vol. 67. No. 1. Pp. 1–24.
- Hanushek E. A., Ruhose J., Woessmann L.* Knowledge capital and aggregate income differences: Development accounting for US states // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2017. Vol. 9. No. 4. Pp. 184–224.
- Ignatov A.* Analyzing the determinants of the European union's regional economic development // *Global Economy Journal*. 2019. Vol. 19. No. 01.
- Kolomak E. A.* Spatial externalities as a source of economic growth // *Regional Research of Russia*. 2011. Vol. 1. Pp. 114–119.
- Krugman P.* First nature, second nature, and metropolitan location // *Journal of regional science*. 1993. T. 33. No. 2. Pp. 129–144.
- Krugman P.* Increasing returns and economic geography // *Journal of political economy*. 1991. Vol. 99. No. 3. Pp. 483–499.
- Krugman P.* The role of geography in development // *International regional science review*. 1999. Vol. 22. No. 2. Pp. 142–161.
- Pesaran M H.* A simple panel unit root test in the presence of cross-section dependence // *Journal of applied econometrics*. 2007. Vol. 22. No. 2. Pp. 265–312.
- Rodríguez-Pose A.* Do institutions matter for regional development? // *Regional studies*. 2013. Vol. 47. No. 7. Pp. 1034–1047.
- Romer P. M.* Increasing returns and long-run growth // *Journal of political economy*. 1986. Vol. 94. No. 5. Pp. 1002–1037.
- Tamura R. et al.* Economic growth in the long run // *Journal of Development Economics*. 2019. Vol. 137. Pp. 1–35.
- Tobler W.R.* A Computer Movie Simulating Urban Growth in the Detroit Region // *Economic Geography* Vol. 46, Jun., 1970, Supplement: Proceedings. International Geographical Union. Commission on Quantitative Methods. [online]. URL: <https://www.jstor.org/stable/i207818> (accessed at 24.10.2025).
- World Bank.* World development report 2008: Agriculture for development. – The World Bank, 2008.

Научное издание

**Кафедра социально-экономической географии:
семь десятилетий развития**

Монография

Под редакцией Т. А. Балиной

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка: *Т. А. Балина*
Дизайн обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 12.12.2025. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 7,67. Тираж 500 экз. Заказ 13

Управление издательской деятельности
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15